

Российское общество социологов
Министерство образования и науки Российской Федерации
Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина

Современное российское студенчество:
историческая память
о Великой Отечественной войне
и формирование патриотизма
и гражданственности

Екатеринбург 2011

УДК 37.017.4-057.875:94(47).084.8
ББК 74.58p30+63.3(2)622
С56

Современное российское студенчество: историческая память о Великой Отечественной войне и формирование патриотизма и гражданственности/ под общей ред. Ю.Р. Вишневого. Екатеринбург: УрФУ, 2011. 510 с.

ISBN 978-5-82-95-0072-6

Редакторы-составители:

к.полит.н., доц. А.А. Айвазян, д.ф.н., проф. Ю.Р. Вишневецкий (отв.редактор), В.А. Ружа, Д.В. Трынов

В книге рассматриваются результаты мониторинга (федеральные исследования Российского общества социологов «Современное российское студенчество о Великой Отечественной войне», проведенные в 2005 и 2010 гг.), обобщаются многочисленные материалы по теоретико-методологических и эмпирических исследований по проблемам исторической памяти, патриотизма и гражданственности. Монография может быть полезна всем интересующимся данной проблематикой, организаторам патриотического воспитания молодежи, преподавателям, студентам и аспирантам гуманитарных вузов, всем, кому дорога память о Великой Победе.

УДК 37.017.4-057.875:94(47).084.8
ББК 74.58p30+63.3(2)622

ISBN 978-5-82-95-0072-6

© Авторы, 2011
УрФУ, 2011

Современность наполнена противоречивыми и неоднозначными тенденциями и процессами. Формирование гражданственности и патриотизма сегодняшней молодежи находится под влиянием этих процессов. С одной стороны, это демократизация и глобализация общественной жизни, а с другой стороны – нарастание асоциальных проявлений, националистических и террористических выступлений в мире.

Россия по своей территории, сырьевым и природным богатствам является объектом внимания европейского и североамериканского сообщества как источник сырья. Однако российское культурно-историческое наследие, российское образование имеют важный вес в мире, и по мнению исследователей, является нашим стратегическим приоритетом, хотя в последние десятилетия наше образование претерпело и продолжает испытывать на себе разнообразные не всегда полезные изменения и трансформации. Воспитание гражданина и патриота в этих условиях являются исключительно важными для будущей истории России.

Воспитание гражданственности и патриотизма в России несомненно базируются на традиционных фундаментальных основаниях, одним из которых является историческая память, память о Великой Отечественной войне. Традиционно с 2005 года Российское общество социологов проводит исследования, посвященные исторической памяти. Исследуется трансформация взглядов молодежи на роль и место победы российского народа в Великой Отечественной, места этой победы в истории страны и мира в целом. Неизменными вдохновителями и руководителями исследований и дальнейших публикаций являются руководители региональных отделений РОС. Эти исследования – не только проявление общественной инициативы членов нашего научного сообщества. Не менее значимы эти исследования, особенно – их коллективный характер – и в плане научного взаимодействия членов Российского общества социологов, что заметно повышает их вклад в развитие социологической науки и повышении её социальной роли.

Хочется выразить искреннюю признательность и благодарность всем, кто принимает участие в этом проекте, который можно смело назвать проектом памяти о Великой Отечественной войне!

Президент РОС
В.А.Мансуров

Введение

Пока свободою горим,
Пока сердца для чести живы
Мой друг, отчизне посвятим
Души прекрасные порывы.

А.С. Пушкин

«Забыть о войне нельзя не только потому, что этого требует память о тех, кто не вернулся с фронта и не только потому, что искренний разговор о войне – это всегда призыв к миру. Это еще и воспитание чувств».

Юлия Друнина

Наша книга выходит накануне 22 июня 2011 года – к 70-летию начала Великой Отечественной войны, войны «священной», войны «народной», войны, ставшей для каждого советского человека, для каждой семьи тяжелейшим испытанием и одновременно являющейся величайшим событием не только в истории XX века, но и всей истории человечества. День 22 июня – это «День памяти и скорби». Памяти о Великой Победе, о великом подвиге, который совершили деды и прадеды современных студентов. Скорби о тех, кто на фронте и в тылу, жертвуя нередко самым дорогим – жизнью, «приближали, как могли», День Победы. 1418 дней – для человечества краткий миг. Но эти дни должны оставаться в памяти все новых поколений вечно. Каждому новому поколению, вступающему в активную самостоятельную жизнь нужно помнить, «какой ценой завоевано счастье» – счастье мирной, свободной жизни

В процессе создания этой книги, в итоге превратившейся в коллективную монографию с участием известных отечественных и зарубежных ученых (социологов, историков, философов, педагогов), её замысел углублялся и обогащался. Первоначально предполагалось обобщить материалы двух федеральных исследований, инициированных Российским обществом социологов, «Российское студенчество о Великой Отечественной войне» (2005 и 2010 гг.). Затем задача усложнилась – исследователей заинтересовало, насколько полученные ими результаты соотносятся с общими тенденциями развития патриотического сознания российской молодежи (шире – разных поколений россиян, еще шире – народов тех стран, которые еще недавно входили в состав СССР, других стран – участников Второй мировой войны). Наконец, сказала и серьезная теоретико-методологическая переориентация отечественной социологической науки, потребовавшая по-новому рассмотреть многие исходные понятия проведенного исследования и, прежде всего, патриотизм, гражданственность, социальная и историческая память.

Целый ряд фактов оживления в молодежной среде экстремистских и националистических настроений (в частности, события на Манежной площади в Москве в декабре 2010 г. и отклики на них) вновь актуализировали проблемы гражданского воспитания молодежи, соотношения гражданственности, патриотизма и национализма¹.

В данном случае стоит задуматься, что в молодежном сознании эти события далеко не всегда воспринимаются как экстремистские. Согласно исследованию «Межнациональная нетерпимость в городской молодежной среде»², 76% опрошенных молодых людей сочувствовали участникам выступлений на Манежной площади в Москве, 78% респондентов назвали события на Манежке акцией протеста против коррупции и так называемой этнической преступности (58 %) и не увидели в этом националистического выступления, хотя основными лозунгами были «Россия для русских» и «Москва для москвичей». Обратим внимание еще на один аспект проблемы. Э.Р. Тагиров в начале 2000-х гг. зафиксировал распространенность среди современной молодежи стереотипов «баррикадной культуры»: по данным опроса ка-

¹ Примечателен вывод известного деятеля российского образования А. Кондакова, связавшего данные события с недостатками работы современной российской школы: «в последнее время школа предоставляла детям лишь знания, а не воспитание, что и привело к побоищу на Манежной площади».

² Проведено Агентством социальных технологий «Политех» при содействии Института этнологии и антропологии РАН (см.: ru.wikipedia.org).

занских студентов – будущих экономистов и финансистов – 37% предпочитают соперничество, никогда не уступают своих интересов и готовы на применение силы ради достижения победы; 27% предпочитают «не ввязываться» в конфликт, 19% – готовы полностью уступить сопернику, 15% считают лучшим для себя искать компромисс, хотя не знают, как это делать, лишь 2% – готовы к сотрудничеству и совместному поиску решения¹. А это означает важность целостного анализа молодежи, необходимость изучения взаимосвязи его патриотического сознания с ценностными установками и ориентациями, нормами поведения, повседневными жизненными практиками.

Ныне возрастает интерес социума и научной общественности к историческому прошлому России, особенно к событиям, в которых гражданственность и патриотизм народа проявились наиболее наглядно и определили успех. В ряду этих исторических событий, несомненно, самое знаменательное – Победа советского народа в Великой Отечественной войне. Представленные в коллективной монографии материалы отражают сложный и противоречивый процесс исторической памяти (а нередко и исторического забвения) современного – постсоветского – российского студенчества. При этом исследования более широкого плана, охватывающие и иные группы молодежи, и иные возрастные группы, раздвигают границы анализа, позволяют выявить и общие тренды, и специфические особенности данного процесса. В таком широком подходе к исследуемой проблеме мы исходим из методологии понимания «русского мира»: «Русский мир – это не только Россия и русские в мировой истории – это связь во времени и пространстве, в жизни и сознании тех, кто объединены чувством сопричастности всей многовековой истории России с ее взлетами и падениями, грехами, заблуждениями и метаниями. Русский мир – это и мы сами в мире, и мир в нашем русском взгляде на него»².

Широкий временной диапазон (как правило, в монографию включались исследования 2005-2010 гг., но в отдельных материалах отражены и исследования 1990-х, начала 2000-х гг.) помогает представить процесс исторической памяти (или исторического забвения) в динамике. Осмысление феномена Великой Победы как исторической памяти раскрывает сложные механизмы реализации «интегральной и социально-инерционной функций в сохранении для ныне живущих поколений глубинных, жизненно важных смыслов прошлого»³. А это значит и выявляет, что уже удалось достигнуть в патриотическом воспитании современного студенчества, а что еще предстоит сделать в ближайшие годы.

Собственно о необходимости возрождения в России патриотического сознания и патриотического воспитания активно заговорили уже с начала 2000-х гг. Свидетельством государственного подхода к этому важному делу явились три последовательно реализуемые Федеральные целевые программы «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2001 – 2005 гг., 2006 – 2010 гг. и 2011 – 2015 гг. Важными импульсами явились юбилейные даты – 60-летие и 65-летие Великой Победы.

Стремление по-новому осмыслить исторический опыт и обратиться к патриотизму как к социокультурному феномену, цементирующему целостность и единство общества на уровне властных структур особенно проявилось в выступлениях руководителей страны. По оценке Д.А. Медведева, «межнациональная рознь представляет огромную опасность для развития страны»⁴. Необходимо «уделять внимание нашей многонациональной культуре, но – вне всякого сомнения – особое внимание должно уделяться русской культуре». Русская культура – «это костяк всей национальной культуры. Нужно развивать лучшие черты национально-

¹ Тагиров Э.Р. Культура мира – идеология развития человечества (конфликтологический подход). Казань, 2004. С.117.

² Нарочницкая Н.А. Русский мир. СПб., 2007. С.5.

³ Юбилей великой победы: канун возрождения и развития российского патриотизма. Волгоград, 2005. С.6.

⁴ [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.gazeta.ru/news/lenta/2011/01/17/n_1659938.shtml
http://www.vedomosti.ru/newspaper/article/253262/starshij_brat#ixzz1BN7r9Ugc В этой связи уместно вспомнить мнение русского мыслителя Г.П. Федотова, определившего крушение Российской империи в 1917 г. как «итог векового выветривания национального сознания», когда русский народ «потерял сознание нужности России» (См.: Федотов Г.П. Судьба и грехи России. СПб., 1991. Т.1. С.175).

го характера: терпимость, отзывчивость, умение уживаться с соседями». Созвучна и мысль В.В. Путина: «Конечно, нам должно быть стыдно за то, что сейчас происходит. Вы посмотрите, мы же все родом из недалекого прошлого. Ведь в Советском Союзе не было таких проблем с межнациональными отношениями. Советской власти удалось создать обстановку межэтнического и межконфессионального мира... Советской власти удалось создать некую субстанцию, которая оказалась над межэтническими и межконфессиональными отношениями. К сожалению, она была и носила идеологический характер. Это социалистическая идея. Даже придумали некую новую общность людей. Советский народ». И подчеркнул: «Есть только одно, что может заменить то, что неплохо работало раньше, – это общероссийский патриотизм»¹.

Постановка проблемы общероссийского патриотизма особенно актуально звучит на фоне недавних заявлений руководителей ряда стран ЕЭС (Великобритания, ФРГ, Франция) о «кризисе мультикультурализма»².

Но в социальных и гуманитарных науках сохраняется и даже обостряется ситуация, связанная с *недостаточной разработкой концептуальных основ современной теории российского патриотизма*. Не перевелись попытки редуцировать такое сложное и противоречивое социокультурное явление, как патриотизм, к кратким, «понятым», «легко» операционализируемым и реализуемым в воспитательной практике качествам личности.

Более того, применительно к патриотизму особенно проявляется *несогласованность методологических оснований*. Налицо своеобразный *терминологический хаос*, специфика которого в том, что сходное понимание разными авторами патриотизма как «любви к Родине» сочетается с разным содержательным наполнением и неадекватной трактовкой и «Родины», и «любви», и характера отношения к Родине, Отечеству, и формирования этого отношения – особенно у молодежи. Ситуация усугубляется из-за междисциплинарных различий, когда в ракурсе той или иной науки акцентируются разные аспекты понятия «патриотизм», происходит его «педагогизация» или «психологизация», многогранность патриотического воспитания сводится к военно-патриотическому. Соответственно, возникла проблема разработки *интегративного* определения понятия «патриотизм», выявления специфики социологического анализа этого социокультурного явления и – как предпосылки его эмпирического исследования – операционализации понятия «патриотизм».

Обращение к категориальному анализу патриотизма и взаимосвязанных с ними понятий «историческая память» и «гражданственность» придало целостность обобщению результатов эмпирического исследования, хотя и заметно усилило плюрализм и разнообразие высказываемых взглядов и занимаемых позиций. Волгоградские коллеги обратили внимание на существенную характеристику такого плюрализма³: «Наследие Великой Победы, являясь средоточием общенациональных духовных ценностей, существует в пространстве современных поколений россиян, имеющих различные ценностные векторы (демократические, либеральные, общечеловеческие, религиозные, коммунистические и др.)». Но, представляется, что именно в спорах, дискуссиях рождается научная истина.

Наша коллективная монография призвана внести посильный вклад в возрождение и

¹ Цит. по: Польгуева Е. Планета братства – СССР // Советская Россия. 2010. 30 декабря. Мы намерено использовали материал оппозиционной газеты, чтобы показать: серьезные изменения в ориентациях властных структур не прошел незамеченным. И, возможно, патриотизм явится основой интеграции здоровых сил российского социума вне зависимости от их политических ориентаций.

² Д. Кэмерон (премьер Великобритании): «Политика мультикультурализма нас подвела, настало время либерализма с мускулами»; А. Меркель (канцлер ФРГ): «Этот подход, когда говорим, что живем бок о бок и довольны друг другом, абсолютно себя не оправдал»; Н. Саркози (президент Франции): «Это провал! Мы во всех наших демократических сообществах слишком сильно озабочены идентичностью тех, кто приезжает, и недостаточно – идентичностью тех, кто их принимает» (См.: Комсомольская правда, 2011. 12 февраля). Справедливости ради подчеркнем: для европейских стран и для России проблема мультикультурализма выступает в разных ипостасях – для них актуальнее культурное взаимодействие коренных жителей и мигрантов, для России – культурное взаимодействие различных народов, веками совместно живущих на родной земле.

³ Юбилей великой победы: канун возрождения и развития российского патриотизма. Волгоград, 2005. С.7.

дальнейшее развитие системы патриотического воспитания как приоритетного направления в общей системе воспитания граждан России. А в этом направлении предстоит еще сделать немало.

Важно сформировать у каждого гражданина России (особенно – у будущего молодого специалиста) активную жизненную позицию, социально-значимые, духовно-нравственные и культурно-исторические ценности, взгляды и идеалы, национальное самосознание и такие качества, как патриотизм, любовь и преданность своему Отечеству; долг и ответственность за судьбу Отечества и готовность к его защите, уважение к старшим, религиозным воззрениям граждан, историческому и культурному прошлому России.

Необходима систематическая и целенаправленная деятельность органов государственной власти, соответствующих социальных и государственных институтов (прежде всего, семьи и учреждений образования и культуры), общественных объединений и организаций по формированию у граждан высокого патриотического сознания, чувства верности своему Отечеству, готовности к выполнению гражданского долга и конституционных обязанностей по защите интересов Родины. Особое внимание – наряду с военно-патриотическим воспитанием – должно быть уделено гражданско-патриотическому воспитанию, формированию правовой культуры и законопослушности, высокой нравственности и общей культуры, четкой гражданской позиции, развитию осознанного, ответственного и активного стремления к участию в общественной жизни страны.

В рамках патриотического воспитания важно развивать историческое сознание и историческую память на основе глубокого изучения истории государства, традиции и культуры народов России; формировать уважительное отношение к истории России и её историческим традициям. Вместе с тем нужно учитывать, что в современном российском обществе и массовом сознании феномен Великой Победы представлен как преимущественно феномен прошлого, непосредственных участников этих исторических событий остается, к глубокому сожалению, все меньше. Важно шире использовать способность прошлого трансформироваться в настоящее – через передачу своих смыслов, ценностей, нравственных принципов новым поколениям. Поэтому наряду с формированием преемственности традиций и поколений – все более актуальна и задача формировать «патриотизм сегодняшнего дня», т.е. четко выраженную и отстаиваемую гражданскую позицию, развивать чувство патриотизма, любви к Родине и родному краю, гордости за их историю, ответственности за их судьбу – с акцентом на активное деятельное участие в решении социальных проблем. У студентов – будущих высококвалифицированных специалистов – особенно важно сформировать понимание взаимосвязи патриотизма и профессионализма, ответственного отношения к своей профессии, к профессиональному долгу.

В патриотическом воспитании необходимо преодолевать недооценку национально-государственных и социально-политических ценностей, повысить уровень доверия граждан к государству, его политике и государственной символике.

Важнейший ориентир патриотического воспитания – формирование российского патриотизма, противодействие распространению идей экстремизма, социальной, национальной и религиозной нетерпимости, становление патриотов России, граждан правового, демократического государства, способных к социализации в условиях гражданского общества, уважающих права и свободы личности, использующих возможности правовой системы, проявляющих национальную и религиозную терпимость, уважительно относящихся к языкам, традициям и культуре других народов России и мира, толерантных к иному мнению, умеющих находить компромиссы.

Наконец, весьма значимо и формирование чувства гордости и патриотизма, уважительного отношения к «малой Родине» – мой край, моя область, мой город, мое село, мой район, мой дом, мой двор.

Наша коллективная монография (в ряде случаев напоминающая Интернет-конференцию) – скорее «информация к размышлению», чем рецептурный справочник, разъясняющий, как и

в каком направлении следует совершенствовать патриотическое воспитание молодежи и студентов. Но тем важнее нам представляется подчеркнуть неправомерность получающего вновь распространение безразличного отношения к результатам опросов общественного мнения – вплоть до игнорирования этого мнения или принятия решений, противоречащих этому мнению.

Среди последних примеров, тесно связанных с проблематикой нашей монографии, подобно игнорированию можно привести постановку как актуальной сегодня задачи «*десталинизации*». Дело не в личных симпатиях (или скорее – антипатиях) членов редколлегии к человеку, деяния которого до сих пор получают неоднозначные оценки. Для нас – как социологов – важнее, какова направленность, каков характер этих оценок.

А они, например, по последним данным ВЦИОМ таковы¹: «С каждым годом все больше русских считают, что роль Сталина в России страны была скорее положительной (с 15% до 26%), а тех, кто уверен в обратном, напротив, становится все меньше (с 33% до 24% соответственно). Относительное большинство опрошенных ВЦИОМ по-прежнему убеждено в том, что роль этого человека в истории неоднозначна (39%). При этом планы «десталинизации общественного сознания» граждане России категорически не одобряют, утверждая, что она исковеркает историческое сознание, сделает его однобоким (45%). Только 26% склонны думать, что «десталинизация» поможет России двигаться дальше, осознав ошибки прошлого. При этом четверть русских (24%) сообщили, что их семья пострадала от сталинских репрессий (27% пять лет назад). Из них подробности о жизни репрессированных родственников известны 10%, еще 14% знают только о самом факте преследований. Почти половина наших сограждан утверждают, что репрессированных в их семье не было (46%). Еще около четверти (26%) признаются, что ничего не знают о том, как репрессии повлияли на судьбу их родственников, причем неинформированных за последние пять лет стало больше (с 23 до 26%), а тех, кто знает о репрессированных родственниках – напротив, меньше (с 27 до 24%).

Близки и данные Левада-центра²: «Примерно половина (48%) русских считает, что разоблачение культа личности Сталина на XX съезде принесло стране пользу. Эта доля выше среди мужчин, предпринимателей, рабочих, специалистов, поколения 40-55-летних, людей с высшим образованием, хорошо обеспеченных, москвичей и жителей небольших городов. Почти четверть (22%), наоборот, думают, что XX съезд пошел во вред России. Больше таких среди пенсионеров и людей старше 55-ти, с низкими доходами, жителей средних городов. Остальные затруднились с ответом. Чаще всего это были студенты и молодежь в целом. Как ни странно, относительное большинство одобряет не только разоблачение сталинизма, но и – парадоксальным образом – самого Сталина. 42% считают, что роль Сталина в истории России положительная, 37% - что она отрицательная. Однако распределение этих ответов то же: Сталина одобряют те же группы населения, которые осуждают XX съезд, и наоборот. 32% опрошенных считают, что Россия уже избавилась от последствий сталинизма, почти столько же – 30% - что еще нет, но постепенно их преодолевает. Почти равное число голосов набрали варианты ответа «И никогда не избавится» (12%) и «Это и не нужно: при Сталине было много хорошего» (11%).

Итак, в социологическом ракурсе картина весьма противоречивая. Но что это означает? На наш взгляд, необходимость бережного отношения к истории, недопустимость однозначных решений. Перефразируя известные слова, что «каждый народ имеет то правительство, которое имеет», можно сказать и то, что «каждое правительство имеет народ, который имеет». И, соответственно, любая политика, любое воспитание – в том числе – и патриотическое воспитание (как основная проблема данной монографии) должны разрабатываться и осуществляться с учетом реального уровня массового сознания народа или конкретных социальных групп. Задача и долг гуманитарных наук (социологии, истории) – объективно фиксировать этот уровень.

Удалось ли авторам монографии выполнить эту задачу судить нашим читателям.

¹ <http://www.regions.ru/news/society/2353313/>

² <http://www.regions.ru/news/nations/2348229/>

(УрФУ им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург)
Методология гражданственности и гражданское самосознание

Проблемы и особенности гражданственности в молодежной среде анализируются и прогнозируются на основе, прежде всего, социологических исследований. Но не менее важной проблемой «здесь» и «сейчас» – в нашем российском обществе и государстве, для нашей молодежи – является проблема *полицентричности моделей понимания патриотизма и гражданственности*. Кто такой идеальный гражданин? Кто такой идеальный патриот? Вариантов определений (порой, прямо противоположных) может быть бесконечное множество. Негативно оценивая современную молодежь («Они – не патриоты...», «У них нет ценностей...»...), любой взрослый человек вкладывает свое субъективное понимание этих ценностей. При этом вкладывается собственный образ патриота и/или гражданина. И таких образов оказывается бесконечное множество. Как преодолеть субъективность, ангажированность, как объективировать *«пространство образов»*?

На наш взгляд, прежде всего, необходимо очертить методологические *«границы понимания»* этих образов, моделей, т.е. ответить на вопрос – что же не является «гражданственностью»? Какому феномену противопоставляется «гражданственность»?

Методологическое исследование связано с рядом сложностей и проблем. Любая методология представляет собой систематизированную «схему», целостную конструкцию, имеющую рамки самоограничения. Попытка методологического анализа категории гражданственности не может быть не связана со схематичностью и определенно установленными рамками понимания. Отдавая отчет в этом, мы, преднамеренно, изначально обрисовываем контуры понимания гражданственности: какое общество является гражданским, какое – нет; гражданин какого государства обладает гражданским самосознанием, какого – не обладает. Такая условная жесткая дифференциация «гражданского» и «негражданского» позволит определить базовые признаки этих понятий и придерживаться методологической последовательности. Совершенно очевиден умозрительный подтекст *«гражданских»* категорий (гражданское общество, гражданская культура и т.д.). В пространственно-временном континууме гражданственность выступает как качественная характеристика развитости общества, гражданских прав и свобод личности и т.д. – уровень социально-политической реальности примеряется нормами априорно выстроенной научным сообществом модели.

Гражданственность, в большинстве своем, моделируется *в трех ракурсах*: в антропологическом (*гражданин*), социальном (*гражданское общество*), и политическом (*демократическая политическая система*).

Человек становится гражданином государства с определенного возраста, юридической регламентации «гражданства» государства. Де-юре, он получает определенные права и обязанности по отношению к этому государству. Де-факто, он может их не ощущать, ими не воспользоваться. К примеру, в тоталитарном политическом режиме (если не брать случайности) человек не ощущает своих прав, свободу на свои права. Если с юридической точки зрения граждане двух государств могут иметь равные права и обязанности, то де-факто, они могут быть разные в зависимости от типа политического режима каждого государства. Свобода – базовый признак гражданственности. Она не ощущается в тоталитарном режиме. Стало быть, говоря о гражданственности человека, мы не можем не упомянуть его субъект-объектные взаимоотношения с *государством*: в каком государстве он живет, осуществляют ли его права в этом государстве.

Человек – государство, государство – человек, от этих взаимоотношений во многом зависит мера гражданственности. В этом аспекте человек – политическое существо (Аристотель), структура гражданственности которого содержит в себе, прежде всего, элемент политического. Политичность в контексте гражданственности мы рассматриваем в узком «демократическом» значении. И взаимосвязь человека с государством (как взаимосвязь двух структурообразующих элементов гражданственности) есть взаимосвязь человека не с

идеоцентричным или теоцентричным типом политической системы, а с демократическим.

Другая ипостась гражданственности – *гражданское общество*. Нас интересуют его реальные эмпирические признаки. По определению, это – общество, относительно независимое и свободное от государства. А характеристика человека в таком обществе его независимость (материальная, интеллектуальная, моральная) от самого общества и от государства. В данном аспекте из анализа исключается традиционное общество (в духе «общности» Ф. Тённиса). Под последним можно понимать тот его тип, где доминирует формализованная культура, где действия человека детерминируются традицией (религиозной, культурной, идеологической), обычаями, обрядами. В традиционном обществе существует оппозиция: свой-чужой, друг-враг, нет свободы действий. Есть определенные табу, через которые нельзя перешагнуть. Человек детерминирован в своих действиях скорее кровно-родственными, морально-этическими, культовыми императивами, нежели свободно рациональными, критическими соображениями.

Если воспользоваться терминологией Ф. Тённиса («общество» и «общность»), то применительно к «гражданскому» и «традиционному», первое – «общество», второе – «общность». К основным социальным институтам *гражданского общества* он относит ассоциации, корпорации, общественные организации. *Традиционная общность* функционирует благодаря общине, семейным, родовым, соседским связям. *Гражданское общество* направлено в будущее, *традиционная общность* живет прошлым. Но, с другой стороны, «традиционность» – еще не «консервативность», если под последней понимать «поле напряжения между традицией и новизной»¹. В консервативном обществе традиция – всего лишь индикатор политической культуры, но не самоцель, как в традиционных общностях. Поэтому традиционная общность – «догражданское» состояние, а консервативность «включается в пространство гражданственности».

Само «пространство гражданственности» («цивильности», «цивилизации», от «civil») замыкается в определенных парадигмах, сформированных научным сообществом и становится мультипарадигмальным. Тем самым, гражданственность – интегральная характеристика норм, ценностей, образцов поведения человека в определенном политическом времени и пространстве. Гражданственность определяется имманентным состоянием человека, общества и государства, а *гражданское самосознание личности* – это имманентная личности рефлексия общественного и политического сознания. И процесс развития самосознания человека (формирования самосознания личности) связан с воздействием *государства* и *общества* на человека. Анализ этого процесса начнем с описания основных императивов «государства» и самосознания личности в контексте политического и гражданского.

«Государство» можно рассматривать и как «часть», и как «целое» (П. Рикёр). Как «часть» государство – социальный институт, организационно-управленческая подсистема политической системы. И одним из главных элементов его функционирования является идеологический механизм правящей партии или правящей элиты в целом. *Идеология или идеологии* – тот императив, посредством которого происходит влияние государства на сознание индивида, то есть, субъект-объектное отношение. «Идеология регулирует, интегрирует и направляет деятельность индивидов во всех сферах жизни общества... Правящая идеология – это не только идеологическое учение, но и четко организованная целостная структура, которая пронизывает все общество, выступает интеллектуальной основой его формирования»².

Нас интересует то «пространство» идеологий, которое конституирует политику, а не детерминирует ее. Это «пространство» идеологий «гражданских» партий – «пространство» от левоцентризма до правоцентризма, не радикальное «пространство». Хотя дихотомия левые/правые довольно-таки условная. Можно согласиться с мнением Ю.Н. Давыдова, что «в прежней триаде – центр, левые, правые – в рамках которой преимущество обеспечивалось

¹ Абелинскас Э.Ю. Консерватизм как мировоззрение и политическая идеология (опыт обоснования). Екатеринбург. 1999. С. 26.

² Человек и общество: Краткий энциклопедический словарь – справочник (политология). Ростов-на-Дону. 1997. С.158-159.

силам, ориентированным на прогресс, ... намечаются изменения: в самом существенном пункте левые оказываются гораздо ближе к правым, чем к центру (как это было прежде)¹. Классические либеральная и консервативная идеологии трансформировались в неолиберализм и неоконсерватизм. Если неолиберализм добавил этатистские функции к свободам личности, социальную ориентированность государства, то неоконсерватизм пересматривает формулу «все, что новое – чуждое» и одобряет самоуправляемость общества. Таким образом, нельзя усмотреть существенной разницы между этими двумя идеологиями, в частности, и между идеологиями в пространстве «гражданственности» в целом. В современных политических процессах идеология – не цель, а средство в политических играх. В решающий для игры момент любой политической субъект может не воспользоваться этим средством и, более того, он может применить другое средство, другую идеологию (или идеологему). Только при этом другая идеология (согласно принятой нами методологии) должна находиться в «пространстве гражданственности», иначе не будет политики, не будет игры, и идеология будет детерминировать политику (как в тоталитарных режимах).

Стало быть, неоконсерватизм, неолиберализм как основные идеологии демократического режима (хотя имеют место и многие другие узконаправленные идеологии, например, идеологии «зеленых», феминистские, пацифистские движения и др.) вбирают в себя все человеческие блага. Они адресуются ко всем слоям, учитывают их интересы и потребности. Различие только в базисных ценностях и направлениях этих двух идеологий. Можно говорить о bipolarности «гражданских» идеологий: с одной стороны, вечное «совершенствование» политической системы – прогресс, вечный идеал, с другой стороны – имманентное воспроизводство «самого себя»: своих национально-государственных лидеров, героев, архетипов и т.д. Это тенденция к глобализации, к «стиранию» границ, стремление к «гражданскому миру», с одной стороны, и локализация каждой политической системы, с другой.

Поэтому, идеология (как мысль) «уже «вышла» за пределы себя самой в своем собственном бытии, уже не является более только теорией; когда она мыслит, она ранит или примиряет, сближает или разделяет, она разрывает, расчленяет, она соединяет и воссоединяет, она уже не может не освобождать и не поработать»². Происходит «деидеологизация» мысли (Р.Арон, С.М.Липсет, К.Поппер). Но идеология – не только мысль, не только теория сама по себе, она является средством достижения конечных целей для политической партии – власти. А к власти «приводят» политического актёра граждане, электорат. Мы подходим ко второму императиву политики, уже *непосредственно влияющему на гражданское самосознание личности (в части его политического сознания) – политическим технологиям*. Возникновение технологий, надо полагать, есть результат того времени, когда играть в политику стратегическими средствами (например, идеологиями) стало невозможно. Политика приобрела бифуркационно временной характер: все решает ситуация, обстоятельства, условия политического поля «здесь» и «сейчас».

Программы партий и движений, их стратегические цели и задачи («пространство идеологий») становятся недостаточно «доступными» для политического сознания общества. Появляются технологии, которые позволяют «внедрить» «пространство идеологий» в сознание электората, «подать» информацию на общедоступном и понятном электорату языке. При этом политический процесс делится на избирательные процессы, во время которых в максимально короткий срок и функционируют технологии. Средства массовой информации выполняют роль ретрансляторов, коммуникаторов политической информации. При этом сознание каждого индивида не просто принимает информацию, но и находится под ее психологическим воздействием. Здесь индивиду важно превратиться из «объекта» в «субъект» (в этом его гражданская, политическая сущность). Из широкого спектра вариантов, своих представителей в политическом сообществе человек должен выбрать самостоятельно, сохраняя психологическую дистанцию между огромным массивом убеждающей информации и собственным рациональным выбором, используя собственную политическую организованность (уро-

¹ История теоретической социологии. Т.1. М. 1997–1998. С.485.

² Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб. 1994. С. 349.

вень политической социализации). Человек как субъект сам *осознает* свой выбор, если обладает *гражданским самосознанием* (в данном случае, в политическом понимании). Здесь различие между политическим сознанием и гражданским самосознанием индивида заключается в том, что обладание политическим *сознанием* – необязательно *о-сознание* – *самосознание*.

Но вернемся к информационно-политическим технологиям, к современным средствам трансляции и ретрансляции политических идеологий или идей. Они являются средствами политических актёров для достижения власти. При этом *«поле власти»* понимается «как пространство игры, внутри которого владельцы капитала (разных его видов) борются именно за власть над государством, то есть над государственным капиталом»¹.

Если борьбу за «власть» можно представить как определенную «игру», то политическое поле можно сравнить с «зеленым сукном» казино. Каждый игрок делает ставки и играет, применяя профессиональное мастерство и ловкость. При этом есть правила игры (Закон в политическом «поле»), которые нельзя нарушать, хотя наиболее ловкие и изощренные игроки применяют нестандартные способы игры, нарушая правила де-факто, но де-юре оставаясь «законопослушным» (в политическом поле – это «черный PR»). Цель игры – выигрыш «капитала» (в политическом поле – «государственного капитала»). Только, в отличие от карточной игры, игра «в политику» осуществляется в присутствии электората, она нацелена на электорат, и выигрыш в этой игре зависит от выбора электората. А что касается «ставок» игроков, то они различны, нет равных возможностей. Конечно же, играет роль профессионализм «игроков», но зачастую количество «ставок» играет решающую роль – «экономика определяет политику» (К.Маркс). «Гражданственность» относительно экономической базы политических игроков проявляется в «прозрачном» использовании ими установленной избирательным правом суммы денег (а не ее «превышение»). Свидетельством такого рода гражданской «зрелости» является реформирование, на практике (эмпирически) – финансирование предвыборных кампаний. «Общественное восприятие слишком сильного влияния «больших денег», а не идей на политику привело к переменам. Например, Канада, Великобритания, Испания, США, Япония, Австралия пересматривают или уже пересмотрели положение о финансировании предвыборной кампании. Одной из основных международных тенденций этого опыта является стремление к открытости через отчетность. Поскольку финансирование предвыборной кампании трудно контролировать, основной идеей является дать возможность избирателям самим решить, кто является лучшим кандидатом, и убедиться в том, что они знают, кто стоит за этим кандидатом. Отчетность является ключом к решению этой задачи»², т.е. отчетность – это «гражданский акт», который способствует сохранению демократического режима, политической открытости.

Итак, можно сказать, что *политические идеологии и политические технологии являются основными императивами государства как политического сообщества – как «части» общества. Они являются основными факторами влияния на политическое сознание человека: идеологии «доносятся» до человека посредством технологий. Эти два императива являются способом «проверки» гражданского самосознания личности и основным условием реализации политического процесса.*

Но государство еще и «целое» (идентично с обществом). Существует определенный «дух» «государства» в «обществе» и в «человеке». Один из современных ученых П. Бурдьё, перефразируя цитату М.Вебера: «Государство есть человеческое сообщество, которое внутри определенной области – «область» включается в признак! – претендует (и с успехом) на монополию легитимного физического насилия»³, считает, что государство претендует также на «символическое насилие». «Если государство в состоянии осуществлять символическое на-

¹ Бурдьё П. Дух государства: генезис и структура бюрократического поля // Поэтика и политика. М., СПб. 1999. С.136.

² Надо К. О международном опыте финансирования избирательных кампаний //Выборы и референдумы. №1. 1999. С.26.

³ Цит. по: Вебер М. Политика как призвание и профессия // Вебер М. Избранные произведения М. 1990. С.645.

силе, то оно воплощается одновременно в виде специфических структур и механизмов и «субъективно» или, если хотите, в головах людей, в виде мыслительных структур, категорий восприятия и мышления»¹.

Государство – это политическое сообщество, социальный институт управления, оно «занимает» один из «срезов» сознания человека – политическое сознание, формирование которого происходит посредством навязывания «(в частности через школу) категорий мышления, которые мы спонтанно применяем ко всему, что есть в мире, а также к самому государству»².

Школа (в том числе и высшая) осуществляет образовательную и воспитательную функции государства. В школе воспроизводятся национально-государственные идеологические символы, мифы и т.д. Это те «максимы», которые государство «внедряет» через школу в политическое сознание общества. Процесс формирования политической социализации индивида (подростка) начинается в школе. У выпускника школы (почти гражданина) формируется гражданское самосознание. Во всяком случае, это цель, которую ставит перед собой любое демократическое государство. Это – должное. Но достигается ли оно в сущем. Например, гуманитарные дисциплины «внедряют» в сознание подростка элементы гражданственности, гражданской культуры, имманентные национально-государственной общности: это основные положения Конституции, национально-государственные праздники, символы, мифы, герои, то есть исторически преемственные, устоявшиеся «отборные» элементы политической культуры. Но существование индивида *со-временно*, он живет в определенное политическое время. И происходящий в нем (во времени) политический процесс вносит свои коррективы, изменения в политическую социализацию индивида.

Итак, попытаемся резюмировать соотношение «политического» и «гражданского» в курсе «государства». Гражданское самосознание личности, на которое влияют императивы государства (и как «целого», и как «части») содержит элементы должного, идеального. Любой идеал имеет морально-этическую сущность. Стало быть, соотношение «политического» и «гражданского» необходимо рассматривать с морально-нравственных, ценностно-нормативных позиций. «Политика предстает в качестве сферы осуществления стремления к благой жизни. Вот почему в начале «Никомаховой этики» Аристотель вводит политическую связь как реализацию преимущественно этических целей»³. Это «стремление» политики есть должное, перспектива, идеал. А какова политика в сущем, насколько она соотносится с моралью? И. Кант считал, что «истинная политика не может сделать шага, не присягнув заранее морали»⁴. Гегель же по этому поводу заметил, что «нравственная субстанция, государство, имеет свое наличное бытие, то есть свое право, непосредственно не в абстрактном, а в конкретном существовании и что лишь это конкретное существование, а не одна из многих считающихся моральными заповедями мыслей может служить принципом его деятельности и поведения»⁵.

Надо полагать, вопрос об отношении морали к политике не простой. Как реальность, политика считается «грязным делом» и нередко выступает по ту сторону от морали. И в то же время «пространство политических идей и идеологий» всегда «окрашено» морально-ценностными императивами. *Это противоречие «снимает» соотношение политики и гражданственности как соотношение демократического «сущего» и вечно идеального «должного».* Такое соотношение можно сравнить с соотношением «нравственности» и «морали», где первое – это «политика», а второе – «гражданственность».

Политика – нравственна (имеет свои «нравы»), она находится во времени и пространстве. Политика «здесь» и «сейчас» отличается от политики «там» и «тогда» или «там» и «сейчас»

¹ Бурдые П. Дух государства: генезис и структура бюрократического поля // Поэтика и политика. М., СПб. 1999. С. 133-134.

² Там же. С. 127.

³ Рикёр Поль. Герменевтика. Этика. Политика. М. 1995. С. 46.

⁴ Кант И. Сочинения. В 8-ми т. Т.1. М. 1994. С.49.

⁵ Цит. по: Мерло-Понти М. От Мосса к Клоду Леви-Строссу // Мерло-Понти М. В защиту философии. М. 1996. С.88.

– она всегда относительна, всегда проявляет свой «характер» («нравы»).

Гражданственность исходит из морали, она, в некотором роде, недостижима. Это абсолют, к которому человек всегда стремится, постоянно совершенствуется. Это – не «бытие» (как политика), а «становление». Гражданственность, как мораль трансформируется во времени и пространстве за счет «части» политики (как нравственности), той «части», которая может становиться моралью. Но в этой трансформации не меняется суть, содержание, меняется лишь форма. Стало быть, гражданственность есть содержание, политика – форма. Первое без второго не может существовать так же, как второе без первого. Там, где нет политики, нет гражданственности и, наоборот. Но гражданственность – это не только политика, вторая только придает «форму» первой, совершенствует и «двигает» ее. В первом приближении гражданское самосознание личности («содержание») имеет необходимую ему «форму» – *политическое сознание*. Последнее воспроизводится с помощью государственных императивов. Есть ли другие формы гражданского самосознания? Возможно ли оно без политического сознания? Для ответов на эти вопросы рассмотрим гражданское самосознание личности с позиции «общества».

Если государство как часть (политическое сообщество) и как целое («дух» государства) воспроизводит и транслирует свои ценности, символику, формализуя и кодифицируя их целерационально, то «общество» (как в локальном, так и в глобальном его понимании) культивирует «себя» (культивируется) в большинстве своем хаотически, иррационально, архетипически.

Проанализируем основные императивы локального общества как основания для развития гражданского самосознания личности.

Человек, уже родившись, является носителем общественного сознания и национально-традиционной культуры. Важную роль в процессе культивирования общества играют *архетипы* (предшествующие формы), которые составляют содержание коллективного бессознательного, которое «представляет собой часть психики, которую в терминах отрицания можно отличить от личностного бессознательного по тому факту, что первое не обязано своим существованием, в отличие от последнего, личному опыту и, следовательно, не является индивидуальным приобретением. Элементы коллективного бессознательного своим существованием обязаны исключительно наследственности»¹. И прежде, чем развиваются рациональные элементы, в структуре сознания человека имеют место иррациональные, подсознательно-наследственные элементы. Они – «часть» коллективного бессознательного, национально-традиционных механизмов, где основу традиции составляет феномен «вечного и непрерывного мышления»². *Здесь стирается грань между генезисом сознания человека, отдельно взятого индивида, основу которого составляет дорациональное, архетипически «подчиненное» мышление, и генезисом общественного сознания, основу которого также составляет дорациональное, догражданское (по политическому времени) традиционное мышление.*

«Коллективное общественное сознание локальной общности ... практически самодостаточно и не испытывает особой потребности и необходимости ни в ином теоретико-концептуальном знании, ни в специализированных средствах его трансляции. Главной и (постепенно) единственной константой, централизованной институцией культуры, «организующей» идеологические и нравственные механизмы функционирования сферы коллективного сознания (и поведения) общности, становится церковь»³. Речь идет о теоцентричном догражданском, дополитическом времени, где преобладало традиционное сознание (господство Веры над Разумом). И это исторически догражданское сознание догражданского общества сопоставимо с генетико-архетипическим «уровнем» сознания (в части бессознательного) человека. *Предположительно, весь исторический процесс развития общественного сознания (от традиционного, догражданского по постиндустриальное, современное сознание)*

¹ Юнг К.Г. Сознание и бессознательное: Сборник. СПб. 1997б. С. 339.

² Там же. С.97.

³ Кузьмин М.Н. Переход от традиционного общества к гражданскому: изменение человека // Вопросы философии. 1997. № 2. С.60.

воспроизводится генезисом гражданского самосознания современного человека. Это, по выражению Гегеля, «единство исторического и логического».

Следуя этой гипотезе, вернемся к роли архетипов в формировании гражданского самосознания. К. Юнг считает, что «только понимание своей архетипической природы, восприятие своего «нормального» несчастья *sub specie aeterni* (с точки зрения вечности - лат.) помогает человеку совладать с ним и обрести волю к жизни»¹. К. Юнг полагает, что архетипы мешают проявлению сознательности: рефлексии, сомнения, мысленные эксперименты «чужды бессознательному, инстинктивному уму (*mind*) первобытного человека... Стремление человека прогнать инстинктивные порывы, его сопротивление инстинкту и есть та сила, которая создает сознание. Инстинкт принадлежит природе и стремится увековечить природу, тогда как сознание способно лишь стремиться к культуре или ее отрицанию»².

Культивирование «естественных» элементов общества происходит, предположительно, благодаря *образованию и воспитанию*. Таким образом, последние факторы – своего рода, связующее звено между *иррационально-архетипическими и целерациональными императивами*. Язык, культура народа (так же как и императивы «государства») *воспроизводятся в сознании ребенка воспитанием и образованием целерационально, они как бы «накладываются» на генетически-архетипический фундамент*. «Образование теснейшим образом связано с понятием культуры и обозначает в конечном итоге специфический человеческий способ преобразования природных задатков и возможностей». Надо полагать, именно образование формирует «рациональную» часть и создает баланс между сознательными и бессознательными элементами в структуре гражданского самосознания. Для Гегеля образование состоит в том, что «каждый отдельный индивид, поднимающийся из своей природной сущности в сферу духа, находит в языке, обычаях, общественном устройстве своего народа заданную субстанцию, которой он желает овладеть»³. Доминирование «природных сущностей» постепенно заменяется доминированием гражданственности культуры. Последнее и есть «заданная субстанция». Она рождается в «обществе» и «обществом». *Образование – это связующее звено между культивированием общества и воспроизводством «государства»*. И если «содержание» образования есть *культивирование локальной национально-традиционной культуры, то «форма» образования – есть воспроизводство национально-государственной культуры*. Содержание не бывает без формы. Гражданская культура культивируется в «обществе» и «оформляется» в государстве». В этом аспекте «общество» «входит» в «государство» (иначе эта была бы традиционной общностью без «государства»).

Таким образом, *политическое о-сознание своей сущности есть первая «форма» гражданского самосознания личности*. Это – результат политической социализации индивида, процесса⁴, «в котором в несколько этапов под влиянием прежде всего типа семейных, властных отношений, а затем отношений со сверстниками формируется определенная картина политического мира», – а также *о-сознание своей политической социализации*. Гражданское самосознание политически социализированного и осознанного индивида есть психологическое ощущение своих обязанностей, своей роли в политическом процессе. Он обладает набором знаний, адекватных политическому времени и пространству, когда и где он существует. В структуре его сознания преобладает рациональное мышление, которое регулирует иррационально-эмоциональные порывы, не дает выплеснуться «антигражданским» элементам (проявлению радикальных политических мыслей и поведения).

Итак, *политическое сознание индивида, в котором с рождения заложены наследственно-генетические архетипические элементы, развивается под воздействием императивов «общества» – локальной общности (семья, этнос, нация), главным образом воспитания и образования – и под воздействием императивов «государства» – идеологий, технологий, образо-*

¹ Юнг К.Г. Сознание и бессознательное: Сборник. СПб., 1997. С.10.

² Там же. С.14.

³ Гадамер Х.-Г. Истина и метод. М., 1998. С.51; 56.

⁴ Шестопап Е.Б. Человек, политика, психология (материалы круглого стола) // Вопросы философии. № 4. 1995. С.8.

вания. При этом степень политической осознанности индивида прямо пропорциональна степени осознанности себя гражданином, первой формы гражданского самосознания.

Можно допустить, что гражданское самосознание личности ограничивается этой формой – психологическим ощущением себя гражданином «своего» государства, политическим «субъектом» (а не «объектом»). Однако, согласно логике нашего исследования, гражданственность включает также неполитическую сущность человека, субъекта гражданского общества (или сообщества). Поэтому гражданское самосознание личности может иметь и второй уровень, вторую форму существования, для анализа которой необходимо рассмотреть *детерминанты гражданского общества как условия для дальнейшего развития гражданского самосознания (от первого до второго уровня)*.

Неполитический «срез» сознания и культуры в целом (то есть еще и поведения) не может называться «гражданским», если индивид политически не социализирован (в той степени, в которой мы понимаем политическую осознанность). Отсутствие психологического самоощущения и самоосознания гражданства (гражданином государства) у индивида говорит о догражданственности его сознания. Хотя гражданственность индивида культивируется из традиционных, «извечных» основ локального общества, тем не менее она «оформляется» в «государстве» и «государством». Индивид – участник политического процесса (глобального или локального). При этом он может быть не непосредственным, а опосредованным участником.

Гражданственность общества культивируется высоким уровнем социализации индивидов, их независимостью от государства, горизонтальными «субъект-субъектными» отношениями. Субъект гражданского общества может не участвовать в политике, но он политически социализирован, развитие его самосознания прошло стадию политического осознания.

Поэтому культивирование личностного самосознания в гражданском обществе следует рассматривать, начиная с первого уровня – политической социализации, которая является первым условием дальнейшего развития гражданского самосознания. Вторым условием можно считать уровень свободы личности: внутренней и внешней. Необходима «психология самостоятельной, самодеятельной, потенциально не ограниченной в своей самореализации индивидуальности с ее могучей раскрепощенной энергетикой личной независимости и гражданской свободы, с чувствами собственного достоинства и чести и одновременно с тем – с грузом индивидуальной ответственности и долга, с установкой на всемерную активность, предприимчивость и инициативу, вытекающими из необходимости полагаться в этом огромном и изменчивом мире только на самого себя»¹.

Это – свобода «духа» (Гегель), внутренняя свобода. Но она находится в отношениях взаимозаменяемости и взаимозависимости с внешними факторами свободы. Можно согласиться с тем, что «условием существования гражданского общества является не объективно обусловленный порядок, а самодеятельность его членов и образуемых ими ассоциаций, то есть свободная, сознательная деятельность людей»². Свобода проходит через весь спектр детерминант и императивов гражданского общества. И как одно из условий развития гражданского самосознания личности свобода детерминируется скорее внешними факторами, которые и обеспечивают личности самостоятельность, самоуправляемость, определенную независимость от государства. Ведь речь идет об обществе надгосударственном, наднациональном – о «мировом правовом гражданском обществе» (И.Кант). Личность в таком обществе по определению свободна. Но эта свобода достигается не только значимостью «быть», но и значимостью «иметь»...

Стало быть, *третьим условием развития гражданского самосознания (до второго уровня) можно считать частную собственность*. Последняя де-факто является признаком экономической свободы индивида. Априорные и апостериорные определения сущности и суще-

¹ Кузьмин М.Н. Переход от традиционного общества к гражданскому: изменение человека.– Вопросы философии. № 2. 1997. С. 62.

² Резник Ю.М. Гражданское общество как феномен цивилизации. Ч.2. Теоретико-методологические аспекты исследования. М. 1998. С.21.

ствования «среднего класса» есть ни что иное, как понимание экономикоцентричности гражданского общества. Устанавливается определенный имущественный ценз, по которому в «пространстве» Запада определяется человек из среднего класса – слоя, который составляет примерно 70-80 % в социальной структуре общества. Для глобального понимания общества такая схема вполне приемлема: человек – «гражданин мира» и волен сам выбирать «пространство» своего существования, для этого есть вполне конкретное условие – имущественный ценз, «прожиточный максимум» для «своего времени» и «любого пространства».

Однако логика нашего исследования проходит не только через «глобальное общество», но и через локальное общество (имеется в виду общество определенного государства). Исходя из этого, имущественный ценз детерминируется не только для западного пространства в целом, но и для локальных обществ с учетом неравномерного экономического развития последних. Поэтому одновременно с *имущественным цензом среднего класса* можно говорить об *имущественном цензе среднего слоя*, как о слоя экономически наиболее развитого но адекватного своему обществу своего государства. Ибо, исходя из методологии нашего исследования, это – политически осознанный индивид, у него есть психологическое ощущение гражданской принадлежности. Изолированный от общества и государства индивид не может быть субъектом гражданского общества.

Либеральный принцип – моя свобода кончается там, где начинается свобода другого – подводит нас к *другому наиболее важному условию развития гражданского самосознания – праву*. Последнее можно понимать в наиболее широком смысле: право внутреннее (морально-категорический императив) и внешнее (соотношение права и закона). Право, помимо своей объективной формы существования, – это «особого рода сложные эмоционально-интеллектуальные психические процессы, совершающиеся в сфере психики индивида»¹. Это внутренние, морально-нравственные нормы, которых придерживается каждый индивид. Это самоощущение, самовосприятие мира, некоторый баланс между предубеждениями и осознанностью. В этом аспекте можно согласиться с предположением К. Юнга: «Одна из напастей, от которой страдает современный человек, – это раздвоение личности. И это не психология, а обычное явление, наблюдаемое повсеместно»². К.Юнг полагает, что «единство» сознания «слишком легко ... порывается. А способность контролировать эмоции, весьма полезная с одной стороны, с другой выглядит довольно сомнительно, ибо лишает человеческие отношения разнообразия, яркости и теплоты»³. Отсутствие «единства» сознания и характеризует субъект гражданского общества. Человек целерационален, он ощущает нормы «договорного начала», ощущает меру личностной свободы. Но одновременно человек находится под воздействием своих предубеждений, комплексов, которые формируют темперамент и характер⁴. Эта двойственность: рациональное и эмоциональное – формирует баланс меры и срединности между эгоистичностью и человечностью, между дипломатичностью и принципиальностью, между разумом и темпераментом. Это и есть морально-нравственный категорический императив – *внутреннее право*.

«Внешнее право по своей сущности и, следовательно, по своему понятию – это исторически определенная и объективно обусловленная форма свободы в реальных отношениях, мера этой свободы, форма бытия свободы, формальная свобода»⁵. В таком понимании право сопоставимо с нравственностью общества и Законом государства. Нравы общества (национальная ментальность, ценности, мораль, доминирующие в обществе) культивируются правами человека. Законы государства (нормы правоотношений, международные права, легитимация /демократической/ власти) также культивируются правами человека. Таким образом, можно предположить, что *баланс между «нравами» общества и Законами государства обратен пропорционален уровню развитости правовой культуры человека. Чем меньше разли-*

¹ Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. Т.1. СПб. 1909. С.84.

² Юнг К.Г. Сознание и бессознательное. Сборник. СПб. 1997. С.17.

³ Там же. С.19.

⁴ Фромм Э. Психоанализ и этика. М., 1998. С. 59.

⁵ Нерсесянц В.С. Право и закон. М. 1983. С.342.

ца между «правами общества» и «правами государства», тем выше уровень правовой культуры человека, развитости правовой государственности. Правовая культура, помимо прочего, является фактором, соединяющим общество с государством: естественные составляющие гражданского самосознания и политического.

Еще одно, главное условие необходимо, на наш взгляд, для формирования второго (неполитического) уровня гражданского самосознания. Мы имеем в виду профессионализм и профессиональную культуру человека. Последняя определяется как «категория, характеризующая степень овладения профессиональной группой, ее представителями, специфическим видом трудовой деятельности в любой сфере общественного производства»¹. Профессиональная культура способствует выделению определенной сферы деятельности, где индивид свободен. И можно согласиться с тем, что «всякая культура содержит некое стремление. Культура есть направленность, и направлена культура всегда на какой-то идеал, а именно идеал всегда означает «благо». «Благо» сообщества, благо здесь или где-то, теперь или потом» (Хейзинга)². Таким образом, профессионализм формируется в профессиональном сообществе и сообществом. Последнее – не структурный элемент локального общества, а признак «глобальности» общества, надгосударственности, наднациональности. У этого типа сообщества нет политических границ. Оно выделяется только по профессиональному признаку. Можно говорить о политическом, экономическом, культурном, научном и др. сообществах. Профессионализм и профессиональная идентификация – важнейшие признаки современного человека, определяющие его свободу и ответственность, независимость и уверенность в себе. В условиях «стирания границ» и кризиса культуры, именно высокий уровень профессионализма и профессиональная идентичность обеспечивают человеку полноценное гражданское самосознание в духе ответственной свободы и свободной ответственности.

Итак, *политически осознающий себя индивид – человек, обладающий гражданским самосознанием первого уровня (самосознанием гражданина), может развивать свое самосознание до второго уровня при определенных условиях, детерминантах гражданского общества. Второй уровень можно назвать самосознанием субъекта гражданского общества.* При этом само гражданское общество можно понимать как «качественную определенность общества, определяемую уровнем развития индивида, степенью независимости его от общества и государства»³.

Самосознание субъекта гражданского общества есть постижение существом собственной субстанции. «Субстанция духа есть свобода, то есть независимость от другого, отношение к самому себе. Дух есть само-для-себя сущее, само себя своим предметом имеющее, осуществленное понятие»⁴. Гегель весьма актуален, «субстанция духа» входит в контекст гражданского самосознания, если только добавить к ней внешние условия.

Итак, *гражданское самосознание личности, как и гражданственность в целом, содержит элемент идеальности, умозрительного должного конструкта. Но должное возникает из сущего и материализуется в сущем. Поэтому можно говорить о сущности гражданского самосознания личности, которая представляет собой ряд имманентно-рефлексивных самооценок, осознанного восприятия своих прав и обязанностей в обществе и государстве, самоощущения своей роли (непосредственной или опосредованной) в политическом процессе. Можно провести дифференциацию гражданского самосознания личности: первый уровень – форма самосознания гражданина; второй уровень – форма самосознания субъекта гражданского общества.*

Очевидно, что методологический анализ – попытка схематизировать «должное», унифицируя сущее. Методология очерчивает пространство возможного..., определяя границы и контуры этого пространства, а теория осваивает это пространство с различных уголков и по-

¹ Модель И. М. Профессиональная культура политика (методологические проблемы) / Диссертация на соискание ученой степени доктора политических наук. Екатеринбург. 1994. С.64.

² Хейзинга Й. В тени завтрашнего дня. М. 1992. С. 259 – 260.

³ Гайда А.В. Гражданское общество. Екатеринбург. 1994. С.27.

⁴ Гегель Г.-В.-Ф. Сочинения. М., 1929. С.41.

зиций. Гражданское теоретическое пространство – многогранно, мультипарадигмально, специфично. В каждой теоретической концепции – свое иногда ангажированное (идеологически) обоснование социально-политической объективной действительности. Мы, в своем методологическом анализе, попытались не касаться этой действительности, но подразумевать ее *со-временность* и с глобалистских, и с общероссийских, и с антропологических позиций, тем самым, разворачивая и определяя поле для научно-теоретического дискурса.

*Айвазян А.А., Ольховиков К.М., д.филол.н.
(УрФУ им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург)*

Представления о гражданственности и экстремизме: общее и особенное

Принципиальные основы представлений о гражданственности и экстремизме переплетаются в проблемном поле взаимности – невзаимности западных и российских политических акцентов. Россия попадает в «мертвую зону» западного политического понимания, в силу избыточной близости и раздражающе неустранимой конкурентности. Сюжеты гражданственности и экстремизма позволяют переоценить основные перспективы и риски политической социализации российской молодежи.

Мы хотим обратиться не к буквальным схождениям и расхождениям отечественной и западной политической мысли, но к принципиальным смысловым контекстам их соотнесения. Иначе говоря, рассмотреть возможности критической переоценки западных смысловых конструкций внутри российских политических представлений. Сюжеты гражданственности и экстремизма достаточно разноплановы, но тесно взаимосвязаны по своей злободневности. По своей сути, гражданственность идеологически «центрична», репрезентирует умеренность, соотнесенность и относительность сознания и поведения, а экстремизм идеологически «эксцентричен», радикален и репрезентирует абсолютность, догматичность и крайность сознания и поведения. Стилистически, гражданственность укоренена в историко-культурном контексте, а экстремизм – в актуально-нормативном. К тому же, экстремизм отмечен зловещими связями с политической социализацией молодежи. Но принципиальные основы представлений о гражданственности и экстремизме переплетаются в проблемном поле взаимности-невзаимности западных и российских политических акцентов.

Политический лексикон и исходные критерии цивилизованности, доминирующие в глобальном формате публичности, принадлежат западной традиции. Уникальные черты целого ряда социальных и культурных комплексов зачастую выглядят более чем странно в свете этих базисных представлений. При этом случай России имеет наиболее выраженную непредсказуемость, которая во многом обусловлена переплетением судеб Европы и России. При сопоставлении Запада с несомненным Востоком (Китай, Индия или даже мусульманский Восток) заведомо очевидны базисные контрасты; обнаруживаемые совпадения непредсказуемых нюансов воспринимаются как чудесный симптом сближения и творческого союзничества (формула «Запад есть Запад, Восток есть Восток», принадлежащая Р. Кипплингу). Таким образом, Россия попадает в «мертвую зону» западного политического понимания, в силу избыточной близости и раздражающе неустранимой конкурентности, обосновываемой всякий раз достаточно непредсказуемыми резонами.

Традиция западного интеллектуализма основана на социальном статусно-ролевом наборе гражданина. Тяжеловесная восточная сословность, иудейская теократическая идентичность, духовный радикализм ислама, а более всего – «грех» русской интеллигенции (примем эту нарицательную формулу «Вех») качественно несовместимы по своим смысловым установкам с установками западного политического понимания. При этом опять-таки именно русская конфигурация идейных расхождений с Западом наиболее болезненна, поскольку сочетает детальность взаимных претензий с тотальностью географических, конфессиональных, психологических соседств и различий. Иначе говоря, именно отношение Запада к России позволяет выдающимся западным интеллектуалам проговаривать собственное политическое бессознательное. В таком сценарии Россия не имеет никаких шансов оправдания средствами

западной политической гражданственности в глазах западной элиты.

Однако несовпадение реалий и их оценок составляет не только проблему западного интеллектуализма, но в не меньшей степени порождает проблему современного российского политического самосознания. Европейский лексикон, помноженный на разницу дискурсивных практик, порождает болезненную рефлексивность суждений о судьбах России в современном мире. Будучи исторически и культурно взаимосвязанной с Западом, Россия не может решать собственные проблемы, не преодолевая всякий раз этой культурной пропасти внутри себя. Едкая несправедливость западных нападков на Россию нужна нам не для самобичевания, но для эффективного ответа на общечеловеческие вызовы, порожденные западной цивилизацией. Эти вызовы не нашли адекватного ответа в инструментах западной цивилизованности и культуры. Очевидно, разные способы, а также потенциальные ресурсы реагирования на эти проблемы непосредственно связаны с иным статусом культуры в российских цивилизационных процессах. Провалы и прорывы России лишь подчеркивают ее статус великой державы, великой культуры. Но культурное лидерство не так очевидно, не так массово и объективировано, как лидерство цивилизационное, принадлежащее до наших дней Западу.

Наибольшей отчетливостью в современных политических оценках обладают темы гражданина (свобода человека, его права, институционально гарантированные способы публичного действия) и экстремизма (бунт, сепаратизм, механизмы достижения публичной справедливости). На наш взгляд, между этими смысловыми сюжетами существует глубинная связь, которая не сводится лишь к генетическим обстоятельствам, но в значительной степени генерируется и поддерживается способами актуализации иногда совершенно конкретных событий, их оценок, взаимности-невзаимности ожиданий и контекстов. Индикатором проблем гражданского самосознания и его рисков в России стали процессы политической социализации молодежи.

Гражданин – ключевой смыслообраз европейской (в широком смысле) рациональной политической мифологии. Этот сюжет тематически наполняет базисные историософские и философские проблемы российской государственности, по преимуществу в преломлении широких интересов русской интеллигенции во все времена ее существования. Вопросы о русской ментальности, о версиях происхождения государства, о поисках виновных в разные периоды истории (кто виноват?), о путях развития России, и тому подобные – возникали всегда. Отвечали на них, обосновывали различные версии не только философы, но и писатели, художники, ученые. В этом тоже просматривается иной способ позиционирования российской интеллигентности на фоне западного интеллектуализма. Попытаемся раскрыть основные факторы, детерминирующие ход развития истории и специфику российской цивилизации, через их наполнение темой гражданственности.

Остановимся на геополитическом факторе (евроазиатская сущность государства), социо-структурном факторе (специфика российского общества), религиозном факторе (сущность православия).

Геополитический фактор. Со времен Киевской Руси (IX в.) до формирования российской цивилизации (по мнению Л. Гумилева – XIX в.) российское государство постепенно и экстенсивно расширялось в территориальных размерах и в этническом составе. Философ Филофей (ему принадлежит концепция «Москва – третий Рим») одним из первых отмечал эту особенность в качестве «мессианской роли русского народа». И, очевидно, что в отличие от Римской империи, которая сформировалась в результате завоевательных походов, Россия расширялась за счет других геоэтнических территорий в результате освобождения их от других завоевателей. Полиэтничность России – ключевая составляющая геополитического фактора. Способствует или тормозит формирование гражданственности, гражданского общества множественность этносов в одном государстве?

У каждого этноса свои традиции, свой менталитет, свой язык, своя культура. Но потребность сосуществования в одном государстве создает потребность надэтнической идеи. Именно таковыми можно считать в политической истории России государственно-гражданские конструкты «Москва – третий Рим», «Евразийство», «Славянофильство» и т.д.

Это – объединяющие все народы России (во главе с русским) национальные идеи, надэтнические, по своей сути, политические идеи. Россия представляет собой нацию, которая в разные периоды политической истории мобилизовалась именно под такие идеи.

Таким образом, геополитический фактор Восток-Запад, многонациональность, огромные географические размеры отражают уникальность российской цивилизации. Поэтому, изначально, Россия тяготеет к *государственной гражданственности*.

«Антигражданственностью» (с позиций геополитического фактора) можно считать доминирующие в российской истории радикальные политические процессы – крайность, напряженность политического поля: бунты, смуты, революции, которые сменялись тотальными режимами в разных формах. Эти моменты и определяют крайности, исторически проявляющиеся в политической культуре общества, ее поведенческий аспект – подданнически-патриархальный тип сменялся активистски-революционным типом.

У нас есть основания утверждать, что в российском обществе созревали «гражданские» слои, которые с определенного времени (примерно с XIX в.) начали давать «плоды». С этой целью займемся анализом *социоструктурного фактора*. Основой «гражданского общества» (в западном смысловом контексте) является средний класс, появление которого в российском обществе современные ученые относят к XVIII в. Зачастую упоминают о заслугах Петра I как «создателя среднего класса нового типа», подразумевая интеллигенцию, офицерство, чиновничество, купеческо-предпринимательское сословие. Или такое утверждение: «В России XVIII в. сложилось гражданское общество, членами которого были помещики, получившие право частной собственности на землю и прикрепленных к ней крестьян...»¹. Далее речь идет о дворянской революции, которая длилась весь XVIII в. и «завершилась Указом о вольности дворянской Петра III и Жалованной грамотой Екатерины II, согласно которым дворянское гражданское общество получило независимость от государства и институционально закрепленные формы организации»².

Полагаем, что вышеназванные утверждения о формировании среднего класса в России с XVIII в. весьма сомнительны. Во-первых, «дворянское гражданское общество» не могло быть полностью независимым от государства – абсолютной монархии. Во-вторых, нельзя говорить о гражданском обществе (как «части» всего общества) при крепостном праве в аграрной стране, где большую часть общества (около 80 %) составляло крестьянство. В этом плане уместна аналогия российского общества с древнегреческим обществом. В социальной структуре полиса необходимо видеть не только гражданское общество (граждан), но и оставшееся большинство общества – рабов. Последними в российском обществе можно считать крепостных крестьян, хотя положение свободных крестьян было не лучше. То есть нельзя говорить о «цивильности» (от «civil» – гражданский) всего общества, если «цивильной» оказывается меньшая его часть. И хотя есть основание полагать, что с XVIII в. в России формируется средний слой, говорить о «среднем классе», тем более о «гражданском обществе» (средний класс – еще не гражданское общество) в тот период, не совсем убедительно.

Предвосхищая возможную критику относительно дифференциации общества на «большинство» и «меньшинство», необходимо отметить, что «цивильность» – гражданственность как феномен Запада не есть абсолютная ценностная характеристика, а представляет собой онтологическое измерение российского общества с позиций общезападного «гражданского пространства». Здесь уместно говорить о «неодновременности» как «несовременности» отдельных обществ, переживающих процессы модернизации. В российском варианте процессу модернизации подвергалось не все общество, а сообщество – средний слой, который, в свою очередь, дифференцируется. Средний слой представляли не только и не столько помещики, «третье сословие», – то есть те слои, которые обладали имущественным цензом. Средний слой в России представляла и интеллигенция. Ключевский писал: «Когда среди нас стало водворяться искусство чтения и письма, с ним вместе появились и книги, и вместе с книгами пришла к нам книжная мудрость... Тогда русский ум припал гладко к книгам... С тех пор ра-

¹ Ленинизм и Россия / Под. ред. А.В. Гайды. Екатеринбург, 1995. С.9.

² Там же. С.9-10.

зумным и понимающим человеком стал у нас считаться человек «книжный», т.е. обладающий научно-литературным образованием, и самую глубокую чертою в характере этого книжника стало смиренномудрие личное и национальное. Так народился первый достоверно известный по письменным памятникам тип русского интеллигента».¹

Именно *интеллигенция* (в более широком понимании этого слова) стала носителем «гражданственности» российского общества. Это была независимая (образовательный ценз) от государства прозападно ориентированная часть общества. Это был слой-гарант «гражданственности», который обеспечил окончательный поворот от традиционного – к политическому обществу как к парадигме «гражданственности государства». Но вместе с тем интеллигенция принесла с собой и многое из русского традиционного общества. К примеру, *духовность* – исконно российская черта, которая предположительно является одной из детерминант российской гражданственности.

Здесь мы подходим к третьему фактору – *религиозному*. «Правая вера» долгое время сдерживала формирование политического гражданского общества, если под одним из главных критериев последнего понимать процесс секуляризации. Католицизм, а позднее и протестантизм «растворились» в политическом поле Запада с Нового времени. Этому способствовали «жизненность», «практицизм» христианства, организационно укорененного в каноническом праве. Более того, религия на Западе становится социальным институтом, доминирующим в гражданском обществе, но не навязывающимся в конкуренты государству. Догматы православия, напротив, несли в себе духовно-аскетические черты. Общество оставалось традиционным. «Соборность» блокировала проявления индивидуализма. И хотя провиденциализм русского православия, Византийского наследия вносил в сознание интеллигенции потребность в рефлексии модернизационных процессов Запада, тем не менее до XVIII в. Россия оставалась теократическим государством. Можно согласиться с одним из современных политологов, который полагает, что «чем заметнее, активнее и даже агрессивнее западный секуляризм, тем более замаскированным (до определенного момента) становится обмирщение русского общества и, одновременно, реакция на этот секуляризм. Нечто подобное происходит и в других восточнохристианских культурах».²

Здесь хотелось бы вернуться к *духовности*, корни которой находятся в православии. Первоначальная, «аутентичная» духовность имела практический религиозный смысл. «Духовность» православного человека выражается в отречении от мирской жизни: верность Богу, религиозным обрядам, православному аскетизму; сострадание и соболезнование ближнему, покорность царю, посланнику Бога, доминирование Веры над Разумом. «Духовность» в светском понимании, где дух становится синонимом сознания, означает интеллектуальное совершенствование, развитие самосознания человека, многостороннюю образованность, т.е. доминирование разума над верой. В чем же проявляется духовность: в религиозной или светской сущности человека? Эмоциональную или рациональную составляющую она привносит во внутренний мир человека? Полагаем, что духовность, по своей сути, ориентирует на пренебрежение внешними условиями, материальным богатством, предполагает соучастие, содействие, общность. И если религиозная духовность – это общинность, коллективность, то светская духовность – это сообщество независимых (интеллектуально) личностей.

«Духовность» русского человека в XVI–XIX вв. не могла быть не связана с ее «гражданственностью». Надо полагать, что секуляризация (долгая и поздняя по сравнению с Западом) российского общества, его «гражданизация» (равно как и социализация, политизация) человека происходили с сохранением элементов православной духовности. Последняя причудливыми способами трансформировалась в светскую «духовность». Однако рационализация духовности, формирование светского русского человека не преодолели своей «первородной связи», сохранили черты (быть может, бессознательно архетипически) православной духовности. Поэтому гражданственность русского человека, гражданственность российской интеллигенции, аристократии, меньшинства русского общества имела свои *особенности*

¹ Ключевский В.О. Неопубликованные произведения. М., 1983. С.300-301.

² Салмин А.М. Современная демократия: очерки становления. М., 1997. С.214.

в виде неприятия частной собственности, со-общности (вместо независимых личностей), равенства и вольности (в русском понимании свободы), доминирования морально-этических ценностей.

Итак, вышеназванные эмпирические факторы Российской цивилизации позволили выявить принципиальные по сравнению с Западом особенности и границы российской гражданственности. Эти факторы позволяют говорить о России как о самобытной, но общечивилизационной политической системе, где гражданственность человека определялась, наряду с западными ценностями, также и традиционно-архетипическими российскими императивами. Это двойственное онтологическое измерение человека в политическом пространстве отразилось в теоретических изысках российских мыслителей, вплоть до всеединства В.С. Соловьева как самого известного на Западе русского философа.

Экстремизм – нарицательный способ исключения субъекта из числа носителей рациональной политической цивилизованности. Тема экстремизма дает повод наиболее резким взаимным упрекам России и Запада, отравляет внутреннюю среду возможного диалогического понимания современной российской политической жизни. Эта «печальная актуальность», к сожалению, не обнаруживает признаков угасания. Проводятся многочисленные исследования, конференции, семинары, дискуссии, касающиеся экстремизма в целом или различных его аспектов, в частности. Но, несмотря на публичный интерес к данной теме, целенаправленную политику государственных и муниципальных органов власти, усилия социальных институтов по профилактике и предотвращению данной социальной патологии, она не демонстрирует признаков угасания. Проблема усугубляется вопросами политической социализации молодежи в обществе, переживающем социетальную трансформацию. И именно молодежь максимально восприимчива к экстремистским настроениям и действиям.

Понятие *extremism* (от лат. *extremus* – крайний) – приверженность крайним взглядам и, в особенности, мерам. Понятию «экстремизм» ПАСЕ дала определение в 2003 г. Согласно этому определению, «экстремизм – это такая форма политической деятельности, которая прямо или косвенно отвергает принципы парламентской демократии». Из данного определения видно, что, во-первых, на международном уровне экстремизм понимается только в рамках политической деятельности (или действий), во-вторых, экстремизм – все то, что противоречит парламентской демократии. Если исходить только из политической природы экстремистской деятельности, то, соответственно речь идет либо об ультраправых экстремистских проявлениях – фашистских или национал-социалистических, либо о леворадикальных действиях (или деятельности), что характеризуется классически анархистскими *абсентеистическими* проявлениями. Подобное понимание экстремизма редуцирует его сущность к юридическому рассмотрению этого разнопланового феномена. То есть экстремистскими называются те политические действия (или деятельность), которые находятся вне международного правового поля (западных политических представлений) и, соответственно, вне правового поля цивилизованных государств:

- насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации;
- публичное оправдание терроризма и иная террористическая деятельность;
- возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни;
- пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии;
- нарушение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в зависимости от его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии;
- воспрепятствование осуществлению гражданами их избирательных прав и права на участие в референдуме или нарушение тайны голосования, соединенные с насилием либо угрозой его применения;
- воспрепятствование законной деятельности государственных органов, органов местного

самоуправления, избирательных комиссий, общественных и религиозных объединений или иных организаций, соединенное с насилием либо угрозой его применения;

- совершение преступлений по мотивам, указанным в пункте «е» части первой статьи 63 Уголовного кодекса Российской Федерации;
- пропаганда и публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения;
- публичные призывы к осуществлению указанных деяний либо массовое распространение заведомо экстремистских материалов, а равно их изготовление или хранение в целях массового распространения;
- публичное заведомо ложное обвинение лица, занимающего государственную должность Российской Федерации или государственную должность субъекта Российской Федерации, в совершении им в период исполнения своих должностных обязанностей деяний, указанных в настоящей статье и являющихся преступлением;
- организация и подготовка указанных деяний, а также подстрекательство к их осуществлению;
- финансирование указанных деяний либо иное содействие в их организации, подготовке и осуществлении, в том числе путем предоставления учебной, полиграфической и материально-технической базы, телефонной и иных видов связи или оказания информационных услуг.

Тем самым экстремизм как политическое явление (хотя в своей сущности может быть и религиозным, и этническим, и социальным явлением) и в России регламентирован юридически. Т.е. «крайность» акта определяется его незаконностью. А носит ли этот акт политический, религиозный или социальный характер – это уже второй вопрос. Но если мы говорим об основаниях данного явления, следует указать на его неразрывную связь с политической социализацией гражданина, с гражданской социализацией человека. А значит – необходимо исследовать истоки и основания экстремистских настроений, коренящихся в человеческой природе, понимая всю *многоликость экстремизма* как психологического феномена, который потенциально может привести к деструктивным действиям (или деятельности). Экстремизм – антропологическая изнанка гражданственности.

В этой связи можно предположить, что экстремистские настроения в сознании человека основаны на противопоставлении себя и другого (других) как своего и чужого, друга и врага. То есть любое противопоставление в сознании потенциально может формировать «крайнее» настроение (пока еще не действие или деятельность). На наш взгляд, превенция эффективна именно в отношении экстремистских настроений. Рассмотрим основные причины (факторы) вышеуказанных дихотомических противопоставлений в сознании молодого человека.

Возрастные особенности молодежи. Проблема «отцов и детей» – проблема на все времена. Возрастающая актуальность этой проблемы связана с нашей новейшей историей, как и с нашим советским прошлым. Воспитание «отцов» (родителей нынешней молодежи) происходило в СССР, а воспитание и социализация современной молодежи – «детей» – пришлось на время «новой» России. Тем самым, противоречие между общественным сознанием «отцов» и общественным сознанием «детей» проявляется в ценностных ориентациях – в исходных мотивациях мировоззрения в целом. Мировоззренческие ориентации советского человека исходили из приоритета коллективных идеологически ангажированных ценностей. «Экономического человека» как такового не было, был «идеологический человек». Современная молодежь ориентирована на ценности «экономического человека», на принципы рыночной экономики, в которой молодежь «живет» – социализируется. Тем самым формируется противоречие между социализацией молодого человека в обществе и его воспитанием родителями, перестроившимися осознанно в новую реальность, но пребывающими, архетипически и стереотипически, в советском прошлом. Разновозрастные поколения выражают разные способы соотнесенности с западными политическими представлениями о гражданственности. И одним из отражений этой ситуации является постоянная «ценностно-ориентированная двойственность» в сознании молодого человека.

Сегодня по-иному действует и *этнический фактор*. Л.Н. Гумилев определял этнос как «коллектив, противопоставляющий себя другому коллективу». Именно противопоставление является основной сущностью этнического самосознания. Любой этнос формирует и культивирует различные ценности (мировоззренческие, стереотипические, культурные, поведения). Вся этническая культура формируется под знаменами *противопоставления*. Представитель этноса идентифицирует себя с этой культурой и противопоставляет себя представителю другой культуры. Основанием для противопоставления являются стереотипы, которые носят, в основном, негативный характер. Каждый этнос позиционирован в общественном сознании посредством определенных стереотипов. Это – самая «болевая точка» в полиэтничной стране. Перед представителями этнических меньшинств (в особенности в национальных республиках – субъектах РФ) возникает выбор – либо оставаться бикультурным, либо ассимилироваться в титульный – русский этнос, чтобы быть в среде представителей титульного этноса «своим». А в сознании этнически русского молодого человека также возникает вопрос по отношению к представителям других этносов: «Почему в моей стране разговаривают на другом языке, демонстративно ведут другой образ жизни и, самое главное, идентифицируют себя с моей страной или еще хуже – чувствуют себя «хозяевами жизни»? Идея понимания России как «политической нации» (где этнический фактор – не приоритетный), которой в 1990-е гг. придерживались российские либералы, не прижилась и не приживется в нашей стране. На наш взгляд, генезис формирования российской государственности, процесс становления России как полиэтничного государства показывает другое «решение» этнического вопроса: несмотря на гетерогенный состав, в России приоритетным является русский этнос со своей мессианской ролью, где русская культура и русский язык сосуществуют с культурными мирами других этнических групп. Что, в свою очередь, возможно лишь при достаточно развитой государственной гражданственности – в противном случае мы имеем ситуацию, аналогичную постколониальной конфликтности этнических сознаний.

В не меньшей степени *трансформировался и религиозный фактор*, в ходе процессов клерикального ренессанса. Этот фактор является глубинным, исконным основанием для противопоставления своих и чужих ценностей. Любая религиозная конфессия – догматична и бескомпромиссна по своей сути. Любая конфессия предлагает свой вариант «единственно правильного мировоззрения» со своими ценностными установками, что не спасает религиозное сознание от внутренней напряженной борьбы за чистоту и аутентичность. Даже в рамках одной религии различные направления трактуют базисные ценностные установки по-своему. Например, сунниты и шииты в исламе, православие, католичество, протестантизм в христианстве и, наконец, старообрядцы и никониане, РПЦ в России и за рубежом. А последствием трансформации религии в этику поведения является формирование различных норм и ценностей, доминирующих в том или ином обществе, явно или скрыто, в виде архетипов сознания. Например, протестантская этика (которую достаточно подробно анализировал М. Вебер) со своей капиталистической ориентацией (одобрением частной собственности, благоприятной духу предпринимательства) резко отличается от православной этики – наиболее ортодоксальной в христианстве, содержащей в себе приоритет духовных ценностей и общинного существования. Носитель любой религиозной этики, так или иначе, противопоставляет себя (в основном бессознательно) носителю другой этики. При этом ситуация, описанная Вебером, касается четко очерченного религиозного образа жизни, а современная российская религиозность имеет явный диффузный характер, что сообщает ей нормативную непредсказуемость и статус потенциального ресурса острой конфликтности. Религиозные различия стали в современной России средством маскировки не-религиозной борьбы социальных групп. А отсутствие традиционных, узнаваемых демаркаций, включая иерархии, упрощает мобилизационное применение религиозных аргументов в обосновании экстремизма. Но экстремизм как таковой чаще основан не на подлинном религиозном фундаментализме, а на фундаментальных претензиях на религиозность, которая как никогда проблематична.

Даже *географический фактор* обретает новые смысловые конфигурации в современной России. «Географическая» природа противопоставлений основана на геополитических и ад-

министративно-территориальных размерах малой Родины, места происхождения человека: мегаполис, маленький город, село. В рамках методологии различных научных теорий (Ф. Теннис, К. Юнг, О. Шпенглер) – в так называемом культуркритическом направлении, возникла идея о том, что географический размер и тип населенного пункта места рождения и проживания в детско-подростковом возрасте определяет особенности восприятия жизнедеятельности и ценностные установки. В этом смысле, *элементы несовместимости между ценностными установками молодых людей, родившихся в мегаполисе и в маленьком городе, между подростками из деревни и маленького города неизбежны*. Это достаточно серьезная проблема, требующая междисциплинарных исследований. В сознании молодого человека очерчиваются «рамки» жизнедеятельности со своими установками, ценностями, нормами поведения, образом жизни. В мегаполисе сосуществуют молодые люди с различными «географическими рамками» сознания, что создает устойчивую взаимную потребность выражения этих противопоставлений «своего» и «чужого» любыми возможными средствами. В этой «неодновременности» (термин Э. Блоха), в этих различных «мирах» сознания могут рождаться проблемы непонимания, психологические комплексы, которые могут перерасти в агрессивные, «крайние» настроения. Российская провинциальность, российские столичные комплексы, включая конкуренцию «вторых» и «третьих» «столиц», дают богатую пищу конкурентным позиционированиям социальных групп, включая группы молодежи.

Противопоставления могут иметь и физиологические основания. Именно в подростковый период начинаются сравнения: кто лучше, кто красивее. Наиболее остро переживаются физиологические недостатки, что также может являться темой агрессивности и проявления «крайнего» поведения. Инструментальный характер подобных различий взаимосвязан с их непредсказуемой ситуативностью. «Физиологический» экстремизм прозрачен в качестве инструмента, остается в сфере неосознаваемого агента иных эксцентричных смыслов, работает как катализатор среды социальных предпочтений. В целом, у нас отсутствует расовая дифференциация по образцам западного постколониализма. Зато процветает стихийное хулиганство, основанное на стереотипах внешности представителей «неместного» населения. Очевидно, лишь наличие развитых комплексов внутренних авто- и гетеро-стереотипов может компенсировать подобное «нелицеприятие» в некоторых группах российской молодежи. Их беда в том, что они не вполне граждане России и не вполне носители русской культуры, или иной этнической культуры. И не стоит приписывать пороки, связанные с отсутствием гражданственности и культурности, российскому политическому самосознанию как таковому.

Наиболее остро противопоставления проявляются на почве социального статуса родителей. Здесь играют роль и экономический, и профессиональный факторы. Молодые люди сравнивают себя и других, ранжируют престижность профессии родителей, появляется элемент подражания, элемент противопоставления. Очевидная нестабильность институциональной среды в современной России не позволяет вполне артикулировать *стратификационные стереотипы*, характерные как для Запада, так и для Востока. В целом более понятны стилевые инструменты, маркирующие ранги социального престижа по «советской инерции», однако эта уходящая реальность чудовищно трансформировалась в представлениях постсоветской молодежи и носит откровенно случайный характер. Тем больше напоминают черный юмор западнические выпады против дефицита юридической справедливости в России, скроенные по антисоветским образцам и слабо подправленные «притянутыми за уши» фантастическими карикатурами «царской империи». Но фундаментальное непризнание специфических черт российской молодежи не дает нам повода абсолютизировать тотальную идентичность молодежи в современных обществах. Главный позитивный признак российской молодежи связан с возможностью формирования государственной гражданственности, не имеющей аналогов на Западе.

Природа противопоставлений, безусловно, различна. С одной стороны, это интересно – все люди разные. Но, с другой стороны, эта *«инаковость»* наиболее остро, иногда драматично переживается именно в подростковом и молодежном возрасте. Формируются мировоззрение, ценностные установки, происходит сравнение с другими и противопоставление себя

другим. Именно эти противопоставления могут являться основанием для экстремистских – «крайних» настроений. При этом проблема толерантности в России, а в особенности – в среде молодежи, отмечена печатью замаскированных различий, где наиболее проблематичным оказывается статус гражданственности. Поэтому «внешние» социальные призывы к толерантности совершенно не эффективны. Необходимо понимать и работать с «внутренней» природой – развивать психологическую способность человека уважать все чужое, не теряя своего. Ключевой фактор развития толерантности – баланс ценностных ориентаций человека и цивилизованности, культурной почвы и образованности, эмоциональности и рациональности, этничности и гражданственности. Именно этот баланс может быть препятствием для экстремистских настроений в сознании молодого человека. Такой баланс дает почву гражданскому самосознанию. Только человек, способный осознать свои чувства, настроения (взглянуть на себя со стороны), может их контролировать, может толерантно относиться ко всему чужому, не теряя себя. «Иное» и «чужое» можно и не понимать, но необходимо уважать и принимать как то, что сосуществует со «своим».

Таковы объективные факторы, способствующие избеганию рисков несформированной гражданственности в молодежной среде. Разумеется, этим не исчерпывается среда, вакантная для конструктивных политических представлений. Однако гражданственность как осознанная идея, отражающая смысловую среду политического становления личности, дает уникальный шанс и перспективу переоценки навязанных представлений о ресурсах российской политической культуры и цивилизованности. Соответственно, изначальным контрагентом выступает чувственная идея экстремизма, отражающая политическую среду антропологического разрушения личности.

Современная Россия в очередной раз несет в себе уникальную возможность выражения ключевых политических смыслов гражданственности, составляющих шанс инструментального преодоления антропологических установок экстремизма. Эта задача затрагивает весь комплекс оснований политической социализации молодежи. Таковы фактические прагматические рамки категориального диалога России и Запада, интеллигентности и интеллектуализма. Интрига в том, что большинство сюжетов политического самосознания преодолимы не во внешнем диалоге, а в рефлексивной переоценке сталкивающихся установок. Понять другого можно, лишь поняв себя в отношении к этому другому и к самому себе. Российская гражданственность – это уникальная цивилизационная задача, разрешимая средствами российского культурного самосознания, это надежный антипод экстремизма. А экстремизм не уничтожим тотально, но управляем в качестве цивилизационной опасности, будучи смертелен в качестве нерешенной культурной проблемы.

**Ю.Андреева, Е.Л. Омельченко, д.соц.н. (Центр «Регион», Ульяновск)
В лабиринтах нового молодежного патриотизма**

События последнего времени в России и в Европе говорят об активном формировании молодежных солидарностей. Речь идет как о формальных молодежных движениях и партиях, мобилизованных сверху под определенные политические цели, так и о солидарностях, ядром которых становится поддержание определенных ценностей, разделяемых лидерами и большинством участников. Молодежь все активней начинает себя публично обнаруживать не только на «привычных» молодежных сценах, но и на различных «политических» арены: площадях, центральных улицах, съездах партий, Интернет форумах, блоговых порталах. С начала нового тысячелетия происходит переформатирование молодежных культурных сцен и арен. Среди лозунгов и знамен этих процессов просматриваются, пусть хаотично используемые идеи патриотизма, стихийного национализма и ксенофобии. Нередко выступления сопровождаются экстремистскими проявлениями.

Молодежь в России «спала» 15-20 после перестроечных лет. Молодежь Западной Европы активно осваивала пространства стиливых супермаркетов и отработывала рыночные практики, оформляясь в любимый маркетологами «глобальный молодежный сегмент». Молодежь

Восточной Европы, постсоветских стран и республик, с невероятной скоростью осваивали и адаптировали модели потребления и культурные практики своих западных сверстников. В это же время в разных уголках и странах происходит соединение /столкновение поисков свежих идей «национальных государств» и сообществ политическими элитами новых государственных формирований – со стихийными, неоформленными идеями разной молодежи о том, как и в каком направлении строить идентичности (групповые, солидарные, национальные). В то время как ученые и публицисты по привычке продолжали говорить о молодежной аполитичности, ее отказе от участия в публичной политике, высоком уровне недоверия к власти, государству и силовым структурам, формировались и укреплялись ценности «новой» молодежи.

Стимулом к активному молодежному партстроительству послужили «цветные» события в Европе и бывших союзных республиках. Начинают разрабатываться молодежные проекты, призванные канализировать просыпающуюся и требующую публичности молодежную энергию. Официально поддерживаемая волна нового молодежного активизма частично опирается на национал патриотическую риторику, доставшийся в «наследство» комплекс национальной неполноценности, дополненный фантомными болями потерянного имперского величия и власти – это своего рода рационализация патриотизма ксенофобного толка. «Нормальная» молодежь, не включенная в субкультурные или политизированные сообщества, редко и ситуативно участвует в публичных акциях, но в их среде распространяется так называемая бытовая ксенофобия: от анекдотов – до повседневного неприятия «других» и «чужих». Эти настроения базируются на упрощенной картине мира, поп культурных интересах и практиках, поддержке патриархального гендерного порядка, стереотипической нормативности, обывательской морали и культе силы. Бытовая ксенофобия – благодатная почва для реализации национал патриотических проектов. «Продвинутая» молодежь отказывается от поповской политики, но вольно или невольно начинает включаться в публичные дискуссии о ценностях национального самосознания (пример: латентная, а подчас и открытая борьба так называемых «про/фашистов» и «анти фашистов»). Активисты и правозащитники реагируют на открытые проявления экстремизма: стычки, столкновения, демонстрации, выступления, убийства, издевательства. С их помощью эти факты выводятся в публичное пространство и становятся предметом общественного обсуждения. Подобные исследования бесспорно важны. Однако нам как социологам в большей степени интересны бытовые проявления ксенофобии.

Из всех проявлений морального сознания, наверное, ни одно не вызывало такого разнообразия дискурсов, как патриотизм. Эта категория остается предметом «системной рефлексии» на протяжении всей истории российского/советского государства, включая поиски и интерпретации национальной идеи, художественные смыслы стремления к «вечному катарсису» и «великой истине», апелляциям к «памяти войны» и пресловутому «национальному самосознанию».

Патриотизм, как некое «идеальное» понятие обладает собственной онтологией: его становление в описании морального чувства личности для социального означивания сейчас достигло своего апогея. За период исторических трансформаций, происходящих в стране, концепт «патриотизма» сузил свой объем, свелся к «преданности, любви, готовности защищать Родину» и расширил свое содержание, наполнившись дополнительными признаками различных индивидуальных трактовок, и интерпретаций. Анализ современных контекстов молодежного патриотизма¹ позволяет определить его как глубокий эмоционально-поведенческий молодежный конструкт, связанный с групповой идентификацией и практиками.

Часто критериями «патриотичности» или «непатриотичности» называются дискурсивно воспроизводимые категории, по наличию/отсутствию которых судят о собственном и чужом патриотизме. Например, знание истории своей страны и того места, где ты родился, знание истории своей семьи, своего происхождения, своих корней, включенность в политические процессы современности и т.д.

¹ Используются результаты исследовательского проекта «Новый российский патриотизм», реализованного НИЦ «Регион» в г. Воркута (октябрь 2007 г.) и г. Санкт-Петербург (апрель 2008 г.).

Зафиксировавшись в языке, патриотизм, используемый как категория анализа глубинных чувств и стремлений молодежи, описывает не только их готовность жить и работать в стране и на ее благо, но и обладает рядом дополнительных смысловых оттенков. Для современных молодых в языковом архиваторе «патриотизма» не существует или это понятие амальгамирует в себе прошлую (старую), советскую, не модную, не современную, политически ангажированную специфику молодежных коннотаций патриотизма.

Конечно, контексты и смыслы патриотизма или того, что им называют субъективно принципиально неисчерпаемы, глубина этого морального чувства до конца вряд ли может быть осмыслена в рамках какого-то бы ни было дискурса, тем не менее, возможно хотя бы немного расширить рамки его однозначной «государственной» трактовки и обратить внимание на множественность индивидуальных разрешений совпадения гармоничного чувства личности и реальных государственных идеалов.

Е.В. Андреева (РГУПС, Ростов на/Дону).

Трансляция культурной памяти и сохранение национального самосознания

Любой прогресс общественного развития связан с передачей культурно-исторического опыта от поколения к поколению. Система, характеризующая стабилизацию общества, его уровень культурного развития включает в качестве центральных звеньев образование и воспитание. На протяжении всей истории общества складывались различные парадигмы образования и воспитания человека. Они имеют не только научно-педагогическую, но и общекультурную ценность. Основной элемент культурологической парадигмы образования заключается в осознании типа культуры, способов развития человека в процессе освоения элементов культуры, обучения, поведения, общения. Культура – значит «вращивание», соответственно, применительно к человеку – это его формирование и совершенствование. Образование – оптимальный способ вхождения человека в мир науки, и, наряду с воспитанием – передача социального опыта и овладение ценностями мировой культуры. Жизнь и практика человека, культурное наследие различных народов и отрасли постоянно развивающейся науки – неиссякаемый колодезь, из которого черпается и пополняется содержание образования. Для каждого культурно-исторического этапа развития социума и государства характерна своя система образования, а для народа, нации – система воспитания. Образование – это процесс трансляции культурно оформленных образцов человеческой деятельности. В процессе воспитания человек осваивает социокультурные нормы, имеющие культурно-историческое значение, поэтому смысл образования не только в трансляции социального опыта во времени, но и в воспроизводстве устоявшихся форм общественной жизни в пространстве культуры. Вопросы взаимодействия культуры, образования и воспитания как ведущих факторов общественного прогресса и развития цивилизации в центре внимания всего мирового сообщества.

Поликультурное воспитание¹ предполагает учет культурных и воспитательных интересов разных национальностей и этносов, а также предусматривает адаптацию человека к различным ценностям в ситуации существования множества разнородных культур, взаимодействие между людьми с разными традициями, ориентацию на диалог культур, отказ от культурно-образовательной монополии в отношении других наций и народов. Поликультурное воспитание культивирует в человеке дух солидарности и взаимопонимания во имя мира и сохранения культурной идентичности разных народов. Жизнь человека – звено в цепи поколений. Молодой человек живет в пространстве социально-культурной традиции, которая и формирует его характер, стиль поведения, устремления, ценности, интересы. Обеспечение преемственности культурно-образовательной традиции, сохранение самобытности народа и сложившейся системы ценностей будут способствовать их «интеграции в систему мировых ценностей как элементов макросоциума»². При этом традиция выполняет важнейшую функцию в системных процессах образования и воспитания молодого поколения. Культура – такая

¹ См.: Бордовская Н.В., Реан А.А. Педагогика. СПб., 2000.

² Там же. С.64.

часть общечеловеческого достояния, которая кропотливо и преднамеренно создается и передается нам другими людьми, но никто не может ею овладеть без приложения собственных усилий. Освоение культуры предполагает научение, позволяющее осмыслить ее элементы в том ключе, как это задумывалось ее создателями.

В настоящее время культурное достояние человечества является залогом его сохранения. Современная система образования обращает все более усиливающееся внимание на гуманизацию образования, расширение общекультурной подготовки будущих специалистов, в какой бы сфере общественной жизни не протекала их деятельность. Но освоение современного культурного пространства для молодого поколения россиян проблематично, так как с начала XX в. изменяется соотношение между высокой, элитарной и низовой культурой, которая превращается в массовую. Культура стала массовой не только по количеству вовлеченных в нее субъектов, но и по упрощению потребляемого продукта. Массовая культура начинает выступать в виде официальной культуры как ее превращенная форма. Все эти изменения в культуре с неизбежностью отразились и на характере деятельности различных социальных институтов, включая систему образования.

В настоящее время разрушение единого пласта культурной памяти стало очевидным. В связи с этим не только теоретическую, но и практическую значимость имеет проблема сохранения и восстановления общей культурной памяти народов России, без чего и их совместная будущность становится весьма проблематичной. Разрушение культурно- исторической памяти затрагивает суть культурной идентичности россиян. Поток разоблачительных публикаций, затронувших все значимые этапы и личности отечественной истории, заполнивший все периодические издания в 1990-е гг., оказался травмирующим для культурно-исторической памяти народов России и вызвал культурный шок. Культурный шок определяется как конфликт старых и новых культурных норм и ориентиров. «Конфликт двух культур на уровне индивидуального сознания»¹ привел к полной дезориентации общественного сознания по отношению к ключевым для национального самосознания событиям и личностям. Единообразие культурной памяти, обеспечиваемому при советской власти государственным контролем над образованием и средствами массовых коммуникаций, пришел конец. Проблематичным стало само понятие единой культурной памяти у народов, ранее составлявших единую историческую общность «советский народ». Культурно-историческая память стала мозаичной, а это грозит утратой общей культурной идентичности той общности, которую именуют ныне «россияне». «Двукратное на протяжении жизни двух поколений отвержение привычных мировоззренческих паттернов и двукратная ломка структур социального бытия поставили под угрозу социальную самоидентификацию большинства российских граждан»².

Итогом длительного разрушения культурно-исторической памяти российского общества стало ослабление связи поколений. Знаменательны результаты выборочного социологического опроса населения России, в котором приняли участие 2 401 человек в возрасте 18 лет в 26 субъектах РФ. Опрос был проведен в июне 2001 г. На вопрос «Знаете ли Вы имя и отчество Ваших прадедов?» только 24% опрошенных ответили: «Да, знаю», 43% опрошенных знали не всех, а 33% не знали имена и отчества своих прадедов. У 1% опрошенных из домашних реликвий, сохраненных в семье, 74% заняли фотографии и только 14% – семейные письма, дневники, рукописи. То, что было значимо в памяти отцов и дедов, для поколения, родившегося в начале 1990-х гг., либо не представляет никакого интереса, либо оценивается отрицательно. Среди молодых людей опрос выявил относительно меньшее количество высоких оценок созидательного и нравственного потенциала русского народа. Главное же, что показал опрос, состояло в расхождении представлений, с одной стороны, о великом культурном наследии и, с другой – о недостаточном нравственном потенциале народа. Скорее всего, культура ассоциируется в сознании молодежи с элитным духовным производством и его гениями, а уровень нравственности оценивается на основе практики повседневной жизни. Одна из реальных проблем современного этапа развития нашего общества состоит в том, что

¹ Ионин Л.Г. Социология культуры. М., 1998. С.22.

² Полонская И.Н. Традиция, смысловые грани понятия // Научная мысль Кавказа. 2004. № 2. С.14.

«большая» культура вытесняется из духовной жизни на периферию эрзацами массовой культуры¹. Прошлое превратилось в объект политических и идеологических манипуляций разнонаправленных политических сил, у каждой из которых была своя Россия, которую они потеряли. «Между тем массовое сознание, уставшее от постоянных разоблачений прошлого требовало *объяснения* прошлого, в том числе и неприятного, травмирующего, жестокого, взамен его разрушения, неприятия и осуждения. Теоретическое объяснение (не оправдание!) травмирующих событий истории означало бы возвращение утраченной идентичности, замену ее «советской» формы на «российскую»².

В условиях разрушения «советской» идентичности вышла на первый план этнокультурная идентичность, представляющая сложный социально-психологический феномен, включающий глубинные сознательно-бессознательные переживания и обусловленные культурой формы ее манифестации, обладающая безальтернативностью и наибольшей устойчивостью, воспринимаемая человеком как данность. Этнокультурная идентичность включает и ментальность народа, в которой проявляется его культурная наследственность, комплекс тех качеств, которые передаются от предков и позволяют данному этнокультурному сообществу сохраниться и развиваться. Ментальность народов, сосуществующих столетия вместе, сохранялась прежде всего во всех пластах фольклора, закреплялась в языковой картине мира. Способом сохранения и передачи культурной памяти служила традиция, в которую входит комплекс ценностно-окрашенных норм поведения, форм сознания и институтов человеческого общения. Традиция обеспечивает связь настоящего с прошлым, а также степень зависимости современного поколения от прошлого. Традиция понимается в современной науке не только и не столько как обычаи, обряды, ритуалы и прочие элементы социального бытия, но и как «глубинные представления, принципы и идеи, которые стоят за ними как некое интенциональное ядро и система нозем, как некая экзистенциальная структура культуры и универсальный коммуникативный механизм социума и, наконец, универсальный процесс хранения и передачи информации»³.

Современное состояние культурной памяти является результатом воздействия на нее со стороны мощного государственного аппарата Советской власти, формировавшего идеологически приемлемые картины прошлого.

Особенно интенсивно шла музеефикация памяти, она заключалась в том, что утративший связь с живой историей, насильственно вырванный из контекста культуры артефакт представлялся в виде памятника, который новая власть сделала доступной для простых людей. Так происходило с дворцами и усадьбами представителей дворянского класса, который последовательно уничтожался. В России усадьба с ее старинной библиотекой, портретами предков, прадедовским садом, «темной лип аллеей» и прочими известными атрибутами «дворянского гнезда» была хранилищем культурной памяти. Перестав быть частным владением, усадьбы утратили и свою индивидуальную историю. О старой не вспоминали, а новая сливалась с историей советского сельского хозяйства в целом. Новые названия улиц, площадей и городов создавали у поколений, родившихся в постреволюционное время, представление о Новом мире, который утратил генетическую связь, культурную обусловленность «проклятым прошлым».

Процесс интерпретации культурной памяти является общим для любого типа культуры, переживающего культурную трансформацию. Специфика социокультурной ситуации, которую пережила наша страна в XX в. заключается в том, что процесс насильственной трансформации культурной памяти имел не непрерывный характер, в нем были определенная цикличность, возвратные движения к ключевым событиям и фигурам, отношение к которым вновь и вновь пересматривалось.

¹ Бойков В.Э. Состояние и проблемы формирования исторической памяти («круглый стол») // Социс. 2002. № 8. С.75-76.

² Козлов В.А. Российская цивилизация. Российский посткоммунистический синдром: «Разрушенное прошлое» и кризис советской идентичности // Общественные науки и современность. 2003, № 4. С.88.

³ Тхагапсоев Х.Г. Постижение Кавказа: новые ракурсы // Научная мысль Кавказа. 2003. № 2. С.49-50.

Для современной культуры характерно глубокое переживание связи современности с историческим прошлым, которое неудобно, а порой и просто невыносимо, как, например, массовые преступления времен Второй мировой войны, и культура пытается то фиксировать его в форме священной памяти, подлежащей скорее однозначному судебному приговору, чем научному исследованию с его пересмотрами концепций, то организовано забывать его, ищет морально приемлемые формы «трудного прощения» – разумеется не всех и не всего, ибо у некоторых преступлений срока давности нет. В последние десятилетия XX в. произошел ряд кардинальных изменений современной культуры, приведший к изменениям в функционировании культурно-исторической памяти: переосмысление культурной и индивидуальной самобытности – стремительное развитие процесса глобализации и новых информационных технологий.

Возвращение культурной памяти в нашей стране происходящее в настоящее время осложнено тем, что процесс «перестройки» общественного сознания проходит на фоне глобализации, которая проявляется в стирании языковых и национальных границ в мировом масштабе. Среди возможных негативных последствий глобализации – угроза самобытности культур, навязывание с помощью развитых информационных коммуникаций культурных стандартов и образцов США. Открытость информационного пространства РФ, начиная с 1990-х гг., привела к массивному воздействию образов и стандартов западной, прежде всего американской культуры, что обозначило нарастающий разрыв между поколениями в отношении к отечественной истории и культуре.

Глобализация культуры сопряжена с ее американизацией, так как распространение по всему миру американского телевидения, газет и журналов, рекламных роликов приводит к тиражированию ценностей, норм, стандартов общества потребления. Лишенная всякого ощущения развития вне происходящего настоящего и чуждая всяким представлениям о «корнях», глобальная культура переменчива, повсеместна. Соответственно, входя в глобализационный процесс, российское общество не должно утрачивать свою идентичность, культуру, терять свою систему ценностей, основу нашего успешного развития.

Молодое поколение не испытывает ностальгии по прошлому, его память не загружена идеологическими стереотипами. Во многом это явилось следствием кризиса прежнего мировоззрения в 90-е годы, когда на общество обрушился вал информации. Были открыты архивы, из которых без кропотливой предварительной обработки были извлечены ранее недоступные материалы, сразу же растиражированные в прессе. Одновременно государство уменьшило материальное финансирование хранилищ культурной памяти – музеев, библиотек, архивов и звеньев образовательной системы. Произошел травматический шок от того прошлого, которое представало в журнальных публикациях и передачах как катастрофа, невосполнимая лакуна в культурном и историческом прошлом России. В общественном сознании нарастала эмоциональная усталость, снижение интереса к прошлому нашей страны, картина которого стала размыта в глазах молодого поколения до полной неясности. Одновременно в обществе и государственных структурах нарастало понимание того, что разрушив прежние стереотипы и ничего не создавая взамен, значит создать духовный вакуум, который быстро заполнится учениями адептов новых сект, экстремистских движений, мистикой, оккультизмом.

В условиях обвального разрушения исторической памяти фундаментальным для единства российской культуры и личностной идентификации, особенно молодого поколения, остается культурное наследие народов России. Культурное наследие включает в себя не только вещественные объекты, образующие памятники материальной культуры и территории, но виды деятельности, технологии производства и самих людей как «носителей» традиционных культурных ценностей.

Наследие как духовный и интеллектуальный потенциал является одним из наиболее значительных компонентов национального достояния России, который позволяет ей оставаться среди великих мировых держав. Объекты наследия создают предпосылки для сохранения самобытности, они закрепляют многообразие национальных, этнических и религиозных

культур, разнообразие природы, служат фундаментом воспитания патриотизма молодого поколения. Бережное, осознанное отношение к культурному наследию, трансляция культурной памяти – необходимое условие сохранения культурной идентификации россиян, укрепления национального самосознания в процессе воспитания и образования современной молодежи.

А.И. Афанасьева (к.филос.н.), В.И. Меркушин (к.ист.н., РАГС, Москва)
Историческая память россиян о Великой Отечественной войне

Великая Отечественная война – важнейшая составляющая Второй мировой войны – эпохальное событие XX столетия не только для народов нашей страны, отстоявших честь, свободу и независимость своего Отечества. Она имеет всемирно-историческое значение: ее итогом был полный разгром немецкой армии, повлекший за собой освобождение европейских стран от фашистского порабощения. Отечественная война – целая историческая эпоха, вместившая экономические, политические, идеологические, военные, социальные, психологические теории и практики, взлеты и падения, ожидания и разочарования, идеалы, цели, интересы, невиданный патриотизм и героизм. Историческая народная память о ней – огромная ценность, духовный капитал России.

Доминанты народного «военного» сознания – *всеобщность гордости* за выигранную войну, за Победу; всенародный патриотизм, массовый героизм, ярко проявившиеся не только в годы войны, но и в послевоенный период воодушевления, с которым советские люди восстанавливали разрушенное народное хозяйство; единство фронта и тыла. За годы, прошедшее после Победы, в стране произошли не менее важные события – развал СССР и крушение советского строя, трансформация социалистической системы в капиталистическую. Изменилась страна, выросли новые поколения людей, модифицировалось общественное сознание.

Что и как помнят об этой войне россияне, по каким меркам оценивают ее сегодня, каковы уроки войны и Победы для новой России, показало социологическое исследование «Великая Отечественная война 1941 - 1945 гг. в исторической памяти народа (к 60-летию Победы)»¹. Сравнение ответов позволило выявить диапазон и глубину знаний, представлений, суждений о Великой Отечественной войне, динамику суждений, затухания или расширения (всплеска) народной памяти, нарастания элементов реконструированной исторической памяти. В этом отношении наибольший интерес представляет сравнение полюсных групп: респондентов 60 лет и старше с когортой 18 - 24 летних.

¹ Проведено в ноябре 2004 г. Социологическим центром Российской академии государственной службы при Президенте РФ в 18 субъектах страны. Выборочная совокупность опрошенных – 1601 человек – формировалась по многоступенчатой квотной выборке с вероятностным отбором респондентов на завершающем этапе ее реализации. Она репрезентирует этнический состав российского населения, его территориальное размещение, соотношение жителей разных типов поселений, социально-профессиональные и демографические группы людей в возрасте 18 лет и старше. Цель исследования заключается в изучении состояния и функционирования исторической памяти россиян о Великой Отечественной войне, того, как она сохраняется, воспроизводится и проявляется себя в оценках различных сторон войны и победы, каковы тенденции ее изменения по истечении 60 лет. В русле поставленной цели изучались: знания и представления о Великой Отечественной войны, источники знаний; оценки движущих сил войны; факторы победы; отношение к победителям, поколению, одержавшему Победу, к памятникам войны и ее участников, а также проблемы искажения исторической памяти о войне; народная память и власть. Соответственно было разработано 6 блоков вопросов анкеты. **Объект** исследования - народ России, дифференцированный по социально-демографическим (пол, возраст, образование, профессионально-служебный статус) и географическому признакам: а) города: Москва, Санкт-Петербург; крупные, средние, малые; село; б) регионы: тыловые и бывшие в немецкой оккупации. Важнейшим содержательным признаком является возрастная. Было выделено 6 возрастных групп. Для удобства анализа каждой из них присвоен номер: I. 18 – 24 лет, родившиеся после 1986 г. - дети перестройки; II. 25 - 29 лет – когорта, испытывавшая при своем формировании влияние «старого» и «нового» социального времени; III. 30 – 39 лет, группа, вступление в трудовую деятельность которой совпало с началом перестройки, реформирования; IV. 40 – 49 лет, активные участники перестройки, реформирования; V. 50 – 59 лет, когорта, осуществлявшая вместе со старшим поколением великие стройки; VI. 60 лет и старше – ровесники Победы, дети войны, довоенные дети, участники и свидетели войны, главная сила послевоенного восстановления и развития народного хозяйства.

Предмет исследования – изучение того, как память людей выражает себя сегодня в знаниях, суждениях, представлениях и оценках Великой Отечественной войны в целом и многообразных ее сторон, как интерпретирует военное прошлое с позиций коллективного (обобщенного) и индивидуального опыта, повседневных практик, как взаимодействует с официальным дискурсом. Для понимания исторической памяти о Великой Отечественной войне необходимо иметь в виду ее *двойное содержание*. В ней диалектически взаимосвязаны 1) «живая», непосредственная память народа и 2) универсальная обобщенная реконструированная память (историческая литература, учебники по истории, телевидение, художественные произведения, кинофильмы и т.д.). Первая – событийная память. Это индивидуальные и семейные истории, которые повествуют не только о том, *что* было (факты, события), но и *как* это было. Она нередко приходит в противоречие с тем, что встречается в обобщенном опыте, в реконструированной памяти.

Событийная, народная память богаче, многообразнее, конкретнее, красочнее. В обобщенной реконструированной памяти факты, события, процессы выступают в несколько огрубленной, обобщенной, но более осмысленной, систематизированной форме; между ними всегда остается зазор. Бытующая ныне память о войне являет собой весьма противоречивый комплекс правдивых, истинных и ложных, искаженных знаний, представлений, понятий, образов, идеологем и т.д. Существует *два вектора движения памяти*: восприятие действительности определяется прошлым опытом, знаниями, интеллектом, общей культурой; эта действительность продуцирует избирательность памяти, актуализируя те или иные стороны прошлого опыта.

Противоречивость памяти о Великой Отечественной войне усугубляется вторжением *идеологического компонента*, который привносится правящими структурами в соответствии с политическими интересами, целями и задачами трансформации общества. Существующая власть *объективно* заинтересована в поддержании, культивировании событийной народной памяти, в правдивом отображении, освещении Великой Отечественной войны; *субъективно* же, отвергая советское социалистическое прошлое нашей Родины, защита которой была главным смыслом и основным содержанием Отечественной войны, источником народного патриотизма и героизма, она вольно или невольно провоцирует искажение, фальсификацию военных событий, факторов Победы, принижение заслуг ветеранов и т.д. Таким образом, *главное противоречие* исторической памяти о Великой Отечественной войне заключается в столкновении, борьбе событийной, правдивой памяти, с одной стороны, и сфальсифицированной, с другой.

Гипотетически можно предположить, что: память о войне постепенно стирается, слабеет, «усыхает»; она все больше выходит за пределы непосредственной «живой» памяти. Причины этого: а) *временная*: годы войны и Победа все больше отдаляются по времени; б) *естественная* (и противоестественная): живые носители памяти уходят из жизни, унося с собой память о войне, в последнее десятилетие их число составляет большинство в том миллионе человек, которые умирают ежегодно; в) *политико-идеологическая*, связанная с негативной оценкой многих аспектов Отечественной войны, особенно с начала трансформации общества; г) проблемы *выживания* в постсоветской России, с одной стороны, гасят память о войне, переключают ее на вопросы личного выживания, под воздействием которых накапливается психологическая усталость, апатия, с другой – память о войне вытесняет погоня за собственностью, богатством.

Одним из главных показателей отношения к этому эпохальному историческому событию XX в. является *интерес* к нему народа.

Отметим сразу, что доля совсем неинтересующихся невелика – 4% от общего числа респондентов, но вместе с теми, кто «мало интересуется», они составляют 21%, т.е. каждый пятый, плюс еще 2%, которые затруднились подтвердить свой интерес/неинтерес – не ответили. Позиция тех, кого события войны «очень интересуют» и «скорее интересуют, чем нет», выглядит достаточно внушительно – ее занимают 77%.

Таблица 1

«Интересуют ли Вас события Великой Отечественной войны 1941 - 1945 гг.?»
(% от числа респондентов)

Варианты	Σ	Возрастные группы (годы)					
		18-24	25-29	30-39	40-49	50-59	60 и старше
Очень интересуют	38	23	19	17	37	48	68
Скорее интересуют, чем нет	39	47	46	53	38	33	23
Мало интересуют	17	23	27	22	17	12	7
Совсем не интересуют	4	5	6	6	4	5	0
Затруднились ответить	2	2	2	2	4	2	2

Приведенные данные особенно интересны, если сопоставить «полюсные» возрастные группы – 18-24-летних с группой 60-летних и старше. Тех, кого «очень интересуют» и «скорее интересуют, чем нет», в молодежной группе на 22% меньше, чем в крайней правой. Очень интересующихся событиями войны в группе 60 лет и старше ровно в 3 раза больше, чем у 18-24-летних. Может показаться, что приведенных данных недостаточно, чтобы сделать вывод о том, что они подтверждают правомерность гипотезы об ослаблении исторической памяти у когорт 18-24-летних, а также следующих за ней групп, у которых интерес к событиям Великой Отечественной войны также значительно, на 15-20%, ниже в сравнении с группами 50-летних и старше. Но отмеченная тенденция проявилась по многим другим позициям, например, в ответах на вопрос о возможности победы СССР без второго фронта (разница 19%); в оценке праздника «День Победы», о роли Сталина. Стариковская память оказалась почти на 20% крепче, чем молодая, по вопросу, кого помнят они из крупных военачальников. В молодежной группе оказалось в 3 раза больше, чем в самой старшей возрастной группе, тех, кто никого не помнит из полководцев войны, и в 2,5 раза меньше помнящих Героев Советского Союза той поры.

Полагаем также, что высвеченное исследованием состояние исторической памяти молодых россиян объясняется не столько их возрастными особенностями, сколько социально-политическими причинами, связанными с социальным статусом, уровнем образования, доступом к информации, характером семьи и др. В вопросах о знании у младших (18-29-летних) групп почти во всех случаях показатели ответов ниже, чем в старших. Кроме того, наблюдается определенный разброс в показателях. Что касается оценочного компонента, ответы во всех группах очень сходны, близки и нередко совпадают (см., например, данные о факторах победы, о роли в войне Рузвельта, Черчилля, Сталина). Появляется подозрение, что а) в изучении истории в учебных заведениях *оценочная* компонента опережает *знаниевую*; б) не исключено, что некоторые показатели «подтянулись» за последнее время в связи с подготовкой к 60-летию Победы активизировавшимися госпропагандой и СМИ. Не смогли назвать ни одного из полководцев Отечественной войны почти треть молодых людей в возрасте от 18 до 24 лет. А ведь это вчерашние и сегодняшние школьники, студенты. Невозможно помнить то, чего не знаешь. Известный всему миру подвиг «Молодой гвардии» не получает «прописки» в сознании молодежи, вместе с исключением произведения А. А. Фадеева из школьной программы и практическим отсутствием в кинопрокате фильма, снятого по мотивам романа. На момент опроса ничего не знают о молодогвардейцах в группе 18 - 24 и 25 - 29 лет 40% и 23%, соответственно, плюс 23% и 21% тех, кто затруднился дать какой-либо ответ по данному вопросу, что равносильно незнанию. Парадоксально, но оценку молодогвардейцам они дают, считая их героями, патриотами Отечества, 31 и 48% соответственно. Кроме того, современные молодые прагматики полагают, что молодогвардейцы были «романтики, не понимавшие, что жизнь – высшая человеческая ценность».

За годы Великой Отечественной войны 11384 воинов удостоены звания Героя Советского Союза. 13 городам, проявившим особые образцы мужества и стойкости в их защите, присвоено почетное звание городов-героев. Герои войны, полководцы – это символы легендарного времени. Через них, как правило, происходит в значительной мере восприятие эпохи,

времен Великой Отечественной войны. Вопрос о том, помнят ли современные россияне полководцев, героев войны, был оставлен открытым. Ответы показали, что 86% опрошенных помнят крупных военачальников военных лет; 70% – Героев Советского Союза того времени. Прочное место в памяти народа принадлежит легендарному полководцу Г.К. Жукову – 80% опрошенных. Хорошо помнят К.К. Рокоссовского (40%), И.С. Конева (23%), Р.Я. Малиновского (9%), А. М. Василевского (6,2%), К.Е. Ворошилова (7%), С.М. Буденного (6%) и др. Из числа Героев Советского Союза были названы Александр Матросов, Александр Покрышкин, Зоя Космодемьянская, Алексей Маресьев, Николай Гастелло, Иван Кожедуб и др.

Одним из главных индикаторов восприятия исторических событий, связанных с Великой Отечественной войной, является оценка роли И. В. Сталина в войне. Почти две трети респондентов оценили ее положительно. Обращает внимание выраженная дифференциация положительных и отрицательных оценок по возрастным группам. Наблюдается постепенное возрастание положительных оценок от 48% в младшей группе (18 - 24 года) до 84% в старшей (60 лет и старше), убывание отрицательных оценок от 19% до 5% в соответствующих группах. Как показывает сравнение данных исследования исторической памяти 2001 и 2003 гг., дифференциация оценки роли Сталина в истории нашей страны по возрастным группам устойчиво сохраняет отмеченную тенденцию. В то же время при оценке роли Сталина в целом в судьбе России количество положительных оценок на порядок ниже – одна треть респондентов по сравнению с двумя третями при оценке его роли в Великой Отечественной войне. Это свидетельствует о том, что в массовом историческом сознании победа советского народа над фашизмом устойчиво связана с именем Сталина, хотя оценка его роли не является безусловно положительной. Так, значительная часть опрошенных (45,4%) в числе основных причин поражений Красной Армии в первые месяцы войны назвали стратегические просчеты Сталина и советского руководства. Этот факт, по всей видимости, влияет на более критический подход к оценке Сталина в истории страны в целом.

В числе военачальников времен Отечественной войны 2,6% ответивших назвали и расстрелянного еще до войны М.Н. Тухачевского. Особенно часто упоминали его респонденты в Москве, Самаре, Свердловске, Татарстане. Встречаются в ответах и другие казусы. Называют героями Великой Отечественной войны участников Гражданской войны, не доживших до 1941 г.: Фрунзе, Котовского, Дзержинского. Встречаются, правда, как единичные, упоминания Кутузова, Суворова, Нахимова, Ушакова – военачальников и флотоводцев, но совсем других войн и времен. И совсем курьезный факт. В числе полководцев назван маршал Градов (вымышленный образ из телевизионного сериала «Московская сага»). В ответах респондентов встречаются и «неточности». Почти 3,0% респондентов думают, что Япония входила в число стран, составлявших ядро *антигитлеровской* коалиции, а 96% не знают и только 4% знают, что Италия состояла в гитлеровской коалиции и была членом ядра этой коалиции, называвшегося «Ось: Берлин – Рим – Токио»; 29% ответивших считают, что Советский Союз в этой войне воевал, прежде всего, против империалистической Японии.

В основе исторической памяти о Великой Отечественной войне лежат знания о ней. В исторической памяти обнаруживаются два компонента: а) собственно знаний, в данном случае исторических знаний, имеющих дело с хронологией, конкретными историческими фактами, событиями, действиями людей – единичных и групповых субъектов, классов, наций, целых народов, стран, государств; закономерностей исторического развития и т.д.; б) оценочный компонент, представляющий спектр оценок конкретных исторических объектов и субъектов действия и самого знания о них, а также суждения по поводу того или иного исторического факта, события, действия. Методика исследования включала вопросы на изучение обоих компонентов, получение данных об уровне знаний исторической конкретики, а также оценок наиболее важных событий войны, характеристик главных субъектов исторического действия, прежде всего, советского народа, Красной Армии, военных деятелей, государственных и негосударственных институтов (школа, семья, церковь, СМИ и др.). Для этого использовались в анкетах и закрытые, и открытые вопросы. Некоторое представление об уров-

не знания главных сражений и битв Отечественной войны дают приводимые ниже результаты исследования

Таблица 2

«Показатели знаний исторических дат крупных военных событий»
(% от числа респондентов)

Варианты	Σ	Возрастные группы (годы)					
		18-24	25-29	30-39	40-49	50-59	60 и старше
Начало Второй мировой войны	44	44	40	45	49	39	44
Битва под Москвой	70	60	57	70	77	79	70
Курская битва	41	37	34	33	46	50	42
Сталинградская битва	65	68	53	62	72	74	63
Прорыв блокады Ленинграда	64	57	51	62	69	74	65
Разгром милитаристской Японии	67	63	55	65	72	73	66

Таблица 3

Источники знаний о событиях Великой Отечественной войны

(% от числа респондентов. Сумма ответов не равна 100%, так как по методике опроса можно было выбрать несколько вариантов)

Варианты	Σ	Возрастные группы (годы)					
		18-24	25-29	30-39	40-49	50-59	60 и старше
Из своего личного опыта	10	3	2	2	2	3	38
Изучал(а) в школе, вузе, в других учебных заведениях	68	78	82	81	72	70	38
Из рассказов родителей, родственников, друзей, знакомых	41	28	21	25	43	63	56
Из семейных «архивов»	10	4	8	9	8	13	17
Из кинофильмов, театральных постановок	58	57	59	61	67	59	46
Из художественной литературы о войне	49	47	43	53	55	58	37
Из средств массовой информации	34	31	35	42	39	36	24
Из посещения музеев, воинских мемориалов	28	25	32	31	36	30	18
Из походов по местам боевой славы	8	7	6	9	11	8	6
Другое	2	3	2	2	1	-	3

Как видно, по 4 пунктам из 6 о событиях Великой Отечественной войны дали верные ответы от 64 до 70% респондентов. Меньше оказалось осведомленных о Курской битве; надо полагать, это связано с тем, что о ней меньше пишут в общероссийской прессе, обходят вниманием телевидение, учебная литература. Вопрос о времени начала второй мировой войны, собравший 44% ответов, оказался в одном фокусе с Великой Отечественной войной, даты начала которых разные. Это сыграло «роковую роль» в ответах.

Фундамент исторической памяти закладывается в учебных заведениях, где изучается история. Здесь учащаяся и студенческая молодежь получает в большей или меньшей мере систематизированные знания по отечественной истории, в том числе и по истории Великой Отечественной войны. Согласно данным исследования, этому источнику исторических знаний принадлежит первое место среди других источников. Так считают 68% респондентов. Причем, наиболее высоко оценили этот источник молодые респонденты из первых трех возрастных групп. Из общего ряда довольно высоких оценок канала получения исторических знаний по всем группам выбивается группа самых старших (38%), для которых школа и вуз остались в далеком прошлом. Поэтому исключительно важно, чтобы постановка историче-

ского образования в учебном процессе вооружала соответствующими знаниями в оптимальном варианте, означающем не только качественное преподавание в рамках учебной программы, но и широкий выход за ее пределы в форме исторических кружков, факультативов, просмотра фильмов, спектаклей по исторической проблематике (фильмы о Великой Отечественной войны 18 - 24-летние любят смотреть: старые – 27%; современные – 15; те и другие – 40%), походы по местам боевой славы, встречи с ветеранами войны и т.д. Как видно из материалов исследования, пробелов в исторических знаниях, как говорят, «выше крыши». Первостепенна роль двух «столпов» – преподавателей и учебников по истории. О несовершенстве учебников по российской истории, написанных за рубежом и соотечественниками под эгидой Сороса, писалось и говорилось немало, но ошибки и недостатки исправляются медленнее, чем совершаются. В настоящей статье отметим лишь один штрих – об альтернативных учебниках. Считаем, что обучать истории по такой методике просто противопоказано. История как наука, оперирующая конкретным историческим материалом, опирающаяся на факты, на принцип историзма, не может служить моде, вкусовщине, произвольному выбору того или другого, излагать историю Великой Отечественной войны на 15 страницах, на 50 или вообще исключить ее из учебника; оценивать по критерию истины или потребности текущей политики. Надо, чтобы в учебных заведениях изучали не историческую мифологию Великой Отечественной войны, а ее подлинную историю.

Для формирования исторического сознания, поддержания, укрепления и обогащения исторической памяти трудно переоценить роль «домашних университетов», семейного воспитания, семейных «архивов», реликвий и атрибутики Великой Отечественной войны. Но среди других источников место этого источника – 8-е, предпоследнее (10%). Заслуживает особого внимания «канал», на котором в огромной мере зиждется историческая память – рассказы родителей, друзей, знакомых, – отмеченный 41% респондентов. Четко просматривается тенденция – сокращение роли этого источника в молодежных возрастных группах. Но ведь именно по этому каналу в семьях, в соседском общении, в коллективных встречах, на посиделках и т.д. наиболее интенсивно функционировала «живая», событийная историческая память. Здесь горячо и эмоционально, подробно, до мелочей и деталей рассказывалось, что было и как было. Как отступали в 41-м и наступали в 44-м по дорогам Смоленщины, про непокоренную Брестскую крепость и оборону Севастополя, как отстояли Москву и устроили немцам Сталинградский «котел», прокладывали «дорогу жизни» в Ленинград и осуществляли прорыв блокады, вели «рельсовую» войну в Белоруссии и форсировали Днепр, бились до последнего солдата за безымянную, но тактически важную высоту, сражались на Курской дуге, как горели танки и земля под Прохоровкой, как боролось партизанское подполье, ковалось в тылу оружие, готовилось снаряжение и хлеб – «Все для фронта, все для победы!» Наконец, как штурмовали Берлин, освобождали Польшу, Румынию, Чехословакию, Венгрию, другие страны Европы. Все это с годами истончается, бледнеет, растворяется во времени, меркнет в живой народной памяти. Расширяется диапазон писаной исторической памяти.

В Великой Отечественной войне с обеих сторон были задействованы самые различные факторы: социально-политические, экономические, военно-технические, стратегические, геополитические, но главным среди них был *человеческий* фактор. Нападая на СССР, фашистская Германия рассчитывала на молниеносную войну, уповая на военно-техническое и экономическое превосходство. Вкупе с фактором неожиданности нападения расчет сработал на начальном этапе войны. Однако в достижении полной победы решающую / определяющую роль сыграл человеческий фактор.

Человеческий фактор – понятие довольно емкое, содержательное, но на войне его вкратце можно свести к качествам таких субъектов, как руководители, лидеры воюющих сторон, полководческая когорта, солдаты, армия в целом. Отечественную войну вел весь советский народ, и определяющую роль сыграли ненависть к фашизму, решимость отстоять свою землю, страну, высокий морально-политический дух, талант полководцев и военачальников, другие качества, которые вызывают законную гордость у ныне живущих поколений. Однако самыми действенными факторами Победы по общему представлению явились *патриотизм* –

63% и героизм – 63%. Примечательно, что показатели у всех групп отличаются незначительно: в «полюсных» группах патриотизм назвали 64% 18 -24-летних и 64% 60-летних и старше; героизм 60 и 61% соответственно. Именно эти качества сыграли определяющую роль в победе над врагом.

Таблица 4

Факторы, сыгравшие определяющую роль в достижении победы над фашизмом
(% от числа респондентов. Сумма ответов не равна 100%, так как по методике опроса можно было выбрать несколько вариантов)

Варианты	Σ	Возрастные группы (годы)					
		18-24	25-29	30-39	40-49	50-59	60 и старше
Ненависть к фашизму	48	37	38	45	50	56	57
Советское воспитание	20	15	19	19	22	18	25
Патриотизм	63	64	56	62	61	67	64
Героизм на фронте и в тылу	63	60	63	63	65	67	61
Открытие союзниками Второго фронта и их материальная помощь	13	16	16	9	9	15	12
Партизанское движение	34	33	40	33	35	33	34
Наличие талантливых полководцев и военачальников	37	32	49	32	39	38	38
Система обороны, созданная Сталиным	7	2	9	6	6	5	12
Огромная территория СССР, суровый климат, бездорожье	24	25	27	26	27	22	16
Другое	2	2	-	2	2	2	1
Затрудняюсь ответить	2	2	2	3	2	1	2

Таблица 5

Вызывает чувство гордости (% от числа ответивших. Сумма ответов не равна 100%, так как по методике опроса можно выбрать несколько вариантов)

Варианты	Σ	Возрастные группы (годы)					
		18-24	25-29	30-39	40-49	50-59	60 и старше
Массовый патриотизм и героизм на фронтах	85	82	82	85	84	85	88
Военное искусство полководцев	29	27	28	26	31	35	27
Перебазирование в кратчайшие сроки сотен оборонных предприятий в восточные районы страны	23	21	21	23	22	29	22
Подвиг тружеников тыла, работавших на заводах, в колхозах, на стройках	60	55	57	55	58	65	68
Другое	2	3	1	2	2	3	1

Идея патриотизма является фундаментальной для понимания по существу всех вопросов, касающихся Великой Отечественной войны, особенно поведения на войне больших групп людей, отдельно взятого индивида. Российский народ патриотичен по своей природе. Однако за последние годы военно-патриотический ген в сознании и поведении граждан России подвергся значительной мутации, его пытаются выдвинуть из исторического сознания россиян. Для этого используются устные выступления известных, мало известных и совсем неизвестных политиков и политиканов, издаются псевдонаучные труды, ведутся исследования, теоретические разработки, создаются фильмы, передачи на радио, ТВ и т.д., и т.п. Общая направленность этих изысков – фальсификация всенародного патриотизма, проявленного в

войне и в послевоенный период восстановления разрушенного хозяйства, доходящая до полного отрицания и откровенного антипатриотизма.

Утверждается, что на фронте и в тылу дух безысходной жертвенности преобладал над патриотизмом, который если и проявлялся, то под действием страха, принуждения, насилия со стороны режима, что нужно различать белый и красный патриотизм, что патриотизм отжил свой век и ныне он устарел и т.д. В этом же ключе обсуждаются вопросы героизма советских людей, приобретшего массовый характер на фронте и в тылу.

Процесс *дегероизации* в стране начался еще в доперестроечный период (анекдоты о Чапаеве, о подлинности молодогвардейского подполья и т.д.). С началом перестройки и рыночных преобразований дегероизаторы, поправ все нравственные нормы и принципы, усилили атаки на ратный и трудовой героизм военных лет. Дегероизация стала одним из направлений фальсификации Великой Отечественной войны. Муслируется тезис о том, что героические поступки на фронте совершали от отчаяния темные, неграмотные люди, оболваненные большевистской пропагандой. Главный тезис: «Кровь и пот войны начисто смывает героизм». Что героизм на фронте был чаще принудительным, считают 5% ответивших, а в каждой из молодежных групп 7%. В настоящее время появился запрос общества на патриотизм – не только, а может не столько на *военный*. Он пока как бы повернут в прошлое – к победе в Великой Отечественной войне, связан с завоеванной победой и представляет гордость за страну, за народ. Нынче не менее важен «мирный патриотизм»: «экономический» (в запросе на отечественную продукцию), «культурный», «космический», «спортивный» и др.

Согласно данным исследования, патриотами считают себя 45%; «Скорее да, чем нет» – 37%; не считают себя таковым – 5% и «Скорее нет, чем да» – 7%; затруднились ответить – 6%. Исследование выявило устойчивость мифа, сотворенного еще геббельсовскими идеологами, что Россию спасли не патриотизм и героизм советского народа, а такие факторы, как огромная территория, «генерал мороз» и другие геополитические факторы. И сегодня этот миф держится в исторической памяти 24% ответивших, что принижает роль героического подвига, совершаемого именно в суровых климатических условиях и на огромной территории.

Наконец, о роли такого человеческого фактора в победе над фашизмом, в оценке респондентов, как лидеры антигитлеровской коалиции – Рузвельт, Черчилль, Сталин

Таблица 6

Оценка роли руководителей антигитлеровской коалиции в победе над фашизмом
(% от числа опрошенных)

Варианты	Оценка роли	Σ	Возрастные группы (годы)					
			18-24	25-29	30-39	40-49	50-59	60 и старше
Рузвельт	Решающая	4	5	3	4	3	5	3
	Значительная	36	35	40	33	35	39	38
	Незначительная	29	27	21	33	34	27	27
	Затрудняюсь ответить	31	34	36	31	29	29	33
Черчилль	Решающая	4	5	3	5	3	5	3
	Значительная	36	39	36	33	36	37	35
	Незначительная	29	23	27	32	33	29	27
	Затрудняюсь ответить	31	33	35	30	28	29	35
Сталин	Решающая	49	40	37	40	49	53	67
	Значительная	27	27	41	31	27	25	21
	Незначительная	10	12	7	13	12	7	4
	Затрудняюсь ответить	14	21	15	17	11	15	8

Как видим, россияне отдали предпочтение «Вождю». Соотношение оценок *решающей роли* в достижении Победы этого «триумvirата» далеко не в пользу Рузвельта (4%) и Черчилля (4%); у Сталина – 49%. Подчеркивая это, надо иметь в виду один нюанс: для Рузвельта

и Черчилля это была Вторая мировая война, для Сталина – Великая Отечественная война, завершить которую не очень спешили помочь его коллеги по антигитлеровской коалиции, открыв второй фронт лишь в июне 1944 г., когда до окончания Отечественной войны оставалось меньше года. Видимо респонденты не забыли этот исторический факт – только 39% из них оценили его положительно.

В освещении истории Великой Отечественной войны имели место две обобщенные оценки – *идеализация и фальсификация* – обе грешившие против истины, хотя причины и нравственно-политические последствия их разные. *Идеализация* проявлялась в годы войны и особенно в первые послевоенные десятилетия. Психическая травма от потерь нуждалась в психологической компенсации, которая могла выразиться только в окружении памяти погибших ореолом героизма, их преданности Родине, всему святому, что с ней связано, в сохранении памяти о них, их светлого образа («Сережка с Малой Бронной и Витька с Моховой...»), сливавшегося в конечном итоге в коллективный образ – народа-героя. Кошунственно было разрушать этот образ. Он историчен. Идеализация не означала замалчивания фактов предательства, измены, дезертирства во время войны, информация о которых вызывала гнев и негодование большинства народа. С начала 1990-х гг. действует кумулятивный эффект накопления негативного отношения к Великой Отечественной войне. Попытки переосмыслить социально-исторический опыт предшествующих поколений повлекли за собой стремление переписать военную историю, сопровождавшееся *фальсификацией* по всем направлениям и аспектам войны. Этому в значительной мере способствовало расширение поля реконструированной памяти и сокращение событийной, «живой» памяти. В развернувшейся фальсификации истории Великой Отечественной войне наиболее уязвимым оказалось *старшее поколение*: ветераны войны – фронтовики и труженики тыла, дети военных и довоенных лет, ровесники Победы, которые переживают вторую за свою жизнь (первой была травма, нанесенная войной) *психологическую травму*. С одной стороны, остается гордость за подвиг всемирно-исторического значения – за победу в великой войне, а с другой – униженное положение двоякого рода: борьба за выживание (материальная депривация) и моральное унижение, откровенное очернение истории войны, ее результатов и поколений «выигравших». В общественное сознание активно продвигаются тезисы по существу провокационного характера: «о выигравших и проигравших в войне»; «нужна ли была Победа такой ценой»; «Россия – нация исторических неудачников» и т.п.

Особенно в этом усердствуют средства массовой информации.

Таблица 7

«Искажается ли история войны 1941 – 1945 гг. в некоторых публикациях в печати, передачах телевидения и радио?» (в % от числа ответивших)

Варианты	Σ	Возрастные группы (годы)					
		18-24	25-29	30-39	40-49	50-59	60 и старше
Да, очень часто	39	37	22	30	37	47	48
Иногда	39	41	45	46	39	37	32
Нет	6	5	6	7	6	3	7
Затруднились ответить	17	17	28	17	17	12	14

В массовом сознании обозначился некий скепсис, ирония в отношении к фронтовикам, труженикам тыла, к их бескорыстию, бессребренничеству, высоко ценимых большей частью общества. На вопрос: «Как Вы оцениваете поколение людей, победивших в Великой Отечественной войне?» 68% респондентов ответили: «Они совершили великий исторический подвиг, плодами которого пользуются наши современники». Вместе с тем, более четверти (27%) опрошенных считают, что это «Поколение победителей, которые не сумели воспользоваться плодами Победы». В целом же отношение большинства респондентов к ветеранам войны – и фронтовикам, и «трудоикам» – позитивное. Дань уважения к ним звучит в ответах на вопрос «О чем Вы вспоминаете, прежде всего, когда думаете о войне?» Ответы «О судьбе

фронтовиков» и «О тружениках тыла» вместе собрали 62%, (по группам в I – 44%; II – 39; III – 47; IV – 62; V – 74; VI – 91%. В представлениях всех групп опрошенных это было героическое поколение, проявившее героизм на фронте и в тылу: так считают 63% респондентов, а в группе 50 - 59 лет – 67%. Им было что защищать, о чем емко сказал поэт Н. Доризо:

Не ресторан, не стойка бара,
 Не магазин и не лабаз.
 Шестая часть земного шара
 Была у каждого из нас!

Они беззаветно любили свою великую Родину (советскую в то время) и не щадя собственной жизни отстаивали ее, воевали за землю русскую, и каждый еще за «малую Родину», за отчий дом, «за родной огонек», за своих близких и любимых. Победа стоила того, чтобы платить столь высокую цену. Страшный бой кровавый шел «не ради славы, ради жизни на земле» (А. Твардовский). Так думают 68% опрошенных; 24% не согласны с этим; 7% затруднились ответить. Участники опроса из всех групп – всего 71% находят, что сегодня о ветеранах войны в нашей стране заботятся недостаточно; 18% оценили заботу о них положительно. Почти половина респондентов согласны с тем, что необходимо в пенсионном обеспечении уравнивать фронтовиков и тружеников тыла. По вопросу о замене ветеранам льгот денежной компенсацией респонденты разделились на три группы:

- 1) к монетизации относится «отрицательно» и «в основном отрицательно» – 43% ответивших, а в группах 50 - 59-летних, 60 и старше - 48% и 46% соответственно;
- 2) те, кто к монетизации относится «положительно» и «в основном положительно» – 35%; 3) затруднившиеся ответить – 25%.

Это о живых. Что касается павших, то исследование показало: память о них меркнет; зарастают травой и бурьяном дороги и тропы к их могилам; предаются забвению имена. Регулярно посещают воинские захоронения лишь 5%, в том числе представители I группы - 2% ответивших и 12% тех, кому 60 и более.

Оживление несколько наступает в День Победы. Об этом сообщили 33% респондентов. Не посещают по разным причинам 52%. Очень низко оценивается состояние воинских захоронений. Следует ли продолжать работу по увековечиванию памяти о Победе в войне и ее участниках, или не стоит ворошить память о делах давно минувших дней, на эти вопросы однозначно «Да, обязательно» сказали 80% самых молодых; 76% группы, следующей за ними; III группы – 81%; IV – 83%; V – 90% и самой старшей – 94%.

Изучение исторической памяти о Великой Отечественной войне убеждает в том, что страна, государство сильны духом народа, единством, сплоченностью на основе идеи, близкой, понятной, достойной того, чтобы пойти за нее «на труд, на праздник и на смерть» (В. Маяковский). СССР победил в войне, прежде всего, потому, что руководство страны, несмотря ни на какие издержки, сумело донести до народа главную и неоспоримую идею о смертельной опасности, нависшей над страной, о том, что речь шла о жизни и смерти страны, государства, а потому *это война народная, справедливая, священная*. В самом начале войны появилась очень своевременная, нужная тогда песня А. Александрова «Священная война» на стихи В. Лебедева-Кумача: «Вставай, страна огромная, вставай на смертный бой...». Песня прозвучала и была воспринята как гимн, как набат, призыв, звавший народ на борьбу с нависшей опасностью. Сегодня, как и в 1941 г., нужна большая идея, близкая и понятная людям, способная овладеть массами, пробудить народную историческую память, стать собственной идеей народа. Великая Отечественная война явилась для народов Советского Союза величайшей трагедией, неизмеримого людского страдания, нечеловеческой жертвенности, но она была и вершиной невиданного взлета человеческого духа, поразившего весь мир. Победа советского народа в этой войне – воплощение мужества, стойкости русского характера, российского менталитета, величия России. Идеология русской победы – непрекращаемая нравственная ценность. Память о Великой Отечественной войне, о Победе, о Народе-Победителе священна!

*С.С. Балабанов, к.соц.н. (Нижегородский отдел ИС РАН, Н. Новгород);
З.Х. Саралиева, д.ист.н. (ННГУ имени Н.И. Лобачевского, Н. Новгород)*

Историческая память о Великой Отечественной войне: поколенческий подход

История Отечества – это не только летописи и архивы, рукописное наследие, памятники культуры, науки и техники, а историческая память индивидов, осознающих свое родство с сотнями предшествующих поколений, активно работающее на самоидентификацию человека с другими соотечественниками. Благодаря историческому сознанию и сохранению в поколениях исторической памяти люди становятся «своими» (а не «чужаками») в своей стране, интегрируются и консолидируются в обществе, несут за него ответственность. История Отечества, усвоенная гражданами как неотъемлемая часть своей жизни, представляет собой мощные скрепы общества, не дающие ему развалиться под действием центробежных сил. «Иваны, не помнящие родства», манкурты, утратившие свое прошлое, не имеют и будущего. Таким образом, прошлое нашей страны, каким бы трудным оно ни было, это общее достояние граждан, а его изучение и сохранение в памяти народной – важнейшая политическая, нравственная, культурная задача. Что касается молодого поколения, то изучение истории своей Родины – необходимое условие формирования гражданственности и исторического сознания. В этом значение истории страны для личности и общества.

Согласно данным ВЦИОМ, в России главным событием отечественной истории XX в., которым сегодня гордится наибольшее количество россиян (87%), является Великая Отечественная война 1941-1945 гг. Мы не властны над прошлым. Историю Великой Отечественной войны как минувшую социальную действительность, события и свершения прошлой общественной жизни людей нельзя изменить и поправить. Но историческое сознание, наши представления, взгляды, оценки, чувства, отношение к тем годам и людям подвержены изменениям и манипулированию. Наша историческая память представляет непрерывный диалог прошлого с настоящим. Меняемся мы, меняются власти, трансформируются представления о прошлом. Перманентное изменение взглядов на историю Отечественной войны связано не только и не столько с открытием новой информации. С интересом наблюдаем, в каком направлении корректируется сегодняшнее освещение этого периода жизни страны, какие персонажи исчезают, какие появляются из небытия, как расставляются акценты при презентации новых архивных данных, под каким углом прочитываются привычные тексты. В этом смысле Россия – страна не только с неопределенным будущим, но и с непредсказуемым прошлым.

Сравнительный анализ исторического сознания нескольких поколений наших современников, сформировавшихся как личности в различные конкретно-исторические периоды, представляет значительный научный интерес и исследовательскую проблему. Эмпирические исследования исторической памяти поколений на примере Великой Отечественной войны как одного из самых выдающихся событий истории Отечества XX в. могут подтвердить или развеять опасения относительно разрыва в преемственности исторической памяти нескольких поколений наших современников.

В канун празднования 60-летия Дня Победы социологи ряда институтов РАН и вузов четырех городов Приволжского федерального округа (Н. Новгорода, Казани, Оренбурга, Самары) провели в январе-феврале 2005 г. опрос населения на тему «Великая Отечественная в памяти поколений». Цель исследования – выявить особенности исторического сознания разных поколений жителей областных центров о Великой Отечественной войне: содержания, характера и объема знаний, избирательности и глубины исторической памяти, своеобразия и единства восприятия и оценок. Опрошено по целевой выборке 1460 человек, от учащихся ПТУ до пенсионеров. Главное внимание уделено молодежи, соответственно, наполненность возрастных когорт выглядела следующим образом: лица в возрасте 16-22 лет – 838 чел.; 40-50 лет – 354 чел.; 60-69 лет – 226 чел.; 80 лет и старше – 42 человека, все они были объединены в три группы – «молодое», «среднее», «старшее».

Мы исходили из нескольких гипотез:

- существует большое различие между поколениями не только в знаниях о Великой войне, но и в интересе к ней. История Великой Отечественной войны не единожды перелицовывалась, что накладывало своеобразный отпечаток на ее видение. Не исключалось, что историческое сознание поколений может отличаться в такой степени, что история страны не одна для всех, а своя у каждого поколения;
- предполагалось, что это – возрастные различия, а каждое поколение более или менее гомогенно, однородно по своим представлениям и оценкам;
- не существует гендерных различий между мнениями мужчин и женщин;
- в сознании старшего поколения сохраняются стереотипы, сложившиеся непосредственно в годы войны и первых послевоенных лет;
- новая информация влияла и влияет на представления о Великой Отечественной войне.

Проведенное исследование в значительной мере развеяло наши опасения относительно разрыва в преемственности исторической памяти ныне живущих поколений о Великой Отечественной войне.

В целом до 80% опрошенных интересуются историей Великой Отечественной войны Советского Союза 1941-1945гг., но молодое поколение несколько в меньшей степени. Среди девушек четверть опрошенных заявила, что им не интересна эта тема. Они реже смотрят фильмы о войне, мало читают книг на эту тему, не обсуждают со сверстниками, потому что «эмоционально тяжело читать и смотреть про горе, насилия, убийства, голод, непомерный труд...» Тем не менее, и стар, и млад, и женщины, и мужчины воспринимают 9 Мая как Великий Праздник. Хотя линия фронта не дошла до территории областей и республик Поволжья, война прошла кровавым колесом по семьям отцов и дедов наших респондентов, оставила след в судьбах и памяти живущих поколений. В семьях каждого третьего из четырех опрошенных родные и близкие родственники воевали на фронте, у каждого второго кто-то был ранен. Каждый третий участник опроса вспоминал, что к их матерям, бабушкам и прабабушкам приходили похоронки, в каждой четвертой семье есть пропавшие без вести. К этому скорбному списку можно добавить годы жизни в оккупации, угон в Германию, пребывание в лагерях смерти, уход из жизни родственников после войны от открывшихся ран, обморожений... Интерес жителей четырех регионов России к истории Великой Отечественной войны проявляется, в частности, в том, что военная тема всплывает в неформальном межличностном общении людей. За последние три месяца по меньшей мере 70% респондентов так или иначе не раз затрагивали эту тему в общении с окружающими людьми.

Самый распространенный источник знаний о войне для всех поколений – художественные фильмы (88%); далее идут информационные программы ТВ, а у учащейся молодежи – уроки истории Отечества (82%). Остаточные знания истории Великой Отечественной войны в школьном и вузовском вариантах «присутствуют» в ответах половины отцов и трети дедов нынешних молодых людей. Увы, в XXI в. уже нельзя надеяться, что система образования даст необходимый минимум знаний по истории войны. По мере удаления от этого события неуклонно сокращается изучение этого периода отечественной истории. Необходимость дать учащимся и студентам адекватное представление о наиболее значимых эпизодах войны конкурирует с невозможностью сохранять с течением времени объем изучаемого материала: таковы жесткие рамки создания и подачи учебных текстов. Например, в учебнике истории СССР под редакцией М.П. Кима, изданном в 1977 г., освещению Великой Отечественной войны отводилось 43% всего объема, а в учебном пособии для общеобразовательных учреждений А.А. Левандовского и Ю.А. Щетинова (5-е издание, 2001 г.), названным в аннотации наиболее совершенным из ныне существующих учебников, интересующему нас периоду уделено 8% объема учебника¹. В числе основных источников знаний о войне у всех поколений фигурируют семейные воспоминания; у молодежи – встречи с ветеранами (52%). Пресса

¹ См.: История СССР. Под ред. члена-корреспондента РАН М.П. Кима, учебник для 10 класса, 1938-1976 г.г. М., 1977. 260 с.; А.А. Левандовский, Ю.А. Щетинов. Россия в XX веке: Учеб. для 10-11 кл. общеобразоват. учреждений. 5-е изд. М., 2001. 368 с.

редко упоминается в анкетах молодых людей в качестве основных источников информации. Характерно, что события военной поры молодые люди обсуждают не со сверстниками, а с собеседниками из поколений отцов и дедов. Различия в основных источниках получения информации о Великой Отечественной войне обуславливают в определенной степени объем и содержание знаний, степень их достоверности, характер оценок событий и персонажей военных лет.

Около трети анкеты составляли вопросы на знание некоторых фактов и событий военных лет.

Таблица 1

Доля респондентов, правильно указавших две и более фамилий деятелей военных лет, песен, фильмов, книг о войне
(% по группам опрошенных)

Номинации	Учащиеся					Работающие			Пенс
	Шк	ПТУ	Тех	Гум	Техн	Рук	Спец	Раб	
Маршалы СССР военных лет	34	15	18	37	54	84	79	61	66
Немецкие командующие	13	1	2	13	13	39	42	27	28
Советские партизаны и разведчики	8	6	1	6	4	32	28	26	27
Советские летчики	7	-	3	6	7	50	45	42	39
Конструкторы военной техники	12	5	4	11	20	62	51	35	36
Писатели-военные корреспонденты	5	4	4	5	10	28	31	28	20
Артисты военных лет	12	1	3	7	4	38	57	43	60
Песни военных лет	24	18	17	23	31	58	57	47	47
Любимые фильмы	10	8	9	7	8	13	12	4	15
Любимые книги	6	3	3	3	5	7	12	9	10

Сокращения: Шк – учащиеся 11-х классов; ПТУ – учащиеся профтехучилищ; Тех – учащиеся средних специальных заведений; Гум – студенты социогуманитарных специальностей вузов; Техн – студенты технических и естественнонаучных специальностей; Рук – руководители всех уровней и предприниматели; Спец – учителя, врачи, инженеры, техники, ученые; Раб – рабочие; Пенс – пенсионеры

Что касается учащейся молодежи, то их информированность вызвала, мягко говоря, некоторое разочарование. Самым слабым звеном по уровню информированности в опрошенном контингенте оказались учащиеся профтехучилищ, примерно такой же уровень демонстрируют учащиеся техникумов и других средних специальных учебных заведений. Лишь по количеству упомянутых книг и фильмов о войне они стоят рядом со своими сверстниками из 11-х классов общеобразовательных школ, которые, в свою очередь, по знанию истории Отечества находятся на одном уровне со студентами вузов, а по ряду позиций опережают их. Это неожиданный результат, не делающий чести студентам.

В одной из гипотез предполагалось, что студенты-гуманитарии покажут лучшие знания в данной области, чем студенты-«технари» и «естественники». Это предположение не подтвердилось. Гендерная асимметрия среди студентов спутала все карты. Среди гуманитариев преобладают девушки, которые, как было показано выше, в меньшей степени интересуются историей Великой Отечественной войны, тогда как среди студентов-естественников и «технарей» преобладают лица мужского пола. Эта избирательность исторической памяти мужчин и женщин определила конечные результаты тестирования в студенческой среде.

Среди работающего населения лучшие знания ВОВ показали руководители разного уровня и предприниматели (в их числе большинство мужчин – любителей и знатоков истории войны). На втором месте – специалисты (как правило, с высшим образованием), далее рабочие. Пенсионеры показали себя одной из наиболее информированных групп населения, обнаружив хороший уровень исторической памяти о данном периоде отечественной истории. Среднее и старшее поколения подтвердили явное превосходство над своими детьми и внуками в знании основных персонажей военного периода отечественной истории. Этот результат не стоит воспринимать как осуждающий приговор нынешнему поколению молодых

людей. Историческое сознание младшего поколения находится в стадии становления, интенсивно пополняется новым содержанием, углубляется, приходит в систему, и со временем, надо полагать, по многим показателям догонит нынешнее поколение отцов.

Каких именно героев, согласно исследования, чтит и помнит страна? Какие фильмы о войне живут в памяти поколений? Имеет ли историческая память поколений общее поле?

Итак, знает ли страна своих полководцев? В целом, да, и достаточно хорошо. Бесспорный лидером общественного мнения по частоте упоминания у всех поколений является маршал Г.К. Жуков; в непосредственной близости по рейтингу маршал К.К. Рокоссовский, затем маршал И.С. Конев. Другие маршалы упоминаются в несколько раз реже.

Узнаваемость немецких командующих в памяти населения связана не с их победами, а преимущественно с их поражениями. Яркий пример – фельдмаршал Паулюс. (Не хотим знать и вспоминать тех, кто бил нас, но хорошо помним, кого громили наши войска). В представлениях о военных деятелях германского Вермахта чувствуется влияние на историческую память молодежи телесериала «Семнадцать мгновений весны». Учащиеся пытаются поставить в ряд командующих зав. партийной канцелярией Бормана и шефа гестапо Мюллера, министра пропаганды Геббельса.

Встречаются и анекдотические казусы. В число командующих немецкой армии записаны маршал Блюхер, Багратион, Рузвельт. Александра Матросова провели чуть ли не по всем номинациям (он и партизан, и летчик, и писатель, и конструктор военной техники...). На вопрос: «Сколько, примерно, советских солдат повторили подвиг А. Матросова?» – две трети молодежи, половина лиц среднего возраста и 45% пожилых не представляют порядок цифр (в прежних учебниках называлось более 200). Школьники 11-х классов часто задают контрольный вопрос: «А кто это? Что за подвиг он совершил?»

В молодежной среде запредельно высокий рейтинг у Зои Космодемьянской, действовавшей в тылу врага и воспетой в поэме М. Алигер. Учащиеся и студенты всех городов будто сговорились и дружно называли свою сверстницу, отдавшую жизнь за Родину. Присутствие остальных героев войны в тылу врага и в памяти народной связаны не только с их боевыми заслугами и проявленным мужеством, но и с увековечением их памяти в книгах, кинофильмах, песнях. Не стоит ждать от общественного мнения признания, адекватного заслугам героев перед Отечеством. Талантливый PR может преувеличить наши представления об их роли в Великой Отечественной войне и удлинить срок жизни в памяти народной. Надежными хранителями памяти о героях войны являются названные их именами города и села, улицы, школы, дома культуры, библиотеки. Такого рода «подсказки» более надежны для народной памяти, и их можно только приветствовать.

В ряду трех десятков советских летчиков, перечисленных в анкетах, имена трижды героев Советского Союза А. Покрышкина и И. Кожедуба открывают рейтинги известности во всех поколениях. Здесь общественное признание совпадает с официальным признанием. Массовая ошибка всех поколений, особенно молодого, – включение в число лучших летчиков-истребителей Отечественной войны В.П.Чкалова, погибшего в 1939 г., русского летчика П.Нестерова, погибшего при первом в мире воздушном таране в 1914 г.

Среди создателей военной техники в памяти трех поколений живут преимущественно одни и те же авиаконструкторы. Традиция называть созданные ими самолеты именами главных конструкторов способствует сохранению их имен в историческом сознании.

С началом войны многие писатели стали фронтовыми корреспондентами и вели художественную летопись войны. В верхних строках рейтингов одни и те же известные всем поколениям имена писателей. Данное обстоятельство свидетельствует о единстве исторической памяти современников разного возраста. Автор «Моабитских тетрадей» Муса Джалиль, который не был военным корреспондентом, введен в число лидеров среди писателей-военных корреспондентов массовым признанием молодежью Казани.

Ощущают ли наши современники дыхание военной поры? Представляют ли состояние духа на фронте и в тылу? На основе материалов исследования на эти вопросы можно дать утвердительный ответ.

Рейтинги популярных артистов, песен, кинофильмов, книг о войне

Номинация	Поколения		
	Молодое	Среднее	Старшее
Артисты военных лет	К. Шульженко М. Бернес Л. Орлова Д. Шостакович	К. Шульженко Л. Русланова М. Бернес Л. Утесов	К. Шульженко Л. Русланова Л. Утесов М. Бернес
Песни военных лет	Катюша Синий платочек Священная война Смуглянка-молдаванка Темная ночь	Катюша Синий платочек Смуглянка-молдаванка Священная война Темная ночь	Катюша Синий платочек Священная война Землянка Темная ночь
Кинофильмы о войне	А зори здесь тихие В бой идут одни старики 17 мгновений весны Звезда	В бой идут одни старики А зори здесь тихие Освобождение 17 мгновений весны	В бой идут одни старики А зори здесь тихие 17 мгновений весны Они сражались за Родину
Любимые / известные книги о войне	Б. Васильев. А зори здесь тихие А. Твардовский. Василий Теркин А. Фадеев. Молодая гвардия К.Симонов. Живые и мертвые	Б. Васильев. А зори здесь тихие К. Симонов. Живые и мертвые М. Шолохов. Судьба человека Г.Жуков. Воспоминания и размышления	А. Фадеев. Молодая гвардия Г. Жуков. Воспоминания и размышления Б. Полевой. Повесть о настоящем человеке К.Симонов. Живые и мертвые

Пока поются песни военных лет, продолжают показываться фильмы военной поры и создаются новые на ту же тему, стоят на книжных полках школьных и домашних библиотек книги про Великую Отечественную войну, память о ней будет сохраняться в будущих поколениях.

Лучшие песни, созданные перед войной и во время войны, пережили своих создателей и исполнителей, поются до сих пор не только на концертах, посвященных праздничным датам. Знаменитая «Катюша» и «Священная война» стали символами военных лет, лирические песни «Синий платочек», «Смуглянка–молдаванка», «Землянка», «Темная ночь» и некоторые другие выдержали испытание временем. Ленинградская симфония Д.Д. Шостаковича в памяти половины опрошенных тесно связана с местом и временем ее создания и первого исполнения в осажденном городе. Полагаем, что лучшим произведениям искусства, созданным в годы войны, и в дальнейшем предстоит долгая жизнь.

Поразительно единство выбора и признания респондентами всех поколений четырех городов кинофильмов о Великой Отечественной войне. «В бой идут одни старики», «А зори здесь тихие» вызвали одинаковый резонанс в памяти всех молодых людей, их отцов и дедов. Заметно и то, что в молодежное сознание входят иные кинофильмы о войне 1941-1945 гг. («Курсанты», «Штрафбат и др.), которые редко упоминаются и неоднозначно воспринимаются старшим поколением, считающим эти картины недостаточно правдивыми. Можно пожалеть, что ряд фильмов о войне выдающихся режиссеров, собравших награды на международных кинофестивалях, хотя и упомянуты в анкетах, но не вошли в «десятку» по числу упоминаний.

Одним из показателей единства и преемственности исторического сознания разных поколений являются представления о том, благодаря чему Советскому Союзу удалось победить в этой тяжелой и кровавой войне.

Таблица 3

Оценка значимости факторов Великой Победы тремя поколениями
(Доля оценок «4» и «5» по пятибалльной шкале, в %)

Факторы	Поколения		
	Молодое	Среднее	Старшее
Патриотизм и героизм советских людей	98	99	98
Военное искусство советских полководцев	88	83	86
Единство партии и народа	63	65	79
Географические и климатические условия СССР	57	61	65
Превосходство советской военной техники	48	55	66
Руководящая роль ВКП (б)	34	51	64
Поддержка власти православной церковью	28	24	23
Гений генералиссимуса Сталина	24	25	45
Помощь союзников	32	19	24
Божья воля	52	45	47

Заметно, что полное совпадение оценок поколений вызвал фактор патриотизма и героизма советских людей. Практически 100% опрошенных представителей молодого, среднего и старшего возраста назвали данный фактор наиважнейшим и определяющим. Абсолютное большинство современников разного возраста гордятся полководцами, полагая, что их военное искусство также в решающей степени обеспечило верх над немецко-фашистскими захватчиками. Географические и суровые по сравнению с Европой климатические условия сыграли свою роль. Проигрывая в первые месяцы войны пространство, Советский Союз выигрывал время, чтобы оправиться от первых ударов и собрать силы для отражения агрессора. Вспомним, что Гитлер собирался закончить военную кампанию на Востоке до зимы. Повидимому, у него были проблемы и с зимним обмундированием для солдат, и с военной техникой, не подготовленной к боевым действиям в зимних условиях.

Младшее поколение заметно отличается от старших в оценке руководящей и направляющей роли ВКП(б) как факторе победы. Сегодня деятельность коммунистов во время войны в СМИ практически не освещается, более того, фальсифицируется. Между тем мы имеем дело с реальностью истории – нравится это кому-то или нет. За годы войны почти три миллиона коммунистов отдали свою жизнь во имя Победы, в процентном отношении больше, чем беспартийные. С утверждением «коммунисты первыми поднимались в атаку, последними покидали поле боя» полностью согласны три четверти поколения отцов и дедов, тогда как среди молодежи всего 36%; 23% такое суждение считают «пропагандой»; но наибольшее число молодых (41%) затруднились ответить. Можно сказать в этом пункте молодежь – основная жертва дезинформации и манипуляции историческим сознанием.

Среди старшего поколения многие респонденты (45%) считают, что СССР победил благодаря гениальности генералиссимуса И.В. Сталина. Эту точку зрения разделяет заметно меньшее число опрошенных молодых людей и среднего поколения (всего четвертая часть). Весьма интересна для анализа и размышления оценка политики И.В. Сталина в отношении Германии в предвоенные годы: «отрицательно» – 43% «молодых»; 55% – из среднего поколения; 41% – «старшего» и затруднились с оценкой соответственно 37%; 31%; 30%.

Вспоминая и пропуская через разум и сердце историю Великой войны и Великой Победы, респонденты обязательно сталкиваются с вопросом, а могли бы ныне живущие поколения, современная Россия и Российская армия выдержать такое испытание? Сегодня кажется невероятным, как можно было не дрогнуть, выстоять и победить. История не знает сослагательного наклонения. Тем не менее, позволительно провести мысленный эксперимент и перенести респондентов из 2005 в год 1941-й. Полторы тысячи жителей городов Приволжского

федерального округа попытались ответить на очень непростой вопрос: «Как Вы считаете, победила бы *сейчас* наша страна в *такой* войне?»

Таблица 4

Распределение ответов на вопрос «Победила бы сейчас наша страна в такой войне?»
(в % по группам)

Варианты ответов	Молодое		Среднее		Старшее		Ветераны	
	Муж	Жен	Муж	Жен	Муж	Жен	Муж	Жен
Да	50	28	35	28	28	29	32	32
Нет	27	43	31	38	48	39	32	37

Примерно третья часть так и не смогла сказать твердое «да» или «нет». Ответы представителей различных гендерных и возрастных когорт показали изрядный скептицизм женской части в молодом и среднем поколениях относительно нынешнего поколения мужчин как защитников Родины. Каждый второй будущий защитник Отечества утвердительно отвечает на этот вопрос, тогда как остальные мужчины не столь оптимистичны: только треть, оценивая (со своей «колокольни») состояние Российской Армии, морально-политическое состояние поляризованного российского общества, дееспособность и авторитет власти и другие необходимые условия победы, выражают уверенность в благополучном исходе заданной проективной ситуации. У старшего поколения (без ветеранов) ответы на данный вопрос противоположны ответам их внуков. Пожалуй, это самый яркий пример разногласий мужской части двух поколений в оценках. Что касается женщин всех поколений, то всего 28-32% из них, независимо от возраста, отвечают на поставленный вопрос утвердительно и в среднем 40% – отрицательно. Невольно на память приходят слова поэта, которые представительницы прекрасного пола по природе своей чувствуют сильнее и глубже: «Да, были люди в наше время, Не то, что нынешнее племя! Богатыри – не вы!»

Такие несправедливые оценки наших респондентов лежат в общем русле общественного мнения россиян о состоянии современного российского общества. Но не все так плохо. Русь всегда славилась тем, что в критические моменты истории страны находила в себе неведомые ей самой силы, объединялась в единое целое против общего врага и побеждала. Так было и так будет! Поэтические строки, с одной стороны, упрек нынешнему поколению (на этот раз поколение – все население России начала XXI в.) в слабости духа. Но эти же слова – не что иное, как дань памяти военному поколению, богатырям, спасшим 60 лет назад народы СССР и Европы от коричневой чумы; удивление и восхищение их мужеством, отвагой, самоотверженностью, патриотизмом.

Результаты зондажа исторической памяти трех поколений жителей четырех городов Приволжского федерального округа позволяют сделать вывод о том, что история Великой Отечественной войны в принципиальных вопросах едина для младшего, среднего и старшего поколений населения нашей Родины, героическое прошлое которой и сегодня «работает» на консолидацию современного российского общества, на связь и преемственность поколений.

А.А. Бодалев, д.псих.н. (РАО, Москва)

Феномен нравственности и гражданственности

Для настоящего и будущего России предельно важно, чтобы нравственность и гражданственность в их наиболее действенном проявлении стали доминирующим стержнем в личной структуре каждого человека. Тема человека – нашего современника, нравственная составляющая в его личностно-субъектной структуре, особенности, отличающие его совесть от совести человека, пик развития которого, как гражданина в его личностных и субъектных проявлениях, пришелся на период Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. и послевоенный подъем страны. В те годы с содержательным наполнением основного постулата нравственности было просто: нравственно все, что в поступках и деяниях человека – нашего соотечественника работает на поражение врага, вознамерившегося уничтожить советское государ-

ство, а также то, что в его поступках и деяниях способствует укреплению и развитию Родины. И, соответственно, человеком с чистой совестью оказывался тот, кто постоянно думал и действовал в интересах нашего государства и его народа.

И в настоящее время истиной, не требующей доказательств, должно оставаться положение, что нравственно то, что, соответствуя убеждениям наших сограждан, воплощается в их повседневном поведении, в делах, последствиями которых является благополучие нашего государства и его народа во всех его основных характеристиках – экономической, политической, национальной, правовой, культурной, связанной со здоровьем и образованием всех слоев населения, внешней и внутренней безопасностью страны, ее экологией и демографической обстановкой в ней. И, соответственно, претензий к совести того или иного гражданина нашего Отечества ни у кого не должно возникать, если он как индивид, как личность и как субъект со всеми своими возрастными, гендерными, этническими и профессиональными особенностями, занимая конкретную индивидуальную нишу в организме нашего государства и общества, результатами своей жизнедеятельности обеспечивает либо в вещной, либо в духовной форме сохранение и приумножение названных выше ценностных характеристик человека.

Очевидно, в идеале так должно было обстоять дело и с нравственностью, и с совестью в нашей теперешней российской действительности. Но поскольку главными идолами в ней, рожденными изменениями, произошедшими в стране, стали деньги и неразрывно связанные с ними частная собственность и потребительская психология, в нравственности и в совести многих наших сограждан произошли кардинальные изменения. Для той части наших соотечественников, в сознании которых деньги и их приумножение любыми средствами заняли доминирующее место и возвысились над такими ценностями, как благо Родины, другие люди, сохранение планеты Земля – нравственным стало все, что лично для них обеспечивает накопление этих денег или рост того, что является их эквивалентом. И при таком варианте развития человека как личности и как субъекта его нравственность становится псевдонравственностью и соответственно изменяется и его совесть.

Совесть – способность человека осуществлять нравственный самоконтроль, самостоятельно определять для себя нравственные обязанности и требовать от себя их выполнения, а также постоянно производить оценку совершенным поступкам и деяниям с целью установления соответствия их тем нравственным правилам, которые стали для человека не подвергающейся сомнению единственной нормой.

У людей псевдонравственных (точнее, безнравственных) совесть оказывается либо извращенной, либо начисто отсутствует. И такие люди, утрачивая духовность, становятся циниками. Таких людей, обуреваемых жадностью наживы, ищущих и находящих лазейки для своих махинаций в несовершенных законах, готовых ради дальнейшего обогащения на предательство, ни во что не ставящих жизнь и честь своих конкурентов, в теперешней России появилось немало. Они выступают в облике политиков, лицемерно радеющих за благополучие народа, хозяйственников, умиляющих психологически близорукую часть населения простотой поведения и доступностью для граждан, предпринимателей, пытающихся убедить легковверных, что они пошли в бизнес, чтобы укреплять финансовые устои государства. Масок у таких безнравственных и, соответственно, бессовестных циников, которыми они пытаются прикрыть истинные цели своего жизнестроительства, изобретено немало. Эти делегационники могут выступать и в роли губернаторов, представлять органы правопорядка, энергетику страны, сферы образования, здравоохранения и еще во многих других. Это мы познаем на множестве фактов, которые постоянно преподносят нам жизнь.

Конечно, в таком огромном социуме, каким является Россия, присутствует категория граждан, которых по результатам анализа содержательных характеристик, как их нравственности, так и их совести, следует отнести к маргиналам. В личностно-субъектной структуре их на субъективном уровне ставшие их собственными, подлинными ценностями жизни и культуры в континууме норм, на которые они ориентируются в своем поведении, в определенных ситуациях устойчиво и однозначно выполняют роль мотиваторов их поступков и деяний.

Вместе с тем, присутствующие в том же континууме псевдоценности, тоже в определенных ситуациях активно иницируют, говоря образно, владельцев этих псевдоценностей к поведению, не носящему нравственного характера. И совесть у такого типа наших сограждан проявляется очень своеобразно. Голос ее начинает «звучать» для них, и они на самом деле переживают угрызения совести, когда совершают поступки или осуществляют деяния, противоречащие усвоенным ими действительным нравственным ценностям. И она молчит, когда их действия вызываются тоже усвоенными ими, по мере накопления жизненного опыта, псевдоценностями, то есть она не проявляется, когда они ведут себя фактически безнравственно.

Маргиналов, поклоняющихся, образно говоря, в своем повседневном поведении в одних жизненных ситуациях Богу, олицетворяющему подлинную нравственность, а в других ситуациях – Идолу – выразителю безнравственности, и, соответственно, явно обнаруживающих совесть в первом случае и демонстрирующих ее полное отсутствие во втором, немало. Наблюдения красноречиво свидетельствуют об этом. Но Россия – страна с многовековыми патристическими традициями, страна, для которой всегда был характерен менталитет соборности, коллективизма в поддержании и приумножении основных ценностей жизни и культуры. И большая часть наших сограждан, даже та, которая вынуждена выживать, а не жить, испытывая элементарную материальную необеспеченность, продолжает настойчиво вбирать в свой духовный мир все лучшее, что есть в отечественной и мировой культуре, понимаемой в широком смысле, и, соответственно выработанным в ней высоким эталонам мыслить, переживать и действовать и в сфере гражданской, и в сфере профессиональной, и в сфере семейно-бытовой. Естественно эти наши сограждане во всех областях своего бытия живут и творят только по законам высокой нравственности, и совесть для них – это действительный нравственный самоконтроль, она постоянно дает о себе знать и на рациональном уровне – в форме осознания нравственного значения совершаемых действий, так и в форме эмоциональных переживаний в зависимости от оценивания этих действий – чувства исполненного долга или, наоборот, угрызения совести.

Для всех нас впечатляющими примерами такого типа россиян – наших современников – является горстка псковских воинов-десантников, не пропустивших пытавшихся прорваться через ущелье на равнину несколько тысяч чеченских боевиков. Не менее блистательный образец нравственности продемонстрировали все без исключения российские воины, когда для подавления «грузинского блицкрига», не сомневаясь, пошли в бой и не дали спровоцировать современный мировой военный пожар. За это мы в неоплаченном долгу перед погибшими миротворцами: Героем России Псковской десантной дивизии, старшим лейтенантом Алексеем Пуцыкиным и его товарищами, Героем России, заместителем командира полка по воспитательной работе, майором Денисом Ветчиновым, отдавшим свою жизнь, спасая жизнь других людей. В эту когорту входит и доктор Рошаль, бесстрашно идущий туда, где мирным людям, захваченным террористами, грозит смерть... К этой когорте высоконравственных наших современников, людей с чистой совестью относится и академик Алферов, пожертвовавший свою Нобелевскую премию на развитие науки. Это перечисление высоконравственных и совестливых наших соотечественников можно продолжать и дальше. Их бесконечно много у нас на Руси. Они – и среди тех, кто управляет нашим государством, и тех, кто работает в местном самоуправлении, и кто поднимает нашу промышленность и сельское хозяйство, и кто пытается сохранить высокую планку в области образования и науки, и тех, кто занят усилением оборонной мощи и укреплением правопорядка, и тех, кто борется с проникновением пошлости и бездуховности в сферу искусства. И сейчас первоочередной задачей общества, культивируемого в нем социального образования является сплочение всех нравственно здоровых граждан нашей страны, всех, у кого пепел погибших за ее свободу и независимость, за ее экономическую и оборонную самодостаточность стучит, образно говоря, в сердце.

Хотелось бы подчеркнуть, что нравственность человека, прежде всего воплощается в его гражданственности. Когда имеется в виду гражданственность, то при этом предполагается принадлежность человека или группы людей к населению какого-либо государства; созна-

ваемая ими возможность пользоваться всеми правами гражданина, обеспеченными законами этого государства, конкретный уровень сформированности у них актуальных гражданских качеств, а также степень готовности каждым из них исполнять гражданские обязанности, служить государству, гражданам своей страны, заботиться об общественном благе и благополучии государства. Видимо, если человек готов и действительно способен отдать свою жизнь во благо своему Отечеству, если он в повседневном своем труде проявляет себя как созидатель – творец воплощаемых в материальную или духовную формы «продуктов», приумножающих достояние народа, если он открыто восстает против тех, кто поднимает руку на это достояние; если он, не корысти ради, оказывает помощь нуждающимся соотечественникам независимо от их возраста, пола, профессии, этнической принадлежности, религиозных представлений; или, если он проявляет ответственность и заботу в отношении своей семьи; постоянно сознательно стремится расти как профессионал в главном для него виде деятельности – можно утверждать, что гражданственность такому человеку определено присуща. Но возникает вопрос о психологических характеристиках этого много-сложного субъектно-личностного качества гражданственности, которое у одних людей может иметь очень протяженный континуум проявлений, у других, этот континуум может быть, наоборот, очень локально коротким.

Социальное образование одним из своих приоритетов выдвигает задачу по формированию гармонично развитой личности, которой присущи высокие социально ценностные нравственные принципы и позиции. Своеобразно дает о себе знать и личностно-деятельностная природа этого качества. Гражданственность, если она у человека сформирована, инициируют чаще всего ситуации, участником которых он оказывается. При этом для разных людей ситуации, вызывающие проявление качества гражданственности, могут совершенно не совпадать. Объясняя случаи несхожести проявления гражданственности у разных людей, не обойтись без использования понятий социального интеллекта, его частного проявления – эмоционального интеллекта, о котором много сейчас пишут, и феноменов ценностей и отношений. Из всего сказанного выше становится очевидным, что качество гражданственности теснейшим образом сопрягается с нравственностью и совестью людей, если под нравственностью понимать интегральное психическое образование, представленное в сознании, самосознании и подсознании человека, а также в его эмоциональной и волевой сферах, проявляющееся у него как устойчивая потребность и постоянная способность выстраивать свое поведение во всех областях жизнедеятельности в соответствии с общечеловеческими ценностями. В избранной трактовке гражданственности, нравственности и их взаимосвязи совесть выступает как способность личности осуществлять нравственный самоконтроль, самостоятельно формулировать для себя по своей сути нравственные цели планируемых поступков и деяний, требовать от себя их выполнения и затем оценивать сделанное, опять же придерживаясь нравственных критериев.

Проблема полноценного проявления гражданственности и формирование ее стоит предельно остро. В годы после развала прежней государственной, экономической, политической, законодательной, идеологической и других систем был фактически утрачен коллективный порыв народов, результатом которого было превращение СССР в великую индустриальную державу, победа в Великой Отечественной войне, послевоенное восстановление, первенство в освоении космоса и другие эпохальные достижения. И совершенно очевидно, формирование гражданственности у наших соотечественников в теперешних очень непростых условиях должно носить системный характер и осуществляться комплексно, подчиненной решению этой задачи деятельностью многих официальных и неофициальных, государственных и общественных структур. Представляется, что высшая власть страны должна, наконец, четко определить программу развития страны, содержательно, конкретно и гласно обозначив, что предполагается осуществить и, конечно, показать, как это должно сказаться на общекультурной и гражданской составляющих типичных представителей нашего народа. Нарочито не очерняя и не лакируя прошлое, на фактах проявления гражданственности в длинной цепочке поколений россиян, в том числе и поколения, стоящего сейчас у своего физиче-

ского финиша, надо развивать это интегральное качество, совершенно необходимое для достижения настоящего благополучия нашей страны, у нашей молодежи. При этом надо помнить, что каждое новое поколение вбирает в себя опыт предыдущего путем освоения достижений культуры и цивилизации, воплощаемых в материальных и духовно-нравственных свершениях. Для настоящего и будущего России предельно важно, чтобы нравственность и гражданственность в их наиболее действенном проявлении стали доминирующим стержнем в личностной структуре каждого человека. А такого результата не будет, если наше государство и общество не проявят на всех уровнях их активности хорошо скоординированных коллективных усилий во имя и во благо конкретного человека.

А.М. Бойков., д.филол.н. (Дагестанский НЦ РАН, Махачкала)

Русский национализм: этносоциальные истоки, виды и причины роста

Русский национализм как общественно-политическое течение родился в начале XX в. как стихийная реакция этносоциума на приближающееся крушение Российской империи, которое в русской этноистории стало катастрофой цивилизационного уровня. Русская духовность включала полиэтнические принципы соборности и державности, бывшие векторами государственного строительства издревле. На закате Российской империи, а в дальнейшем в трансформированном виде в СССР (пролетарский интернационализм, дружба народов, новая историческая общность – советский человек), они более чем наглядно показали свою неработоспособность и, главное, отсутствие всякой перспективы национального саморазвития для их носителя – русского этноса в условиях многонационального государства. Исторические принципы соборности и державности, как и характерный для русских вообще мировоззренческий полиэтнизм, развились из территориального принципа формирования русских (славянских) общин. Антиподом ему являлся родоплеменной принцип общинности, принятый у практически всех народов, окружавших русских и проживавших на будущей территории российского государства. Таким образом, в этническом стереотипе русских исторически сформировались этносоциальная слабость, этническая уступчивость и неагрессивность в области межэтнических взаимоотношений по сравнению с националистическими устремлениями целого ряда малых народов России, которые в этом отношении были явными антиподами русских. Русские ощущали себя сильным этносом лишь во внешних войнах, при этом защищая не столько себя, сколько государство-державу и другие народы России. Однако это не приносило русским этнических дивидендов. В силу несовместимости базовых принципов общинности у русских и нерусских полиэтнические принципы соборности и державности в империи Романовых принималась как жизненный императив только русским народом. Нерусские народы его лишь декларировали, а их этнические элиты беззастенчиво эксплуатировали эти принципы в своих интересах, сами им не следуя в силу этнических и конфессиональных традиций.

Из изложенного очевидно, что русский национализм не мог изначально развиваться с преобладанием этнократической тенденции, хотя бы в силу исторической инерции русского общества. Развитие идеологии русского национализма в социокультурной динамике было противоречивым и медленным. Во многом это было вызвано тем, что русский этносоциум унаследовал неконкурентноспособное в межэтнических взаимоотношениях пассивное мировоззрение, что выразилось в слабо развитом национальном самосознании. Ростки активных его форм, как ответ на негативные для русских этносоциальные реалии, этнос способен прочно усвоить только в ходе естественной смены поколений.

Русский этнос на рубеже XX в., будучи имперским (государствообразующим), не был в России этническим большинством, составляя только 43% населения. Собственно русская часть многонациональной правящей элиты империи в своей государственной практике исповедовала надэтническую имперскую идеологию. Ее обусловили принципы соборности и державности, иллюзорность которых в роли полиэтнической скрепы народов империи была охарактеризована выше. В силу русской государственнической традиции собирания земель и

народов, сформировавшейся в феодальной стране, политика русских Царей, характеризовалась не истреблением или принижением, но поощрением этнических элит на основе, как минимум, сословного уравнивания их с русским дворянством.

В советский период политика национально-социального угнетения русского народа на фоне наделения привилегиями нерусских народов была продолжена партийно-государственной элитой СССР. Но ущемление русских в советское время осуществлялось уже не по этническому, а по территориальному принципу, т.е. опосредованно под фиговым листком формального равенства всех национальностей. В СССР в худшем положении находились советские граждане, проживавшие в РСФСР, где русские составляли подавляющее большинство. Фактически же русские платили наивысшие в СССР налоги, ущемлялись территориально, имели наименьшие возможности в получении высшего образования, ученых степеней и званий и, во многом *поэтому, не смогли создать* вплоть до настоящего времени свою этническую элиту.

Причем в аспекте территориального ущемления русских характерной является беспринципная избирательность по отношению к проклятому тоталитарному прошлому в наши дни. Либерально-демократический режим провозгласил полный отказ от всего советского наследия и предал анафеме в официозных СМИ и, в том числе, лучшие социальные завоевания и народный патриотизм, как таковой. Но режим оставил незыблемыми и вне критики административные границы национально-территориальных субъектов. Да еще возвел их вместе с русскими этническими территориями в Конституции РФ в ранг государств, хотя и в скобках. Между тем, хорошо известно, что в советское время в эти субъекты искусственно включили исконно-русские этнические земли, произвольно оторвав русское население вместе с территорией от своей этнической целостности. Для России имеет смысл выделить *два характерных типа национализма*. Один тип национализма может дополняться и чертами другого.

Первый тип – это этнонационализм, который в полиэтническом социуме получил государственное оформление в виде федерации, приводит к этнократии элит титульных этносов в субъектах федерации. Этнонационализм, выросший из племенного этноцентризма в силу родоплеменного принципа формирования общинности у большинства нерусских народов России, естественно и логично развился в настоящее время в этнократию титульных этнических элит в национальных республиках и округах России. Этнонационализм развивался в неявном виде в национально-территориальных субъектах Союза ССР и РСФСР уже с момента их образования (этнократия – власть одного этноса – в многонациональной республике сродни расизму, фашизму). У русских этнонационализм, как идеология национального движения, не существовал ранее никогда вплоть до самого последнего времени. Характерно, что даже идеология русских фашистов в Манчжурии в 1930-х гг. опиралась на принцип соборности и идеал общероссийской нации. Эта идеология относилась к типу национализма как фактора развития. Ответом на этнократическую политику нерусских титульных элит со стороны активного творческого меньшинства русского этноса может быть только развитие альтернативного мировоззрения в виде русского национализма с тенденцией к радикализации.

Второй тип – национализм как фактор развития, в рамках которого формируется государство-нация с более или менее выраженным приоритетом национальных духовных ценностей. Этот тип национализма в России никогда не существовал в чистом виде, в качестве государственной идеологии. Можно говорить лишь об отдельных его компонентах в виде государственного патриотизма времен Российской империи или рухнувшей вместе с крушением СССР идеологии КПСС относительно слияния всех народов страны в новую историческую общность советского человека.

Современный либерально-демократический режим ограничивается государственно-патриотической риторикой, которая является изначально непоследовательной и неосуществимой уже в силу приверженности режима идее глобализации. Втягивание России в глобализацию на практике имеет одной из своих целей, как и в остальном мире, стирание наций как таковых вместе с государственными суверенитетами отдельных стран. Кроме того, второй тип русского национализма, не говоря уже о первом, требует безусловной опоры на русскую

этносоциокультуру в качестве духовных и культурных основ государство образующей нации. В реальности в настоящее время в России усилиями официозных СМИ и вкупе с политикой государства русская культура и духовность, мягко говоря, принижаются, а если выражаться откровенно, стираются. И если та часть активного творческого меньшинства русского этноса, которая сейчас ищет пути реализации национализма как фактора развития в конституционных рамках, в частности, парламентской деятельности, не найдет возможностей для легальной борьбы за осуществление своего идеала, то она начнет дрейфовать в сторону радикализации своей идеологии. На этом пути она неизбежно придет к этнонационализму.

Одна из главных причин роста национализма у русских состоит в том, что правящий режим, декларирующий свою приверженность либерал-демократии, в своей практической политике нарушил вопиющим образом по отношению к русскому народу одну из базисных ценностей либеральной доктрины - принцип этнического равенства. Это демонстрирует сознательную избирательность режима в применении этого принципа в условиях полиэтнического социума России, что обернулось на практике этносоциальным неравенством русских. Таким образом, либерализм в России в этой части стал на позиции своего идеологического антипода – фашизма; русские в России, фактически, оказались в положении низшей расы, которой де-факто отказано в возможности развивать свою национальную культуру и даже сохранять этническую идентичность. Одновременно подавляющая часть русского социума оказалась оттесненной на нижнюю ступеньку социальной лестницы, оставшись при режиме либералов, как и во времена советского строя, наиболее эксплуатируемой его частью. Вследствие этого русские стали единственным этносом России, вошедшим в состояние демографической катастрофы. Русскую молодежь государство (находящееся под контролем малого народа) рассматривает в роли главного поставщика пушечного мяса во всех локальных войнах и конфликтах, на всех чужих границах в странах СНГ, а во внутренней социально-экономической политике откровенно игнорирует особенности русской национальной традиции и этносоциокультуры. При том, что русские по сей день составляют этническое большинство России. Отказавшись на практике от либерального базового принципа этнического равенства по отношению к русским, правящий либерально-демократический режим автоматически сполз в колею идеологической преемственности, взяв де-факто на вооружение надэтническую (советскую) идеологию. Эта идеология, несмотря на либеральную риторику режима, выразилась в политике предоставления льгот и привилегиях для нерусских народов и ущемления русского.

В.Э. Бойков д.ф.н. (РАГС, Москва)

Состояние и проблемы формирования исторической памяти россиян¹

Историческая память составляет одну из основ осознания человеком своего «Я» в семейной родословной и в истории своего народа, понимания нашего «Мы» в национальной и культурной общности страны, а также в рамках общечеловеческой цивилизации. Ее роль особенно актуальна в формировании патриотического отношения граждан страны к своему Отечеству в настоящее время, когда в российском обществе происходит трансформация духовных ценностей, социальных институтов и нравственных регуляторов поведения, когда формируется новая политическая система общества и преобразуются отношения между гражданами и государством.

¹ Исследование проведено в июне 2001 г. Социологическим центром РАГС в 26 субъектах РФ. Выборочная совокупность опрошенных объемом 2401 человек формировалась по многоступенчатой квотной выборке с вероятностным отбором респондентов на завершающем этапе ее реализации. Она репрезентирует этнический состав российского населения, его территориальное размещение, соотношение жителей разных типов поселений, социально-профессиональные и демографические группы людей в возрасте 18 лет и старше. Некоторые данные указанного опроса сопоставлены с результатами исследований прошлых лет, осуществленных по аналогичной методике.

В этой связи обратимся к материалам социологического исследования, посвященного этой проблеме.

Отношение населения к историческим достижениям, событиям и личностям

В памяти людей аккумулируются представления о героических событиях отечественной истории, о выдающихся деятелях и ярких достижениях страны. Эти представления играют роль ценностных ориентиров, способствуют укреплению гражданского самосознания и патриотизма. Но память хранит и картины бесславных войн, кровавых репрессий, социальных невзгод, повлекших большие нравственные, человеческие и материальные утраты. Эти ее феномены, напротив, могут рождать у людей отрицательные эмоции, вызывать отчужденное отношение к стране и государству.

С учетом отмеченного, в исследовании изучались оба эти аспекта. А именно: опрошенным были заданы вопросы о том, *какими достижениями в истории России, по их мнению, можно гордиться и какие события прошлого вызывают у них чувства горечи и стыда*. В обоих случаях респонденты формулировали свои ответы без подсказок социологов.

Таблица 1

Распределение представлений о символах гордости и об отрицательных событиях в отечественной истории (в % от количества опрошенных)

Символы гордости	%	Отрицательные события	%
Развитие космонавтики	33	Война в Чечне	21
Победа над фашизмом	23	Сталинские репрессии	14
Научные достижения	16	Горбачевская перестройка	13
Культура и искусство	14	Война в Афганистане	9
Создание военной техники	7	Развал СССР	7

Полученную картину дополняют следующие факты: 78% опрошенных полагают, что Россия оказала значительное влияние на мировое развитие в области науки; 71% – отметили ее большой вклад в прогресс человечества в области культуры (поэзии, музыки, живописи и др.); 45% – считают, что видное место нашей страны в мире обусловлено ее военной мощью, которая была достигнута в советский период истории. Судя по этим данным, историческую *гордость у многих граждан вызывают прежде всего достижения в сфере отечественной науки и техники, культуры и искусства, а также успехи в военной области, определяющие ее высокий статус в мире*. Что касается отрицательных представлений об историческом прошлом, то они в основном связаны с политическими событиями, ослабившими, по оценкам опрошенных, страну и государство.

В полном соответствии с этой логикой восприятия отечественной истории абсолютное большинство населения отметило выдающуюся роль в ней таких неординарных представителей отечественной мысли, как Менделеев (93% опрошенных), Пушкин (92%), Ломоносов (90%), Циолковский (85%), Лев Толстой (84%), Королев (79%) и многих других, а также талантливых военачальников – Суворова (85%), Жукова (81%) и т.д. Их колоссальную роль в развитии России одинаково высоко оценивают представители разных демографических групп, территориальных и национальных общностей. Значение данных символов трудно переоценить в формировании уважительного отношения российских граждан к истории своего Отечества.

Отмеченные акценты исторической памяти населения, как представляется, недостаточно полно учтены в государственной программе «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2001-2005 годы», принятой федеральным правительством 16 февраля 2001 г. В формировании патриотизма важно более активно опираться на традиции, созданные предшествующими поколениями в духовной сфере общества.

История России в отличие от многих других стран изобилует социальными и политическими реформами. В этой связи опрошенным было предложено оценить наиболее значимые из них с точки зрения их влияния на развитие России.

Таблица 2

Рейтинг реформ в исторической памяти людей (в % от количества опрошенных)

Реформы	Ускорили прогресс	Не имели значения	Задержали развитие	Трудно сказать
Реформы Петра I	86	1	1	12
Отмена крепостного права	70	8	2	20
Октябрьская революция	34	7	30	29
Перестройка, начатая М.С. Горбачевым	21	10	41	28
Реформы 1990-х гг., начатые Б.Н. Ельциным	15	11	45	29

Обратим внимание на устойчивость некоторых оценок. В аналогичном исследовании исторического сознания российского населения в мае 1990 г. (объем выборки – 2196 человек) отметили прогрессивное значение Петровских реформ 72%, периода Октябрьской революции – 50% опрошенных.

Несмотря на множество исторических мифов, прогрессивность Петровских реформ в памяти людей ассоциируется с развитием образования, науки, промышленности, градостроительства, с укреплением российской государственности и т.д. Аналогично в памяти о длительном периоде истории нашей страны после 1917 г. фигурируют, наряду с ужасами террора и репрессий, всеобщее образование, развитие науки и культуры, создание индустриальной мощи страны, победа над фашизмом, зарождение и развитие космонавтики и многие другие достижения подлинно исторического масштаба. Стало быть, даже при скудости исторических знаний именно практические результаты коренных социальных реформ (в том числе в плане соответствия этих результатов общенациональным интересам прогресса) определяют их восприятие в исторической памяти народа.

Игнорирование и тем более противодействие этому проявлению исторической памяти в информационной политике, в системе образования и воспитания контрпродуктивно, так как противоречит доминирующим настроениям в обществе и их объективной исторической основе. В пользу этого вывода говорит и тот факт, что 53% опрошенного населения отрицательно оценили демонтаж памятников советского периода страны. Восприятие исторических эпох массовым сознанием традиционно сопряжено с личностями, которые в эти времена находились у государственного штурвала. Поэтому опрошенным было предложено оценить роль ряда исторических деятелей в судьбе России.

По полученным данным, наш народ наиболее высоко оценивает роль Петра I. По общему мнению 90% респондентов, он оказал огромное влияние на формирование государственности России, на ее превращение в великую мировую державу. По данным упомянутого исследования в 1990 г., дань уважения Петру I отдали 74% опрошенных. Иначе выглядит картина исторических представлений опрошенных о лидерах государства, руководивших страной в советский и постсоветский периоды ее истории.

Рис.1. Соотношение положительных и отрицательных оценок Ленина, Сталина, Горбачева и Ельцина в судьбе страны (в %)

Рассматривая эти оценки, следует учитывать, что для видения подлинной глубины процессов последнего столетия и их реальных последствий наши современники более пристрастны, чем в оценке исторических символов предыдущих веков. И – тем не менее – реальное проявление массовых представлений о лидерах государства в его новейшей истории заслуживает рассмотрения, ибо эти представления составляют ценностную и социально-психологическую основу отношения людей к нынешним событиям в жизни общества.

Из четырех бывших лидеров государства, результаты оценок которых представлены выше, только в отношении к *Ленину* количество положительных суждений о его роли в истории общества и государства преобладают над количеством отрицательных. Заметим также, что соотношение позитивных и негативных оценок его деятельности совпадает с распределением представлений опрошенных об историческом значении Октябрьской революции в развитии страны. Но, говоря об образе Ленина и его детища – революции, следует обратить внимание на два других немаловажных обстоятельства. Во-первых, сопоставление приведенных данных с материалами опроса 1990 г. показывает, что за последнее десятилетие облик Ленина и значение Октябрьской революции в качестве локомотива истории в историческом восприятии существенно померкли. Во-вторых, среди представителей ряда категорий населения (молодежи, людей с высшим образованием, занятых предпринимательской деятельностью и др.) преобладающим стало отрицательное отношение и к Ленину, и к революции. Констатация неоднозначного отношения населения к Ленину как идеологу коммунизма и первопродвину в строительстве социализма имеет смысл вовсе не с точки зрения ревизии исторического ранга его деятельности. Существенно другое – соответствует ли связанная с ним социальная память доминирующим в обществе установкам социального развития страны? Едва ли, так как, по данным многочисленных социологических опросов, подавляющее большинство населения не желает возврата к советской модели общественного устройства. Кроме этого, при всем уважении значительной части людей к Ленину, он запечатлен в массовом сознании только в качестве положительного образа, но не как идеологический символ борьбы за социальные права на базе большевистской идеологии.

В оценке исторической роли *Сталина* негативные оценки фиксируются чаще положительных. Но сравнение материалов исследований разных лет показывает, что его авторитет в исторической памяти народа возрастает: в 1990 г. высоко оценили его историческую роль 6% опрошенных, а в 2001 г. – 33%. Это объясняется главным образом уважительным отношением населения, особенно старших возрастных групп, к героике периода Великой Отечественной войны.

Если сравнивать отношение разных категорий населения к Сталину, Брежневу, Горбачеву и Ельцину, то наблюдается отчетливая зависимость – чем ниже уровень образования опрошенных, тем больше доля положительных оценок заслуг перед Отечеством Сталина и Брежнева и, наоборот, – отрицательных оценок исторического рейтинга Горбачева и Ельцина. Аналогичны тенденции в восприятии результатов деятельности указанных руководителей страны наблюдаются в разных возрастных группах и территориальных общностях: представители старших поколений и сельского населения чаще почитают Сталина и Брежнева, а молодежь и жители крупных городов более лояльно оценивают Горбачева и Ельцина.

Эти и другие социологические данные дают веские основания для следующего вывода. События политической истории последнего столетия и их персонификация в лице руководителей государства запечатлелись в исторической памяти народа преимущественно в негативном изображении в отличие от достижений науки и техники, литературы и искусства, выдающиеся представители которых являются патриотическим ориентиром.

Патриотические чувства в исторической памяти

Историческая память, являясь интеллектуальным и эмоциональным отражением событий минувших веков, обращена вместе с этим к опыту текущей жизни и будущему народа, страны и государства. Именно поэтому в совокупности представлений, оценок, настроений и других форм проявления общественной психики, связанных с восприятием отечественной и мировой истории, наблюдается широкое многообразие суждений. Это выражается, в частно-

сти, в различиях понимания исторического прошлого представителей разных социальных категорий населения.

Совокупность социологических материалов показывает две тенденции. Одна тенденция выражается в относительно большей приверженности традиционному российскому патриотизму представителей старших возрастных групп населения. Другая тенденция состоит в относительно большей склонности образованной части населения к положительному восприятию жизненных стандартов, проникающих из-за рубежа. Обе тенденции находят отражение в различиях оценок ментальных качеств русского народа, исторического прошлого страны, перспектив России, в эмиграционных настроениях и т.д.

Таблица 3

Доли положительных оценок исторически обоснованных характеристик русского народа в разных возрастных группах (В %% от количества опрошенных в каждой группе)

Характеристики русского народа	Σ	Возрастные группы (годы)		
		18-24	40-49	50-59
Народ-освободитель	79	74	80	79
Созидатель великой культуры	78	78	78	81
Народ-строитель	69	64	70	72
Защитник народов	64	61	66	65
Технически передовой народ	51	47	48	51
Народ-коллективист	48	43	48	51
Высоконравственный народ	45	39	46	42

Возрастные группы от 25 до 29 лет и от 30 до 39 лет занимают промежуточные позиции между более молодыми и старшими респондентами. Наиболее высока доля позитивных оценок всех характеристик русского народа в группе респондентов, достигших 60 и более лет.

Особый интерес представляет национальная и гражданская самоидентификация молодежи, проявляющаяся в суждениях о русском народе, о статусе российского государства на международной арене и т.д. В принципе, расхождения в доле положительных оценок различных ментальных качеств русского народа в разных возрастных группах невелики. Тем не менее, среди молодых людей относительно меньше количество высоких оценок созидательного и нравственного потенциала русского народа. Главное же состоит в расхождении представлений, с одной стороны, о великом культурном наследии и, с другой – о недостаточном нравственном потенциале народа. Скорее всего, культура ассоциируется в сознании людей с элитным духовным производством и его гениями, а уровень нравственности оценивается на основе практики повседневной жизни. И в этом состоит одна из реальных проблем современного этапа развития нашего общества, суть которой в том, что «большая» культура вытесняется из духовной жизни на периферию эрзацами массовой культуры.

Обращает на себя внимание и то, что на протяжении многих лет сохраняется предрасположенность значительной части наших граждан к эмиграции из России. Причем это стремление выражают не только представители науки, искусства, спорта и других категорий населения, рассчитывающих на улучшение возможностей для достойной работы, получения заработной платы, удовлетворения творческих амбиций и т.д.

Таблица 4

Распространенность эмиграционных настроений (в % от количества опрошенных)

Варианты	1990 г.	1993 г.	1998 г.	2001 г.
Не имеют желания уезжать в другую страну	71	72	67	68
Хотели бы уехать в другую страну на постоянное место жительства или временно	19	15	23	21
Затруднились ответить	10	13	10	11

Объемы общероссийской выборки опрошенных в исследованиях 1993 и 1998 гг. составляли 2400 респондентов.

Эмиграционные настроения обусловлены экономическими, социальными и многими другими проблемами жизнеобеспечения населения. В какой-то мере их иллюстрируют следующие данные исследования, проведенного в декабре 2001 г. (опрошены 2400 человек): 61% респондентов крайне низко оценили степень своей защищенности от возможных экономических потрясений; 75% – считают что их социальное положение в обществе хуже, чем должно быть по их представлениям; 65% – постоянно опасаются стать жертвами преступлений.

При этом, чем моложе возрастная группа опрошенных, тем чаще у ее представителей выражено стремление временно или даже навсегда перебраться в другую страну

Таблица 5

Эмиграционные настроения в разных возрастных группах

Варианты	Σ	Возрастные группы (годы)		
		18-24	30-39	50-59
Предпочитаю жить в России даже при плохом развитии событий	65	52	62	73
Хочу временно уехать и собираюсь это сделать	7	16	7	4
Хочу навсегда уехать и собираюсь это сделать	2	3	2	1
Хотел бы эмигрировать, но нет возможности	13	12	15	13
Затруднились ответить	13	17	14	9

Выявление разнородных исторических представлений в массовом сознании необходимо для их учета в формировании патриотического отношения населения к стране и государству, в усилении воспитательного воздействия культуры, искусства, образования, средств массовой информации в этом процессе. А проблема достаточно актуальна. Ее острота в значительной мере обусловлена искажением норм русского языка, его засорением иноязычным жаргоном. Как свидетельствуют данные, не критическое отношение к отечественной языковой среде наблюдается чаще у молодых людей.

Таблица 6

Отношение к широкому использованию иностранных слов в печати, радио- и телепередачах в разных возрастных группах

Характеристики русского народа	Σ	Возрастные группы (годы)		
		18-24	30-39	50-59
Очень положительное и положительное	16	28	15	12
Безразличное	32	38	41	24
Очень отрицательное и отрицательное	45	27	37	57
Затруднились определить	7	7	7	7

Прежде системе формирования патриотизма народа была подчинена мощная и скоординированная система образования, книгоиздательства, кино, учреждений культуры – библиотек, театров, музеев и т.д. Сейчас речь идет не об идеологическом содержании, а об организационной и финансовой основе этой системы. Она позволяла достаточно эффективно решать задачи культурного тиражирования и иной поддержки важнейших направлений духовного производства. Ныне условия совершенно иные. Произошло разгосударствление СМИ, культуры и в значительной степени образования. Уменьшились не только объемы финансирования учреждений и организаций сферы духовной жизни, но и ухудшились возможности влияния государства на развитие духовных и нравственных ресурсов общества.

При снижении уровня духовного производства и определенной утрате нормативного контроля над его содержанием оказалась ослабленной традиционная для нашего общества просветительская роль прессы, литературы и искусства. Теперь неясно, кто преимущественно и в каком направлении выполняет «пастырскую» миссию утверждения ценностных ориентиров жизни и нормативно-практических регуляторов поведения.

Для иллюстрации ситуации упомянем такие факты. В настоящее время в России количество изданий на один миллион населения находится на уровне 1913 г., а русская дореволю-

ционная классика составляет в общем объеме выпуска художественной литературы за год около 12% по названиям и 6% – по тиражам. Не будем забывать и о том, что цена книг в настоящее время такова, что их приобретение доступно далеко не каждой семье. Отсюда следует вывод: в решении задач формирования исторического сознания необходимо искать новые подходы, соответствующие нынешним реалиям.

В качестве резюме уместно заметить, что радикальные изменения, происходящие сейчас во всех областях жизни российского общества, накладывают существенный отпечаток на наше восприятие событий прошлого. В этих условиях исключительно важное значение приобретает бережное отношение к тем ценностям, которые составляют основу менталитета российского народа.

С.Е. Вершинин, д.филос.н. (РГППУ, Екатеринбург)

Неодновременность образа Родины

Одной из объективных тенденций процесса трансформации российского постсоветского общества является возрастание социальной (экономической, политической, культурной, идеологической и пр.) неоднородности. Эта неоднородность может быть конкретизирована как *неодновременность функционирования и развития различных социальных институтов, групп, индивидов*. Неодновременность¹ как асинхронность и несовременность функционирования и развития определенных социальных групп, культур, отдельных индивидов друг относительно друга является фундаментальным свойством социальной жизни любого общества. Неодновременны течение и события внутренней и внешней жизни молодых людей и стариков, мужчин и женщин. Неодновременны различные религиозные традиции, обладающие своими системами летоисчисления, специфическими культурами и ритуалами². Неодновременны различные общества и культуры, сосуществующие в рамках какой-либо исторической эпохи.

Неодновременность как *несовременность* тех или иных социальных институтов и групп друг относительно друга свойственна не только мировой или региональной истории, но и любому обществу, находящемуся в процессе модернизации. Неодновременность проявляется в сохранении определенных способов производства, политических и культурных традиций, типов мировосприятия и мировоззрения, не совпадающих (опережающих или отстающих) с другими способами производства, другими типами политического и культурного поведения и мышления, доминирующими в данном обществе. Неодновременны крестьяне с их ориентацией на календарное время, связанное с сельскохозяйственными работами, по отношению к рабочим и служащим больших промышленных городов, живущими совсем в ином социальном и личном времени. Неодновременным являлось существование дворянства, духовенства, подпольных предпринимателей в социалистическом обществе, приобретших, однако, в постсоветском социуме статус наиболее современных. В нынешних условиях, напротив, неодновременно существование различных социальных слоев, потерявших прежние источники дохода и высокий социальный статус. В этой связи политические партии, призывающие вернуться назад, являются наиболее явными выразителями неодновременности. Но и партии, зовущие вперед, тоже в определенной степени являются неодновременными. Однако степень их расхождения с господствующими ценностями является не столь радикальной, как в первом случае. Мы говорим в данном случае только об институциализированных политических

¹ Мы используем термин «неодновременность», опираясь на концепцию неодновременности, разработанную в трудах известного немецкого мыслителя Э. Блоха (Bloch E. Erbechaft dieser Zeit. Frankfurt a/M., 1985. S.45-207). Термин «неодновременность» является более динамичным (по сравнению с понятиями «культурный круг», «социальная неоднородность», «неравномерность экономического и политического развития») и более синтетическим, ибо дает характеристику как объективных социальных процессов, так и форм их восприятия индивидами и группами, т.е. внутренних аспектов социального взаимодействия. Таким образом, этот термин позволяет зафиксировать некое объективное положение дел, определенным образом переживаемое индивидами и группами индивидов.

² См.: Гофф Ж. ле. Цивилизация средневекового Запада. М., 1992. С.124-184; Иорданский В.Б. Хаос и гармония. М., 1982. С.82-96; Ткаченко Г.А. Космос, музыка, ритуал. М., 1990. С.91-104.

организациях. Когда же речь идет о внепарламентских формах политического и культурного протеста, различных религиозных движениях и сектах, то в них, в соответствии с провозглашенными ценностями может существовать совсем иное социальное (культурное, идеологическое, политическое) время. Тогда весь спектр социальных движений предстает в виде совокупности линейных временных траекторий, по которым движутся, переживая их, участники этих движений. Эти траектории могут пересекаться, могут быть противоположны по направлению, параллельны и т.д. Таково, например, позитивное или негативное переживание истории в ожидании политической революции, переживание последствий какой-либо войны и т.п. Непрерывающиеся интерпретации индивидами и группами действий других индивидов как «отсталых», «идущих в ногу со временем», «несвоевременных», «забегających вперед»¹ и т.п. свидетельствуют о постоянном присутствии проблематики неодновременности в социальной жизни.

Очевидно, что неодновременность в своих объективных и субъективных формах должна иметь некоторые границы, в которых она может существовать и развиваться. *Неконтролируемая неодновременность*, получающая мощный толчок во времена социальных кризисов, может привести к потере социальных связей, разрушению социального порядка и взаимодействия. Поэтому она всегда уравнивается, сопровождается, взаимодействует с другой тенденцией – *одновременностью*.

Одним из основных условий эффективного функционирования и развития любого общества как целостной системы является определенная степень координации и кооперации составляющих его социальных институтов, групп и индивидов. Одновременность означает не только констатацию факта сосуществования новых и старых социальных структур в данном настоящем, но и императив ориентации, настроенности на господствующую иерархию экономических, политических, культурных ценностей, мотиваций деятельности, этических норм. Проблема достижения социальной одновременности в аспекте социального управления выступает как проблема синхронизации действий различных социальных субъектов. Синхронизация выражается, в частности, в определении неких темпа и ритма социальной жизни. Это достигается с помощью самых разнообразных механизмов – от экономического и политического регулирования, идеологического манипулирования, технологий социализации и образования до моды и традиций *повседневного* быта. Применение тех или иных механизмов диктуется как национальной культурной традицией, так и степенью несовпадения способов и ритмов групповой жизни, приобретающего в конкретных исторических условиях антагонистический или неантагонистический характер.

Так, например, происходившие в недавней советской истории процессы индустриализации, электрификации, радиофикации являлись синхронизацией образа и ритма жизни, социального и личного времени всех индивидов, социальных групп, регионов и республик. *Борьба за господство во времени и над временем* стала приметой социальной советской истории. Власть над временем означала и власть над общественным и индивидуальным сознанием. Часы на Спасской башне Московского Кремля в качестве Главных Часов страны стали символом и камертоном всей общественной жизни. Наступление Нового года, открытие партийных съездов, военных парадов удостоверялось и освящалось боем этих часов². Одновременность, олицетворявшаяся этими часами, не только носила ритуальный характер, но и выступала мощным средством социальной терапии, смягчающим болезненные последствия многочисленных социальных изменений.

Доминирующие нормы и образцы социальной деятельности задают или создают определенную последовательность событий: например, при направленности из прошлого в будущее – от момента рождения некоего пророка, свершения значимого события (победы в войне, на

¹ Политическая жизнь российского общества полна такими эпитетами, раздаваемыми по каждому поводу.

² Такое положение сохраняется и до сих пор. Пока определенные политические, культурные, временные символы, характеризующие относительную независимость и самостоятельность регионов, не будут найдены, изобретены, внедрены в общественное сознание, главный камертон российского общества будет задавать определенные ритмы и последовательности.

выборах, провозглашения политической независимости); при направленности из будущего в прошлое – от ожидаемого изменения мира: катастрофы, Страшного Суда в теологическом или мирском варианте и т.д. События датируются по определенным правилам, а их значимость определяется в соответствии с господствующими в данном обществе (социальной группе, регионе, властвующей элите) ценностями. В одной культуре традиции это могут быть конфликты и войны, стихийные бедствия, неурожаи, пресечение очередного заговора неких вражеских сил, а другой – прорывы в технологии, пуски очередных промышленных и торговых предприятий, успехи в накоплении или распределении личного и общественного (государственного, регионального, корпоративного) богатства.

Исторических вариантов может быть сколь угодно много, но их суть состоит в том, что разные способы и критерии датировки социального и исторического времени приводят к возникновению различных образов прошлого и будущего, с которыми идентифицируются и в которых живут различные индивиды и группы. При этом различные образы прошлого и будущего определяют характер переживания и сознания настоящего, которое, собственно, и является *неодновременным по отношению к другим настоящим, переживаемым и создаваемым другими индивидами*. Солидарность и возможность социального взаимодействия возникает при определенной степени тождества сознания «теперь», «современности», «сегодня».

То, что в данный момент индивид сознает и помнит, что для него является актуальным и значимым, те задачи, решением которых занята какая-либо социальная группа или политическая организация, – все это предопределяет возникновение *особого временного ряда*¹. Так, например, борьба региональной элиты за поднятие экономического и политического статуса своего региона и вовлечение в этот процесс все большего числа людей и структур приводит к возникновению и укоренению в массовом сознании жителей региона своего особого – *регионального* – времени. Такое время окрашено прежде всего в политические тона, так как его

¹ Неодновременность настоящего может иметь множество характеристик, определяющих в кризисные времена степень децентрализации социальных систем и групп. Одной из них является определенная мера соотношения, с одной стороны, сознания и запоминания, с другой – забывания. Следует особо подчеркнуть, что не только историческая память, но и забывание является сущностной чертой любого социально-исторического процесса, характеризующей последний с точки зрения прерывности, перехода в новое качество. Забывание как неповторение определенной информации, стирание её из коллективной и индивидуальной памяти, наложение (интерференция) и модификация определенных интерпретаций (см.: *Lexicon der Psychologie*. Bd.1. 1991. S.677-678) свойственно не только индивидуальному сознанию, но и политической жизни, социальной истории и т.д. Забывание – вместе с воспоминанием – является необходимым условием группового и личного тождества. Воспоминание об определенном событии, напоминание об определенной системе ценностей, доминирующей в данном обществе или группе, означает одновременно забывание других событий и ценностей. Культура исторической памяти неразрывно связана с культурой исторического забывания. В контексте советской истории это означало, например, что воспоминание об Октябрьской революции 1917 г. исключало память об Иисусе Христе, краткий курс ВКП(б) – жития святых и т.д. Построение определенной иерархии планомерно и ритуально повторяющихся воспоминаний обеспечивает определенную синхронность массового сознания. При этом в периоды общественных кризисов эта синхронность нарушается, а различные меры соотношения воспоминания и забывания оказываются в центре политической борьбы. Любая социальная революция есть осуществление воли к забыванию. Забывание становится необходимым условием строительства нового общества. Тем самым добровольное или принудительное забывание является фактором как личного выживания, так и социальной интеграции. Нерывные зигзаги политической линии компартии в советское время приучили мыслить одновременно и забывать сегодня то, что еще вчера следовало помнить. Такая долгая тренировка политического сознания не прошла бесследно и, в конечном счете, обернулась против ее организаторов. В целом можно предположить, что в модернизаторских движениях, даже независимо от желания их идеологов, забыванию придется большее значение нежели в консервативных. Это подтверждается историей попыток модернизации всего общества, так и его отдельных сфер. Не стали исключением и времена перестройки. Расширение исторической памяти с одновременной критической переработкой прошлого сопровождалось активным забыванием советских традиций в тех слоях населения, которые успешно адаптировались к условиям рыночного хозяйства. И, напротив, эти традиции культивируются внутри тех групп, которые находятся в самоизоляции по отношению к развивающимся общественным процессам. Тем самым, относительная синхронность массовых воспоминаний и забываний, которая была присуща советскому обществу, оказывается расколотой на ряд разнонаправленных сегментов. Эта децентрализованная разнонаправленность – при отсутствии терпимости по отношению к неодновременности – способствует дистанцированию отдельных индивидов и социальных групп друг от друга.

направленность, темп и ритм определяются политическими стратегиями и успехами или неудачами в осуществлении этих стратегий. Наряду с *политическим региональным временем* существует *ряд других времен*, связанных с наличием самостоятельной *культурной, экономической истории*, особенностей геополитического положения региона, города, области. Однако политическое время региона связывает все их воедино, становясь в определенной степени опосредующим звеном вместо абсолютно главенствовавшего прежде «московского времени».

Отметим, наконец, еще одно важное обстоятельство, связанное с признанием факта неодновременности социальной жизни: *синхронное сосуществование различных объективно и субъективно не одновременных тенденций* означает, что в социальной жизни как целого государства, так и составляющих его регионов присутствует некая объективная провокативность. Возникающее в результате социальных контактов взаимодействие одних индивидов, групп, культур с другими вызывает ощущение, а затем и определенную интерпретацию объективно существующей *социальной дистанции*, связанной с разным пониманием и переживанием настоящего. Эта интерпретация может приобретать самые различные формы, в том числе представление одних участников или наблюдателей взаимодействия *о провокационности поведения* (идей, желаний) других участников. В данном случае речь идет не о произвольном или конъюнктурном приписывании друг другу определенных мотиваций с целью разрешения той или иной политической, идеологической ситуации в свою пользу, но о своеобразной социально-культурной интерпретации групповым и индивидуальным сознанием факта несовпадения ритмов социальной жизни. Тогда *феномен провокации* теряет свой волюнтаристски политизированный, демонический характер и превращается в атрибут любого межгруппового и межкультурного взаимодействия¹. Возвращение этому термину его первоначального смысла (лат. *provocatio* – вызов) позволяет представить процесс развития или совокупность социальных изменений как непрерывное объективное провоцирование одних социальных субъектов другими.

Общей же задачей всех политических сил остается признание *феномена одновременной неодновременности*, а также *права любого индивида и группы в рамках гражданского общества на неодновременность существования и развития*. Это же относится и к неодновременности сосуществования и центра и регионов. Тогда децентрализация становится необходимым выражением объективной социально-исторической ситуации неодновременности, подавлявшейся в советском обществе и ставшей очевидной в постсоветском.

Следствие такой ситуации является децентрализация общественного и индивидуального сознания и только затем уже определенных политических действий. На наш взгляд, анализ тенденции децентрализации возможен через исследование тех ключевых символических образований, где ошибка одновременности и неодновременности проявляется особенно отчетливо. Одним из таких напряженных пересечений является понятие «Родина».

Понятие «Родина» – чрезвычайно емкий и синтетический образ, объединяющий в себе самые различные компоненты – экономические, политические, идеологические, эстетические, эмоциональные. Традиционные определения Родины и Отечества основывались, скорее, на пространственном признаке: «Отечество – данная политическая, социальная и культурная среда, в которой живет и трудится народ»². Другие определения Родины см.: Макаров В.В. Отечество и патриотизм: логико-методологический анализ. Саратов. 1988. Более

¹ Трактовка феномена провокации в советской литературе был выдержан в традиционно алармистском тоне. В зарубежной литературе этот феномен характеризуется более нейтрально: «Провоцировать – вызывать, раздражать .. а) сделать так, что другой чувствует себя задетым и соответствующим образом реагирует... б) делать так, чтобы нечто, что не было в порядке вещей, было вызвано как следствие чего-либо... в) искусственно вызывать для диагностических или терапевтических целей посредством диеты, определенных медикаментов физические раздражения, определенные реакции, проявления болезни» (Duden. Das grosse Woerterbuch der deutschen Sprache: Un 6 Bd. Bd.5. Mannheim, 1980. S.2059). Предлагаемая нами онтологическая трактовка переносит феномен провокации из сферы психологических характеристик различных форм коммуникативного взаимодействия в сферу социальной жизни. Она позволяет более отчетливо представить провокативный характер неодновременности в периоды как стабильного, так и кризисного развития общества.

² Научный коммунизм. М., 1983. С.216.

интересным представляется определение В. Брожика: «Родина – это совокупность жизненно важных ценностей и значений, которые человек досконально знает и которые связывают его со средой»¹. На мой взгляд, наиболее адекватным инструментарием при анализе образа Родины является феноменологическая социология (прежде всего теория А. Шютца). Категории последней – естественная установка, актуальный и потенциальный масштабы действия, запас знания, структуры релевантности – позволяют наиболее точно описать структуру ценностного патриотического сознания и отразить характер связи индивида с окружающим его обществом. Свойства же повседневного жизненного мира – очевидность, беспроблемность, понимаемость и т.д. – вполне могут применены при анализе образа Родины в общественном и индивидуальном сознании.

Наличие образа Родины является одним из необходимых условий ориентации индивида (группы индивидов) в социальном пространстве и времени. Это существенный компонент личностной и групповой самоидентификации, являющийся опосредующим звеном при взаимодействии с окружающим обществом. Образ Родины является изначально противоречивым: с одной стороны, он привязан к месту рождения, пространству и не зависит от наших желаний². Осознание *уникальности данного этапа личной истории в каком-либо месте* (при всей ее похожести на другие биографии) создает сильное эмоциональное отношение, которое при позитивном характере последнего становится фундаментом патриотического мировосприятия. Это обстоятельство привязывает образ Родины к некоей реально существующей (или существовавшей) конкретно-исторической ситуации.

С другой стороны, этот образ отражает желаемое положение дел, является проекцией желаний и интересов (как интимных, так и общественных) и потому может принимать самые разнообразные формы – родительского дома, ландшафта³, «града небесного», определенной культуры и т.д. Родина – это то, что знакомо, очевидно, беспроблемно, безопасно, где я могу понимать людей, а они могут понимать меня. По существу, основные признаки Родины являются проекциями основных характеристик желаемого и воображаемого повседневного жизненного мира индивидов. Поэтому этот образ является более субъективным, приватным, интимным в отличие от понятия «Отечество», являющегося более анонимным, отчужденно-политизированным и связанным с лояльным отношением к государству.

Такая внутренняя противоречивость образа объясняет как некоторые особенности массового поведения людей (волны эмиграции в различные периоды истории в большинстве стран мира), так и стратегию идеологического манипулирования массами. В условиях СССР, в частности, происходило *стягивание воедино различных характеристик Родины* – образа, который должен был объединить прошлое, настоящее и будущее всех граждан данного государства. Воедино связывались экономические, политические, культурные, идеологические характеристики Родины как точки пересечения истории и географии. Этот синтетический образ должен был иметь не только пространственные, но и единые временные характеристики⁴. Синхронизация, своеобразная *«социальная синтония»* получали легитимацию посредством такой единой Родины. В рамках подобного образа социальный порядок оказывался торжеством одновременности, а неодновременность символизировалась социальным хаосом. Официальная одновременность приобретала первенствующее и доминирующее значение, а на

¹ Брожик В. Марксистская теория оценки. М., 1982. С.233-235

² Ж.-П. Сартр убедительно показал «до какой степени случайным являются мое рождение и определенное этим мое место» (Цит. по: Ярошевский Т. Личность и общество. М., 1973. С.214-218). Ж. Амери, определяя Родину как пространственно-временной континуум детства и юности, считает, что эмоциональное отношение к переживаниям и воспоминаниям об этом периоде жизни определяет единственность Родины. В этом смысле никакой «новой» Родины, по его мнению, быть не может (Amery J. Jenseits von Schuld und Sühne. Bewältigungsversuche eines Ueberbewältigten. Stuttgart, 1980. S.74-100).

³ О категории ландшафта см.: Ritter J. Subjektivität. Frankfurt a/M. 1980. S.141-165.

⁴ Об официальных пространственно-временных характеристиках СССР см.: Купина Н.А. Тоталитарный язык: словарь и речевые реакции. Екатеринбург, Пермь, 1995. С.35, 53-60; Паперный В. Культура Два. М., 1996. С.109-143.

долю неодновременности в общественном сознании оставалась роль реликта прошлого, музейного экспоната, но не необходимого условия полноценной социальной жизни региона.

Начавшийся в сер. 1980-х гг. процесс трансформации социалистического общества означал постепенное разрушение синхронности. Последнее обстоятельство привело к *сегментации образа Родины в общественном сознании*. Распадение единой Родины произошло не только объективно (распад СССР), но и субъективно. Такая субъективная переориентация сопровождалась прежде всего переворачиванием основных характеристик картины мира и картины общества: атеистический СССР – православная Россия, альтруизм – эгоизм, бедность – богатство и т.д. Вместе с тем усиление политического сепаратизма сопровождалось выдвижением различными политическими движениями – прежде всего, национальным – собственных исторических и социологических интерпретаций образа Родины. Таким образом, первая серьезная сегментация образа Родины означала ее *регионализацию*, строившуюся, прежде всего, на этнической основе.

Но и внутри этнически однородного населения параллельно происходили аналогичные процессы. В соответствии с определенными ориентациями личностной и групповой самоидентификации *образ Родины распадается в общественном сознании на ряд сегментов*. Можно говорить о тенденции появления и кристаллизации таких *сегментов*.

1. *Экономическая Родина* – место, где возможна эффективная экономическая деятельность, обеспечивающая желаемый уровень жизни. Это место может приобретать самые различные очертания – банк, фирма, наконец, просто деньги. Это могут быть конкретные государства с их национальными экономическими особенностями (например, США, ФРГ, Израиль и т.п.) или же, в более общей форме, определенный тип общества (традиционное, капиталистическое, обновленное или ранее существовавшее социалистическое). За всеми подобными поисками стоит все более нарастающая тенденция связывания образа экономической Родины не просто с благосостоянием, но с тем, что лежит в основе этого благосостояния – собственностью, владением определенным имуществом (капиталом). Эта тенденция напоминает традицию, существовавшую в средние века и в Новое время в Западной Европе, в частности, в Германии. Право на жительство в определенной общине или городе могли получить прежде всего те люди, которые приобретали или владели собственностью (дом, двор, хозяйство). Это «право на родину» (Heimatrecht), по существу, означало, что наличие Родины связывалось с наличием собственности¹. Богатые люди могли иметь родину, бедные – нет (не обладали «правом на родину»)². Пролетарский интернационализм в определенной степени стал продолжением этой традиции. В советский период понятие Родины значительно утратило свои экономические характеристики в пользу политико-идеологических признаков. В настоящее время происходит возврат к прежней ситуации, когда определенный уровень экономического благосостояния во многом определяет отношение индивидов к окружающей действительности и предопределяет то или иное социально-культурное или политическое поведение.

2. *Политическая Родина* – реальное или воображаемое политическое пространство, обеспечивающее соблюдение – и в настоящем, и в будущем – тех или иных желаемых прав человека, прав этнической или профессиональной группы. Этот образ – постоянный объект политической борьбы-дискуссии об устройстве будущей России между политическими течениями, партиями, во время выборов наглядно демонстрируют многообразие моделей желаемой политической Родины. Изначальное напряжение между реальной и воображаемой Родиной достигает пика и воплощается в многочисленных антиномических сравнениях (униженная – великая, разоренная – процветающая и т.д.). А способы разрешения этого напряжения меняются, например, переворачиваются отношения центра и региона: «сильный Урал – сильная Россия».

3. *Идеологическая Родина* – различные философские и социологические концепции, идеи, лозунги, отражающие желаемую, идеальную картину общества. Именно тут модель воображаемой Родины воплощается со всей полнотой конкретных признаков и императивных критериев. Появление множества идеологов стало способом интерпретации происходящих событий,

¹ В XX в. ситуация изменилась: Всеобщая декларация прав человека от 10.12.1948 в ст.13 зафиксировала право свободного передвижения и выбора места жительства.

² См.: Brockhaus Enzyklopedie. Bd.9. Mannheim, 1989. S.618.

так и убежищем для многих разочарованных (неодновременных господствующим современным тенденциям) индивидов и групп, резервной партизанской базой для стремящихся к каким-либо переменам. Стремительная социальная и политическая дифференциация общества заставляет индивидов и группы осваивать всевозможные идеологические ниши, черпать в них аргументы в пользу своей позиции, искать определенный идеологический комфорт.

4. *Культурно-историческая Родина* – место и время в истории человечества, мировой и отечественной культуры, которое отвечает эстетическим и культурным вкусам индивида или группы. Одних привлекает средневековье, других – Древняя Русь, третьих – Париж начала XX в., четвертые снова грезят «о той единственной гражданской...» и т.д.¹ При этом одним из самых существенных здесь является вопрос о «*родине Родины*», то есть вопрос о происхождении и генезисе основных качеств Родины, поиске первоначала (религиозного или светского), основного события (битва, переворот, некое чудо, образование какого-либо социального института, оформление национального языка и т.п.), положившего начало истории Родины.

Разумеется, все выделенные нами в качестве идеальных моделей сегменты носят достаточно условный характер и в реальном общественном или групповом сознании могут в чистом виде и не проявляться. Хотя, на наш взгляд, все они существовали и ранее, в советскую эпоху, как *компоненты образа Большой Родины*, не имевшие самостоятельного значения и ориентированные на общую для всех точку – центр. В постсоветское время они *начинают оформляться в качестве самостоятельных и, что важно подчеркнуть, часто не зависящих друг от друга, противоречащих друг другу ориентаций*. Можно любить свою культуру и ненавидеть экономику, восхищаться природой и презирать политический режим... Причины столь быстрой сегментации требуют серьезного исследования, но все же можно указать на ряд обстоятельств, существенно повлиявших на этот процесс и в той или иной степени продолжающих влиять ныне.

Прежде всего, наблюдался *разрыв между официальным образом Большой Родины и той повседневной малой родиной, в которой пребывало большинство населения прежнего СССР*. Неудовлетворительные условия жизни «внизу» не соответствовали картине общества, спускавшейся сверху, и порождали соответствующие реакции в виде внутренней и внешней эмиграции, диссидентства, преступности и т.д. Дистанцирование от официального образа Большой Родины, сложившаяся за годы советской власти *традиция безместности*² приводили к необходимости конструирования самими индивидами или их объединениями своего образа Родины и воплощения его в жизнь. Кухня, квартира, дача, места прогулок, летнего отдыха, круг единомышленников – вот типичные попытки отечественного «самоотражения» патриотизма в данной сфере. Необходимость индивидуальных усилий по созданию собственной комфортной среды жизни, часто *по принципу «вопреки»* – вопреки господствующей идеологии, морали, общепринятым вкусам, национальным традициям, – вошла в привычку и, более того, начала приобретать черты новой национальной традиции.

Эта новая традиция ярко проявилась во времена перестройки, когда началось массовое реконструирование ново-старой Родины. Снос памятников, переименование улиц и городов, провозглашение республик – приметы привычного процесса «делания» Родины, вышедшего из подполья, ставшего из приватного общественным. Положительным моментом в этом процессе явилось снятие статично сакральных характеристик Большой Родины, придание ее образу большей динамичности и субъективности. Однако релятивизация этого образа, различная у либералов и коммунистов, директорского корпуса и мафиозных группировок не только в рамках настоящего, но прошлого и будущего, привела к его значительному ослаблению и, вероятно, даже исчезновению для некоторых соци-

¹ Примеры выбора такой культурно-исторической Родины многочисленны. Приведем примеры из недавней советской истории. П. Вайль и А. Генис так описывали ситуацию 1960-х гг.: «В начале 1960-х гг. наиболее прогрессивная часть советской молодежи осваивала Америку, не пересекая государственную границу. Так называемые «штатники» – люди, отдавшие всю свою любовь чужой стране – представляли в России утрированных американцев. Не имея возможности поменять континенты, они строили себе Америку прямо в Москве (Вайль П., Генис А. Интервенция // Иностранная литература. 1991. №2. С.250; Вайль П., Генис А. 60-е. Мир советского человека. М., 1996). Очень часто примером такой же внутренней эмиграции становилось изучение иностранных языков, увлечение музыкой и т.п.

² См.: Глазачев В.Л. Дух места // Освобождение духа. М., 1991. С.138-167. О поиске «дома» см.: Козловский В.В., Федотова В.Г. В поисках социальной гармонии. Свердловск, 1990. С.90-110.

альных групп. Проблемы, связанные, например, с иммиграцией русского населения из стран ближнего зарубежья в Россию (враждебность местного населения по отношению к переселенцам, часто встречающееся безразличие органов государственной власти к данной проблеме) лишний раз доказывают это¹.

Укажем далее на постоянно ухудшающееся состояние окружающей среды, подрывающее самые глубинные связи индивида с Родиной. Существовавшая ранее и существующая ныне привязанность к месту рождения, детства, проживания, образ Родины как ландшафта, воспетый романтиками начала XIX в., в конце XX в. становится анахронизмом. *Деградация природы* сужает пространство комфортного существования – как обрабатывать отравленную почву, дышать загазованным воздухом, купаться в мертвых озерах? Русские радиоактивные березки – символ прощания с прежней, советской Родиной. Но это также и прощание с Родиной-природой. Соответственно и *попытки спасения Родины начинаются часто с изменения отношения к природе, с экологизации политики и политического мышления.*

Все вышеназванные сегменты образа большой и малой Родины претерпевают различные изменения, но нельзя не заметить попыток синтеза всех их в некий новый образ. Это исходит на различных уровнях, но прежде всего на региональном. Однако признание факта объективной и субъективной неодновременности в социальной, а, следовательно, и в политической жизни существенно ограничивает эти попытки и заставляет, в конечном счете, отказаться от идеи абсолютного, все на себя замыкающего центра. И все перипетии политической борьбы в постсоветском политическом пространстве так или иначе свидетельствуют о наличии такой тенденции. Подводя итоги краткого анализа феномена неодновременности, отметим еще раз, что децентрализация является не столько политической тенденцией, связанной с определенным периодом исторического развития постсоветского общества, сколько отражением и выражением атрибутивного феномена социальной жизни – неодновременности. Существование этого феномена практически во всех сферах жизни общества должно приниматься во внимание при выработке политических стратегий. Для новых социальных технологий это означает вызов и требование разработки концепции некоей «*социальной ритмологии*», заменяющей концепцию централизации и децентрализации. Общий смысл воссоздать уже невозможно или очень трудно, но его в некоторых ситуациях может заменить общий социальный или групповой ритм, учитывающий пространство и границы феномена неодновременности. Тогда и любые политические и социальные акции должны обязательно оцениваться в контексте создания или разрушения определенных политических, культурных, идеологических ритмов. Общий ритм вместо общего центра, но и децентрализация как специфический ритм, обладающий онтологической самоценностью и собственной логикой, неодновременность как особого рода социальная упорядоченность – вот что должно стать предметом анализа при исследовании процессов трансформации постсоветского общества.

Ю.Р. Вишнеvский, д. филос. н.; В.А. Ружа

(УрФУ им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург)

Семантическое пространство понятия «патриотизм» в массовом сознании

Важнейшая предпосылка любого социологического исследования (в том числе и проблематики патриотизма, исторической памяти – и в целом, и применительно к такому выдающемуся событию отечественной и мировой истории, как Великая Отечественная война 1941-1945 гг.) – *эмпирическая интерпретация исходного понятия.* В отношении патриотизма решение этой исследовательской задачи затруднено многозначностью этого понятия в исторической и социокультурной практике, обилием и разнородностью существующих его определений, преимущественно *описательным (перечислительным) подходом*, который до сих пор реализуется даже в научных работах.

¹ Усилия по реконструкции образа Родины сосредотачиваются прежде всего на формировании положительных характеристик малой Родины.

Принимая подход А.Б. Гофмана об *инструментальном значении определений* (при этом он ссылается на принцип Декарта: о терминах не спорят, о терминах договариваются)¹, отметим, что в реальных ситуациях (особенно, когда понятия – подобно «патриотизму» – сильно политически и идеологически окрашены) бывает сложно. На важность *семантического аспекта* анализа патриотизма обратил внимание О.А. Бельков, сравнив слова героев двух фильмов (советского /1944 г./ «Иван Никулин – русский матрос» и российского «Штрафной батальон»). Первый говорит, что он сражается не за любую Россию, а за *советскую*, второй – что воюет не за советскую власть, а за *русскую* землю².

Представляется важным использовать в социологическом анализе технологии других научных дисциплин, в частности, *лингво-семантический анализ*, широко используемый в лингвистике, близкий социологической методике контент-анализа. *Лингво-семантический анализ* нацелен на выявление *семантического поля* (semantic field) – совокупности слов, объединяемых смысловыми связями на основе единого общего понятия или сходства признаков их лексических значений³; совокупности языковых единиц, объединенных каким-то общим семантическим признаком; объединения языковых единиц, проводимое по содержательным (семантическим) критериям⁴. Но в социологическом исследовании акцентируются не *языковые единицы*, а *содержательные* (имеющие определенный *социальный* смысл). И в этом проявляется специфика *контент-анализа*: смысловой единицей контент-анализа должна быть *социальная идея, социально значимая тема*⁵. Однако в рамках *категориального* анализа *пространственная* ориентация лингво-семантического анализа – на семантическое поле – является приоритетным. Выявить *разнообразие* значений того или иного понятия – его *масштаб* – оказывается важнее *частотной (количественной)* характеристики контент-анализа.

При этом, даже не соглашаясь с мнением, что «лингвистическое или этимологическое толкование происхождения и предназначения того или другого термина в настоящее время – не слишком благодатное занятие», нужно признать справедливость предостережения, что «очень уж далеко иногда дистанцируется этимологическая природа термина, его устоявшееся в теории значение и вкладываемый в него смысл при переносе его в другой ареал пользования»⁶. Тем более, когда в оборот лингво-семантического анализа включаются смысловые единицы, между которыми огромный разрыв – и пространственный, и темпоральный. Но для реального обыденного сознания (сегодня все более испытывающего влияние СМИ и Интернета) и характерно преодоление такого разрыва. Более того, оно все чаще проникает и в научные работы (таковы, в частности, обзоры степени научной разработанности тем во многих диссертационных исследованиях, особенно когда для автора исторический подход не выступает определяющим).

Из разнообразных методов установления границ семантического поля и построения поля нами – с учетом специфики исследовательских задач – избран логико-понятийный, «связан-

¹ См.: Гофман А.Б. О личном отношении к науке (Интервью Ю.М. Резника с профессором А.Б. Гофманом, май-июнь 2009 г.) // Личность. Культура. Общество. Том XII. Вып.1. №№53-54. М., 2010. С.394-415.

² Бельков О.А. Помнить войну // Власть. 2005. №5. С.10.

³ <http://tolkslovar.ru/p12486.html>

⁴ См.: Алимпиева Р.В. Семантическая значимость слова и структура лексико-семантической группы. Л., 1986; Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. М., 1976; Бабушкин А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. Воронеж, 1996; Васильев Л.М. Современная лингвистическая семантика. М., 1990; Воробьев В.В. Лингвокультурология. М., 1998; Долгих Н.Г. Теория семантического поля на современном этапе, развития семасиологии // Филологические науки. 1973. №1. С.109-110; Ивашкович Т.И. Понятие «семантическое поле» на современном этапе развития семасиологии [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://forum.aspu.ru/viewtopic.php?f=51&t=2825>; Карасик В.И., Слышкин Г.Г. Лингвокультурный концепт как единица исследования // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. Воронеж, 2001; Кобозева И.М. Лингвистическая семантика: Учебник. М., 2007; Лингвистическая и экстралингвистическая семантика. М., 1992; Щур Г.С. Теории поля в лингвистике. М., 1974; и др.

⁵ Рабочая книга социолога. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1983. С.296.

⁶ См.: Герасимов Г.И., Илюхина Л.В. Инновации в образовании: сущность и социальные механизмы [электронный ресурс] режим доступа: <http://www.i-u.ru/biblio/archive/gerasimov/03.aspx>

ный с идентификацией определенной концептуальной или денотативной сферы и соотношением этой сферы со средствами ее выражения»¹.

Ориентиром для нашего анализа выступали уже имеющиеся в литературе попытки систематизации понятий на «языке мудрости» – языке «глубоких, емких и в то же время лаконичных мыслей, мыслей убедительных, понятных всем и каждому»². Справедливо мнение, что «мудрая мысль – это не только яркое, крылатое слово, несущее в себе остроумный парадокс, глубокомысленную аллегория, блеск здравого смысла. Это и знание правды жизни, отражение общественных и человеческих проблем, а иногда и предвосхищение общечеловеческой перспективы». И к проблеме «патриотизма» в определенной мере можно отнести мнение авторов систематизации мудрых изречений о «счастье», что «мысли о счастье» «предстают перед нами в форме пословиц и поговорок, афоризмов и изречений, метких суждений», что «мысли о счастье *полны антиномий*»: «Кажется, что нет такого утверждения о счастье, которому нельзя было бы противопоставить прямо противоположное, что нельзя дать такой совет, которому не противоречил бы столь же авторитетно другой»³.

Существенная предпосылка достоверности лингво-семантического анализа и контент-анализа – *отбор источников информации*. Огромное количество людей на протяжении столетий пытались по своему описать природу и истоки патриотизма, раскрыть природу любви к родине, родному дому, выдвигали различные как научные, так и обыденные подходы, концепции и взгляды. Руководствуясь этим, нами были привлечены для анализа понимания патриотизма в обыденном сознании афоризмы⁴ и изречения общественных и политических деятелей, деятелей науки, культуры и искусства, пословицы и поговорки. Основу для формирования лексико-семантического поля «патриотизм» составили материалы сайтов Интернет⁵, что должно было обеспечить определенную полноту представленности различных лексических единиц. Одновременно в качестве единиц информации рассматривались афоризмы и изречения, пословицы и поговорки, выявленные дополнительно авторами при изучении научно-популярной литературы *по проблемам патриотизма и исторической памяти*⁶.

В итоге для анализа было использовано 320 единиц информации.

Каково же семантическое пространство определений «патриотизма», «Родины», «исторической памяти»?

Начнем с самого общего. По справедливому замечанию Н.Г. Чернышевского, «патриотизм» – *священное слово*. И сегодня актуальна его мысль: «*необходимо определять, что именно мы хотим разуметь под ним*». Тем самым, задается четкий ориентир – столь многогранное, полисемантическое понятие требует смысловой определенности.

¹ Шафиков С.Г. Теория семантического поля и компонентной семантики его единиц. Учебное пособие. Уфа, 1999. С.23.

² Мелешко Е.Д., Назаров В.Н. Счастье (систематизация мудрых изречений) // Этическая мысль: Научно-публицистические чтения. М., 1988. С.258.

³ Там же. С.258-259.

⁴ Афоризм (греч. aphorismos – краткое изречение) - обобщённая, законченная, глубокая мысль определенного автора, выраженную в лаконичной, отточенной форме, отличающейся меткой выразительностью и явной неожиданностью суждения. Как и пословица, афоризм не доказывает, не аргументирует, а воздействует на сознание оригинальной формулировкой мысли.

⁵ [Электронные ресурсы] Режим доступа:

<http://www.fraznik.ru/tw/506.html?page=1>; <http://www.modnaya.ru/library/004/065.htm>
<http://textik.ru/ca/aphorisms/tema/11254/2/>; <http://www.proshkolu.ru/user/epichin/blog/60944/>
http://fictionbook.ru/author/konstantin_dushenko/citativ_iz_vsemirnnoi_istorii_ot_drevnos/read_online.html?page=11;
[http://aforism.nnov.ru/?owner=%D1%F2%E8%E2%E5%ED%20%CB%E8%EA%EE%EA](http://aforism.nnov.ru/?owner=%D1%F2%E8%E2%E5%ED%20%CB%E8%EA%EE%EA;);
<http://www.proshkolu.ru/user/epichin/blog/60944/>; http://www.slovonevorobei.ru/aforizm/aforizm_1080_1.shtml;
<http://ariosto.ru/o-rodine-i-patriotizme/page/4>; <http://ariosto.ru/letter/%D0%9C/>; <http://smallbay.ru/gods/slavs.html>;
<http://aphorism-list.com/poslovica.php?page=rodina&tkposlovica=rodina>;
<http://www.wisdoms.ru/135.html>; <http://batfx.com/lofiversion/index.php/t2034.html>;
<http://mudrostvekov.sitedit.ru/patriotizm>; <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000053>.

⁶ Впрочем, авторы понимают, что полностью реализовать все принципы лингво-семантического поля (принцип присутствия; недискретность, непрерывность и целостность поля; его историчность) в данном конкретном случае не удалось.

Наиболее общеупотребительной трактовкой патриотизма (в качестве основного концепта обыденного и научного сознания) выступает любовь к Родине, Отечеству: «Патриотизм есть чувство любви к Родине» (И.А. Ильин). Одна из самых ёмких характеристик – у прекрасного знатока русского языка В.И. Даля: *любитель отечества, ревнитель о благе его, отчизнолюб, отечественник или отчизник*.

Особенно подчеркивается эмоционально-чувственный аспект патриотизма. Любовь к Родине (патриотическое чувство) рассматривается как «благороднейшее чувство», «важнейшая сторона и личной, и общественной культуры духа» (Д.С. Лихачев), «чувство органическое, естественное», которое «не требует никаких оправданий, обоснований» (А.И. Солженицын), «самое высокое, наиболее сильное чувство в человеке» (К.Д. Ушинский¹), «страстное, беспредельное желание блага Родине» (Н.Г. Чернышевский). Патриотизм – как «одно из наиболее глубоких чувств» личности – соотносится с закрепляющими его «веками и тысячелетиями обособленных отечеств» (В.И. Ленин).

При этом само понимание Родины, Отечества определяется уровнем культуры личности: «Чем выше человек, – отмечает известный собиратель афоризмов И. Шевелев, – тем шире для него понятие «Родина». В.В. Розанов рассматривает эту проблему в иной плоскости – ставя вопрос: «до какого предела мы должны любить Россию?», он отвечает: «до истязания, до истязания самой души своей», «мы должны любить ее до «наоборот нашему мнению».

Раскрывая эту связь патриотизма с личностью и её культурой, русский мыслитель И. Ильин справедливо считал: «Патриотизм может жить и будет жить лишь в той душе, для которой есть на земле нечто священное: которая живым опытом (может быть, вполне «иррациональным») испытала объективное и безусловное достоинство этого священного – и узнала его в святынях своего народа»². Соответственно, «в основе патриотизма, – по его мнению, – лежит акт духовного самоопределения».

Немецкий писатель, публицист, афорист Л. Бёрне обратил внимание на то, что «любовь к родине не признает половинчатости; кто не делает для нее всего – ничего не делает; кто не все отдает ей – тот во всем ей отказывает». По мнению российского педагога К.Д. Ушинского, важны не только всплески патриотических чувств, когда «чувство патриотизма» пробуждается «по временам с истинно львиной силой», но и их проявление и «влияние на спокойный ход нашей жизни, на исполнение постоянных, ежедневных наших обязанностей».

В афоризмах, изречениях, пословицах и поговорках, ставших объектом нашего анализа, *Родина и Отечество обычно выступают синонимично*, хотя определенные семантические различия и проявляются. Общее – любовь к Родине, Отечеству – конкретизируется в разных направлениях:

- страна («Россия – наша Родина и наше Отечество – страна, где мы родились, страна, созданная нашими предками! Всем этим мы от рождения дышали, как воздухом, – воздухом которого даже не замечаешь, но без которого жить невозможно» /русский философ С.Е. Трубецкой/; «Это святая обязанность – любить страну, которая вспоила и вскормила нас, как родная мать» /М. А. Шолохов/);
- народ («Что такое Родина? Это весь народ, совершающий на данной площади свое историческое движение. Это прошлое народа, его настоящее и будущее. Это его своеобразная культура, его язык, его характер. Это цель совершаемых им революций, исторических скачков, узлов его истории» /А.Н. Толстой/);
- культура, религия, язык и история народа («Родина есть нечто от духа и для духа» /И.А. Ильин/; «Есть патриотизм, исходящий из семейного и родового чувства, с тем, чтобы отсюда покрыть всю ширину и глубину, и энергию национального духа и национального бытия. Но есть патриотизм, исходящий из религиозного и нравственного облика родного народа, от его духовной красоты и гармонии, с тем, чтобы отсюда покрыть все дисгармонии его духовного смятения» /И.А. Ильин/; «Мы должны изучать Россию, любовно вглядываться в ее черты,

¹ Ушинский К.Д. Собр. соч., т.2 М.-Л., 1952, с. 431.

² Ильин И.А. Наши задачи. Волгоград, 1997. С.11.

вырывать в ее земле закопанные клады. Мы должны знать ее историю, любить ее героев, ценить и самые древние памятники ее литературы... Мы должны чтить и героев – строителей нашей земли, ее князей, царей и граждан, изучая летописи их борьбы, их трудов, учась на самих их ошибках и падениях, не в рабском подражании, но в свободном творчестве вдохновляясь подвигом предков. Мы должны знать живую Россию, ее природу, жизнь ее народов, их труд, их искусство, их верования и быт»¹ /Г.П. Федотов/. Ставя в свое время задачу совершенствования отечественного воспитания, К.Д. Ушинский в качестве ориентира называл человека, который «всегда, всего более и всего ближе знаком со своим отечеством: с родным ему языком, литературой, историей, географией, и т.д.»²;

- отчий край, родная земля, родная природа («Охранять природу – значит охранять Родину, – в этих словах М. Пришвина отражается, говоря современным языком, экологический аспект патриотизма, о котором, к сожалению, и в теории, и на практике вспоминают крайне редко).

Поэтический образ «дыма Отечества» можно найти и у Гомера («Видеть хоть дым, от родных берегов вдалеке восходящий»), и у Лукиана («Дым отечества светлее огня на чужбине»), и у Г.Р. Державина («Отечества и дым нам сладок и приятен»). Часто говорят о «странной любви» М.Ю. Лермонтова к Отчизне. Но его лирическое описание родной природы и сегодня вызывает отклик в душе каждого россиянина:

«Но я люблю – за что, не знаю сам –
Ее степей холодное молчанье,
Ее лесов безбрежных колыханье,
Разливы рек ее, подобные морям».

Впрочем, это же справедливо и в отношении слов русского поэта Ф.Н. Глинки: «Отчего же люди прилепляются сердцем к степям диким, к лесам дремучим, к странам, засыпанным снегами? Кто виною чудесной привязанности сей? Никто, кроме тебя, о любовь к Отечеству! Ты вселяешь в душу неизъяснимую привязанность к родным источникам, к родным лесам, даже к самым бесплодным пескам Отечества. Ты вселяешь необоримое влечение к Родине!..». И становится понятным патриотическое изречение, например, французского поэта XVI в. Дю Белле: «Свою галльскую Луару я предпочитаю латинскому Тибру».

- дом, домашний очаг, место, где мы выросли, или к нескольким местам, где мы росли; старые друзья, знакомые лица, знакомые виды, запахи, звуки и т.д. «Патриотизм, – отмечал Д.С. Лихачев, – прежде всего, начинается с любви к своему городу, к своей местности, и это не исключает любви ко всей стране». Этот мотив звучит и в стихотворении украинского поэта Т.Г. Шевченко:

Святая родина! святая!
Иначе как ее назвать!
Ту землю милую, родную,
Где мы родились, росли
И в колыбели полюбили
Родные песни старины.

О том же поется в известной песне:

С чего начинается Родина?
С картинки в твоём букваре,
С хороших и верных товарищей,
Живущих в соседнем дворе.
А может, она начинается
С той песни, что пела нам мать,
С того, что в любых испытаниях

¹ Федотов Г.П. Будет ли существовать Россия // О России и русской философской культуре. М., 1990. С.456–457.

² Ушинский К.Д. Педагогические сочинения. М., 1988. Т.2. С.358.

У нас никому не отнять. (М. Матусовский)

По замечанию А.Т. Твардовского: «Эта малая Родина со своим особым обликом, со своей, пусть скромной и непритязательной красотой предстает человеку в детстве, в пору памятных на всю жизнь впечатлений ребяческой души, и с нею, с этой отдельной и милой Родиной, он приходит с годами к той большой Родине, что обнимает все малые и – в великом целом своем – для всех одна». «С кем мы росли и живем, к тем привыкаем. Душа их сообразуется с нашею; делается некоторым ее зеркалом; служит предметом или средством наших нравственных удовольствий и обращается в предмет склонности для сердца. Сия любовь к согражданам, или к людям, с которыми мы росли, воспитывались и живем, есть моральная любовь к отечеству», – подчеркивал личностный аспект патриотизма Н.М. Карамзин.

Чаще всего в афоризмах, изречениях, пословицах и поговорках подчеркивается значимость Родины для человека: «Нет на свете места приятнее домашнего очага» (Цицерон); «Нет ничего милее родины» (Лукиан); «Любовь к родине превозможет все» (Вергилий); «Отчизна – это край, где пленница душа» (Вольтер); «Отчизны голос – голос лучшей музыки» (французский поэт П. Беранже); «Лучше черствый хлеб у себя дома, чем множество блюд за чужим столом» (итальянский публицист начала XVI в. П. Аретино); «Кто не живет на родине, не знает вкуса жизни» (Осетинская пословица); «Лучше умереть вдали от родины, чем прожить без родины в душе» (русский поэт XX в. В. Делоне); «Россия без каждого из нас обойтись может, но никто из нас без нее не может обойтись; горе тому, кто это думает, двойное тому, кто действительно без нее обходится» (русский писатель И.С. Тургенев, проживший много лет за границей); и др.

Нередко это – характеристика от противоположного: «Людей, покидающих отечество для чужих краев, на чужбине не уважают, а на Родине чуждаются» (древнегреческий баснописец Эзоп); «Нет ничего худшего, чем блуждать в чужих краях» (Гомер); «Люди без Родины становятся исторической пылью, блеклой осенней листвой, гонимой с места на место и втоптываемой чужеземцами в грязь» (И.А. Ильин); «Человек без родины – это песчинка, отданная на произвол случайностям времени и пространства» (французский писатель XIX в. Ж. Лакордер); «Нет у человека ничего прекраснее и дороже родины. Человек без родины – нищий человек» (белорусский поэт Я. Колас); «Нет! Человеку нельзя жить без родины, как нельзя жить без сердца» (советский писатель К.Г. Паустовский); «Чужбина родиной не станет» (И. Гёте); «Всегда я презирал и ныне презираю бродяг, не помнящих родства!» (русский поэт XIX в. А.М. Жемчужников) и др.

Дело, конечно, не в том, что человек не может покинуть родные места – развитие цивилизации делало социальную (и территориальную) мобильность все более интенсивной. И пословица «где родился, там и пригодился» сегодня чаще всего отражает устаревшее явление. Речь идет о сохранении связей с Родиной (и большой, и малой), чтобы постоянно сохранялось настроение, отмеченное Г.Р. Державиным, «мила нам весть о нашей стороне»; чтобы было, по словам французского драматурга П. Корнеля, «сладостно к стенам Отчизны возвратиться». Патриотизм (любовь к Родине) неотделим от ностальгии (тоска по Родине). Как писал немецкий философ и писатель XVIII в. И.Г. Гаман, «Родину забыть нельзя. Нет более благородной болезни, чем тоска по родине». Более того, пребывание за пределами Родины обостряет это чувство и ведет к более высокой оценке Родины: «Не был на чужбине – не оценишь сполна свою страну» (туркменская пословица); «На чужбине еще больше родину ценят» (афганская пословица); «Побывавший на чужбине становится добрее» (персидская пословица); «Только на чужбине познаешь всю прелесть родного языка, только там чувствуешь, что такое родина» (немецкий писатель XIX в. Г. Фрейтаг); и др. Очень интересный момент подметил Г. Гейне: «Странная вещь – патриотизм, настоящая любовь к родине! Можно любить свою родину, любить её целых восемьдесят лет и не догадываться об этом; но для этого надо оставаться дома. Любовь к немецкой отчизне начинается только на немецкой границе». Понятно, что это относится не только к Германии. «Человек, который не изведает чужбины, – говорится в турецкой пословице, – не знает цену человека».

С социологической точки зрения представляет интерес часто акцентируемое соотнесение патриотизма с гражданственностью.

Эта связь – двоякая. С одной стороны – в русле известной поэтической формулы поэта Н.А. Некрасова («А что такое гражданин? Отечества достойный сын. Он, как свои, на теле носит все язвы родины своей) – *гражданин – достойный сын Отечества*. Критерий человеческого достоинства личности соотносится с силой его патриотизма: «Историческое значение каждого русского великого человека измеряется его заслугами Родине, его человеческое достоинство, – писал Н.Г. Чернышевский, – силою его патриотизма». Еще шире – как *критерий «благородства всякой истинной культуры»* – рассматривает патриотизм Н.А. Бердяев. Для него определяющая характеристика культуры – патриотизм, «культ предков, почитание могил и памятников, связь сынов с отцами». Созвучно с этим и образное, пушкинское о равно близких нам чувствах, в которых «обретает сердце пищу»: «*Любовь к родному пепелищу, любовь к отеческим гробам*». *Социокультурная сторона патриотизма* углубляется Д.С. Лихачевым, видевшим в патриотизме «*начало творческое*, начало, которое может вдохновить всю жизнь человека: избрание им своей профессии, круг интересов – все определять в человеке и все освещать».

С другой стороны, – уже А.Н. Радищев, отмечал: «*Истинный человек и сын отечества* есть одно и то же». В любви к Родине видел французский император Наполеон «первое достоинство цивилизованного человека». Любовь к Отечеству, – по В.А. Сухомлинскому, – «сердцевина человека». Обобщением такого подхода можно считать слова В.Г. Белинского: «Человек является, прежде всего, сыном своей страны, гражданином своего Отечества, горячо принимающим к сердцу его интересы». «Всякая благородная личность, – писал он, – глубоко сознает свое *кровное родство, свои кровные связи с отечеством*».

Чувство любви к Родине углубляется *самоидентификацией себя с Родиной, с её интересами, её благом*. Для гражданина «язвы» (тяготы, проблемы) его Родины – «свои», Родина – «своя»: «Рану, нанесенную Родине, каждый из нас ощущает в глубине своего сердца» (В. Гюго). Эту нерасторжимость Родины и гражданина, присущее ему *чувство сопричастности с ней* удачно выразил еще Сенека: «Мы любим родину не потому, что она большая, а потому, что она своя». В рамках переключки «через века» стоит обращение поэта А.А. Блока к Родине: «О, Русь моя! Жена моя!» – Родина предстает как самая близкая, родная. «Из любви к отечеству», – по словам французского мыслителя Ж.-Ж. Руссо, – были совершены «самые большие подвиги добродетели». «Ты связан с этим организмом (Отечеством)» «непрерывной пуповиной», – пусть и несколько физиологично – писал М.Е. Салтыков-Щедрин, подчеркивая: «прикосновение этого живого организма» ты «непрерывно чувствуешь». Еще сильнее эта мысль звучит в его словах: «Я люблю Россию до боли сердечной и даже не могу помыслить себя где-либо, кроме России». А для русского драматурга А.Н. Островского есть только два сорта людей: «либо патриот своего отечества, либо мерзавец своей жизни». В известной мере обобщающей можно считать оценку писателя А.Н. Толстого: «Патриотизм – это не значит только одна любовь к своей Родине. Это гораздо больше. Это – сознание своей неотъемлемости от Родины и неотъемлемое переживание вместе с ней ее счастливых и ее несчастных дней».

Отражением этой *близости человека с Родиной* являются многочисленные афоризмы: «Любовь к Родине начинается с *семьи*» (Ф. Бэкон); «любовь к Отечеству закладывается в *детстве*» (В.А. Сухомлинский); «Где прошло детство, там и начинается Родина» (белорусский писатель К. Черный). Характерен и ряд, выстроенный Д.С. Лихачевым: «Будем любить свой народ, свой город, свою природу, свое село, свою семью»¹. Представляется очень важной мысль актера С.Ю. Юрского: «Родина для меня – это еще и мои *учителя*. Они все здешние, и те, кто умер задолго до меня, я их принял как своих учителей, и те, кто буквально меня учили». Существенна (и очень актуальна для современной России) мысль И.А. Ильина: «Русская *армия всегда была школой патриотической верности*», выступала как «основа нашего

¹ Лихачев Д.С. Избранное. Мысли о жизни, истории, культуре. М., 2006. <http://www.elbrusoid.org/content/vzglyad/p330368.shtml>

национального самосознания», так как «армия невозможна без патриотизма и жертвенности».

Соответственно, патриотизм («проявление любви к Родине, Отчизне, Отечеству») – есть, по В.И. Далю, *«цель и результат патриотического воспитания молодёжи»*. А с учетом взаимосвязи патриотизма и гражданственности он (вместе с интернационализмом) является *«стержнем гражданского воспитания»* (Б.Т. Лихачев¹). Сохранили свое значение и некоторые мудрые советы об ориентирах патриотического воспитания: «Воспитание внуков начинается с бабушки» (английская пословица); «Лучшее средство привить детям любовь к отечеству состоит в том, чтобы эта любовь была у отцов» (Ш. Монтескье) и др.

Становление патриотического сознания – уровневый, поэтапный процесс: «Каждый человек, – по мнению советского писателя Ю.М. Полякова, – «проходит в своем духовном развитии, в поиске своего отношения к стране, в которой он родился и вырос, несколько этапов: сначала только я, потом я и Россия, потом Россия и я и, наконец, – в конечном счете, растворяется в своем Отечестве».

Требуют глубокого осмысления и понимания слова русского философа И.А. Ильина: *«Обретение родины должно быть пережито каждым из людей самостоятельно и само-бытно»*. Никто не может предписать другому человеку его Родину – ни воспитатели, ни друзья, ни государственная власть, ибо *любить и радоваться, и творить по предписанию невозможно»*. О негативном отношении к предписанному патриотизму сходную мысль высказал и немецкий поэт Г. Гейне: «Нам был предписан патриотизм, и мы стали патриотами, ибо мы делаем все, что нам приказывают наши государи».

О существующем противоречии в подходах наглядно говорят два близких по форме афоризма. Один принадлежит американскому президенту Дж. Кеннеди: «Не спрашивай, что твоя родина может сделать для тебя, – спроси, *что ты можешь сделать для своей родины»*. Другое – известному афористу М. Стейнбеку: «Не спрашивай, что ты можешь сделать для своей родины, – *тебе и так об этом напомнят»*. Если интерпретировать их социологически, то в первом случае проявляется *антропоцентристская* парадигма в социологии (от человека – к обществу), во втором – *социоцентристская* (от общества – к человеку). Пушкинское «Мой друг, Отчизне посвятим души прекрасные порывы!», Некрасовское «Иди в огонь за честь Отчизны, за убежденье, за любовь!» – как бы образное воплощение жизненных ориентиров личности в русле антропоцентристской парадигмы. Песенное «Раньше думай о Родине, а потом – о себе», «Жила бы страна родная и нету других забот» – социоцентристской парадигмы.

Парадоксально, но наиболее близкое к трактовке *интегративного* подхода понимание патриотизма можно найти у «государственника» Гегеля («патриотизм основывается на сознании абсолютного государства»): «готовность отдать своё достояние и жизнь ради целого в народе тем больше, чем больше отдельный человек может ради общего дела действовать по собственной воле и самостоятельно, и чем больше доверия испытывает он к государству». Менее философски, но более кратко эту же мысль высказал и русский художник Н.К. Рерих: «Защита Родины есть защита и своего достоинства».

Отметим и *несводимость патриотизма к его эмоционально-чувственной стороне*. В известном стихотворении К.Н. Батюшкова:

О, память сердца! Ты сильнее
Рассудка памяти печальной
И часто сладостью твоей
Меня в стране пленяешь дальной, –

разграничиваются «память сердца» и «память рассудка». Как верно отметил американский политический деятель Э. Стивенсон, «патриотизм – это *не взрыв эмоций*, а спокойная и прочная преданность, длящаяся на протяжении всей жизни человека». «Патриотизм не должен

¹ Лихачев Б.Т. Педагогика. Курс лекций. М., 1999. С.292.

ослеплять нас, – предупреждал и Н.М. Карамзин, – любовь к отечеству есть действие ясного рассудка, а не слепая страсть».

В понимании патриотизма связь Родина, Отечество – личность обычно выступает как обоюдная. Человек не только любит Родину, «мы ей обязаны нашими силами, и вдохновением, и радостями» (Л. Блок). «Любовь к собственному благу, – писал Н.М. Карамзин, – производит в нас любовь к отечеству, а личное самолюбие – гордость народную, которая служит опорой патриотизма».

Без Отчизны человеку невозможно жить, особенно это проявляется в личном плане – примечательны строки советского поэта С. Викулова:

И ты великодушная на диво.
Казни меня забвеньем, коль солгу...
И без меня ты можешь быть счастливой, –
Я без тебя, Россия, не могу.

Как близки к ним (и позволяют выйти на уровень обобщения, отвлекаясь от национальных особенностей) слова французского писателя XIX в. В. Гюго:

Как жить нельзя без хлеба,
Так без отчизны невозможно жить.

Более того, Родина как бы обобщает, интегрирует различные проявления любви. Об этом говорил еще Цицерон: «Нам дороги родители, дороги дети, близкие, родственники; но все представления о любви к чему-либо соединены в одном слове «отчизна». Какой честный человек станет колебаться умереть за нее, – если он может принести этим ей пользу?» А по ёмкой оценке К.Д. Ушинского, Родина – «общественный цемент», который «связывает людей в честное, дружное общество»¹.

Нередко в афоризмах и изречениях особенности национального патриотизма соотносятся с менталитетом той или иной нации. Так, английский политический деятель видел такую особенность своих соотечественников в сочетании традиций и инноваций («способность наливать новое вино в старые мехи»). В известном стихотворении Ф.И. Тютчева:

Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить.
У ней особенная стать,
– В Россию можно только верить»

подчеркивается уникальность исторического и духовного опыта России, его несравнимости с опытом других народов и стран и несводимости к нему. Менталитет русских – по Н.А. Бердяеву – бескорыстие, жертвенность, чувство справедливости, соответствие пейзажу русской земли – безграничность, бесформенность, устремленность в бесконечность, широта. Для Достоевского «высшая и самая резкая характеристика черт нашего народа – это чувство справедливости». «Русская душа, гений русского народа, – писал он, – может быть, наиболее способны из всех народов вместить в себя идею всечеловеческого единения, братской любви, трезвого взгляда, прощающего враждебное, различающего и извиняющего несходное, снимающего противоречия»².

Патриотизм как гражданственность – это не только любовь, но и исполнение гражданского долга, служение Отечеству («Жить – Родине служить»). В патриотизме сливаются воедино и нравственный долг человека («долг патриота сводится к тому, чтобы поддерживать свою страну и служить ей в национальной политике», суть которой – «проявлять свою мощь, преследовать свой национальный интерес», «нравственная обязанность настоящего патриота служить народу в Добре, или истинному благу народа», – писал русский философ В.С. Соловьёв), и цель его жизни («сделать как можно больше пользы моему Отечеству – вот единственная цель моей жизни, и к ней-то я должен направлять все свои способности» /К.Д. Ушинский/). И ныне актуальны и злободневны эмоциональные слова Н.В. Гоголя, об-

¹ Ушинский К.Д. Собр. соч., т.2 М.-Л., 1952, с. 431.

² Достоевский Ф.М. Дневник писателя: Избранные страницы. М., 1989. С.517.

ращенные «ко многим честным и даже весьма умным людям России», у которых в его времена зарождалась «близорукая мысль», «будто в теперешнее время они уже ничего не могут сделать для России, и будто они ей уже не нужны совсем»: «Нет, если вы действительно полюбите Россию, вы будете рваться служить ей».

«Патриот, – писал Н.Г. Чернышевский, – это человек, служащий родине, а родина – это, прежде всего, народ». В.С. Соловьев соотносит «добродетель патриотизма» с «ясным сознанием своих обязанностей по отношению к отечеству и верным их исполнением». А еще раньше Д.И. Фонвизин писал: «Ты должен посвятить Отечеству свой век, коль хочешь навсегда быть честный человек». Отчизне нужно посвятить не только «души прекрасные порывы» (А.С. Пушкин), но и дела. «Патриотизм, чей бы он ни был, доказывается не словом, а делом» – созвучны с этим и слова В.Г. Белинского. Поэтому столь значим в афоризмах и изречениях акцент на «живой, деятельный патриотизм» (Н.А. Добролюбов), когда речь идет о любви к Родине как «любви напористой, активной, страстной, неукротимой», а «не об отвлеченной, не о платонической любви» (М.И. Калинин)¹.

Патриотизм и гражданственность взаимосвязаны и в понимании: истинный патриот – законопослушный гражданин. По словам английского юмориста П. Уостхолма, «истинный патриот – это человек, который, заплатив штраф за неправильную парковку, радуется, что система действует эффективно».

«Сила патриотизма» рассматривалась советским писателем Л.М. Леоновым как «всегда пропорциональная количеству вложенного личного труда». При этом он жестко замечал, что «бродягам и тунеядцам всегда бывало чуждо чувство родины!» В афоризме венгерского общественного деятеля XIX в. Л. Кошута («Патриотизм есть источник жертвенности уже потому, что он не рассчитывает на вознаграждение, когда исполняет свой долг») подчеркнут иной аспект патриотизма как гражданского долга – жертвенность и бесребреничество.

Мысль о готовности пожертвовать жизнью («идти в огонь» – «Иди в огонь за честь Отчизны, за убеждение, за любовь...» /Н.А. Некрасов/) во имя Родины, Отчизны, Отечества лейтмотивом проходит через многие афоризмы и изречения. Их можно найти уже у древнегреческого поэта Тиртея («Биться мы стойко должны за детей и за землю родную, грудью удары встречать в сече, души не щадя»²) и римского поэта Горация («Радостно и почетно умереть за Отечество!»). В образной форме об этом писали: французский поэт Ш. Пеги («Блажен, кто пал в бою за плоть земли родную, Когда за правое он ополчился дело»³); грузинский поэт Ш. Руставели («Лучше гибель, но со славой, чем бесславных дней позор»); русские поэты Ф.Н. Глинка (в «Солдатской песне»:

«Вспомним, братцы, россов славу
И пойдем врагов разить!
Защитим свою Державу:
Лучше смерть, чем в рабстве жить!»)

и А.С. Пушкин («Воспоминания в Царском Селе»:

«Страшись, о рать иноплеменных!
России двинулись сыны,
Восстал и стар и млад, летят на дерзновенных.
Сердца их мщеньем зажжены,
Вострепещи, тиран!
Уж близок час паденья!
Ты в каждом ратнике узришь богатыря,
Их цель иль победить, иль пасть в пылу сраженья
За Русь, за святость алтаря!»).

¹ Калинин М.И. О молодежи. Избранные речи и статьи. М., 1975. С.191.

² Перевод Ф. Зелинского.

³ Перевод Б. Лившица.

Эту же мысль философски выразил и Гегель: «Истинное мужество просвещенных народов состоит в готовности к самопожертвованию во имя родины». Наконец, можно напомнить и слова «Пламенной» (Пасионарии) Д. Ибаррури («Лучше умереть стоя, чем жить на коленях»), и девиз Кубинской революции («Patria o muerte /«Патриа о муэрте»/ – «Родина или смерть»), и песню «Священная война» («Вставай страна огромная, Вставай на смертный бой /В. Лебедев-Кумач/). В известной мере обобщающим является понимание патриотизма русским общественным деятелем П.Б. Струве, соотносимым им с тем, чтобы каждый россиянин «чтил величие ее прошлого и чаял, требовал величия для ее будущего», чтобы самоотвержение «миллионов русских людей бестрепетно, безропотно и бескорыстно умиравших за Россию» были для него святыми.

Преклоняясь перед самоотверженностью этих людей, святостью их подвига во имя Родины, отметим и поставленную английским философом Б. Расселом дилемму патриотизма: «патриотизм – это готовность убивать и быть убитым по самым тривиальным причинам»; «патриоты всегда говорят о готовности умереть за отечество, и никогда – о готовности убивать за отечество». Афоризм президента США Т. Рузвельта отразил другую сторону проблемы: «Важно, чтобы ты был готов умереть за свою страну; но еще важнее, чтобы ты был *готов прожить жизнь ради нее*».

Лейтмотивом многих афоризмов и изречений о патриотизме является соотнесение любви к Отечеству и гордости за Отечество. Убедительно о том, что «гордиться славою своих предков, не только можно, но и должно», писал А.С. Пушкин, определявший «неуважение оной» как «постыдное малодушие». «Когда мы любим, гордимся отечеством, – говорил академик И.П. Павлов, – это значит, что мы гордимся его великими людьми, т.е. теми, которые сделали его сильным и уважаемым на исторической сцене». Гордостью за свою Родину было проникнуто обращение М.В. Ломоносова к молодежи:

О вы, которых ожидает
Отечество от недр своих
И видеть таковых желает,
Каких зовет от стран чужих,
О, ваши дни благословенны!
Дерзайте ныне ободренны
Раченьем вашим показать,
Что может собственных Платонов
И быстрых разумом Невтонов
Российская земля рождать.

От Гомера идет понимание «любить Родину» – значит защищать её: «Знаменье лучшее всех – за отечество храбро сражаться»¹. Эта линия продолжилась в ключевой фразе героя известного советского фильма «Офицеры» – «Есть такая профессия – Родину защищать», а в современной России – в названии государственного праздника «День защитника Отечества».

Патриотизм выражается не только в битвах с внешними врагами, но и в том, чтобы «высказывать смелое слово истины», что, по мнению К.Д.Ушинского, «бывает иногда гораздо опаснее, чем подставить лоб под вражескую пулю, которая авось пролетит и мимо»². Созвучна с ним и мысль римского историка Саллюстия о патриотическом долге общественного деятеля: «Прекрасно служение родине хорошими делами, но неплохо и служение ей хорошими речами». При этом «настоящий патриотизм не тот, который суется и чванится в торжественные минуты, а тот, который ежедневно и неутомимо заботится об общем благе и не бахвалится этим» (Л. Граф). Повседневный патриотизм важнее «праздничного».

Во многих афоризмах и изречениях объект патриотизма – Родина, Отечество – рассматривается в сравнении – в диапазоне от человечества до наций (народов) в многонациональном государстве. В соотнесении Родины и человечества проявляется несколько подходов.

¹ Перевод Н. Гнедича

² Ушинский К.Д. Собр. соч., Т.2. М.-Л., 1952. С.474.

- Всеобщая братская любовь – выше патриотизма: «Патриотизм – хорошее качество, гораздо лучшее, чем эгоизм, присущий индивидуалисту, но всеобщая братская любовь – выше патриотизма, и если они вступают в конфликт между собой, то предпочтение следует отдать братской любви» (английский писатель и ученый К.С. Льюис); «Стать настоящим русским, стать вполне русским, может быть, и значит только стать братом всех людей, всечеловеком, если хотите. О, все это славянофильство и западничество наше есть одно только великое недоразумение» (Ф.М. Достоевский)¹; «Моя родина – вселенная, весь род человеческий – мои братья, моя религия – творить добро» (американский просветитель Т. Пейн); «Умному весь мир Родина» (Чеченская пословица) и др.
- Подлинная любовь к Родине неотделима от любви к человечеству: «Без подлинной любви к человечеству нет подлинной любви к родине (А. Франс); «Наша истинная национальность – человек (Г. Уэллс); «Любовь к отечеству должна выходить из любви к человечеству, как частное из общего» (В.Г. Белинский); «Нравственная обязанность настоящего патриота – служить народу в человечестве и человечеству – в народе» (В.С. Соловьев); «Любовь к отечеству совместима с любовью ко всему миру» (К. Гельвеций);
- Но и «отрицание России во имя человечества есть ограбление человечества» (русский философ Н.А. Бердяев); «Кто не любит своего народа, тот не полюбит и чужого (Осетинский афоризм); «Кто не принадлежит своему отечеству, тот не принадлежит и человечеству» (В.Г. Белинский); «Ногами человек должен врасти в землю своей родины, но глаза его пусть обозревают весь мир» (американский философ Д. Сантаяна)
- Одновременно: «Осознанная любовь к своему народу не соединима с ненавистью к другим. Любя свой народ, свою семью, скорее будешь любить другие народы и другие семьи и людей. В каждом человеке существует общая настроенность на ненависть или на любовь, на отъединение себя от других или на признание чужого – не всякого чужого, конечно, а лучшего в чужом, — не отделяемая от умения заметить это лучшее. Поэтому ненависть к другим народам (шовинизм) рано или поздно переходит и на часть своего народа — хотя бы на тех, кто не признает национализма» (Д.С. Лихачев); «Человек, ненавидящий другой народ, не любит и свой собственный» (Н. Добролюбов);
- Более того, подлинный патриотизм побуждает бороться с дискриминацией и несправедливостью по отношению к другим нациям:
 «Есть русскость больше, чем по крови:
 Как перед нравственным судом,
 Проснувшись русским,
 При погроме себя почувствовать жидом» (Е. Евтушенко)
- Наконец, «тот, кто всюду живет, нигде не живет» (древнеримский поэт Марциал); «Чтобы быть интернационалистом, нужно сперва иметь родину» (французский писатель Ж. Дюамель);

Храня пристойный вид,
 Кто поумней, зовет себя: космополит.
 Я иначе людей подобных называю...
 Космополиты вы? прочь громкие слова!
 Всегда я презирал и ныне презираю
Бродяг, не помнящих родства! (А.М. Жемчужников)

- Отметим и шуточный афоризм российского писателя В.А. Шендеровича: «Мерить дюйм на свой аршин патриотично, но утомительно», ставящий фактически проблему *границ, пределов противопоставления патриотизма и космополитизма*.

Пожалуй, наиболее *противоречиво* выглядят оценки патриотизма в сравнении с национализмом.

Крайние полюса можно обозначить, с одной стороны, позицией Д.С. Лихачева: «Народы, в которых патриотизм не подменяется национальным «приобретательством», жадностью и

¹ Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. Л., 1980. Т. XXVI. С.147.

человеконенавистничеством национализма, живут в дружбе и мире со всеми народами. Можно только радоваться, живя в стране, где встречаются и сходятся самые различные народы – различные по обычаям, культурным традициям и национальному характеру... Истинный патриотизм в том, чтобы обогащать других, обогащаясь сам духовно. Национализм же, отгораживаясь стеной от других культур, губит свою собственную культуру, иссушает ее. Культура должна быть открытой. Несмотря на все уроки XX в., мы не научились по-настоящему различать патриотизм и национализм. Зло маскируется под добро. Если доминирует в человеке общая настроенность к восприятию чужих культур, то она неизбежно приводит его к ясному осознанию ценности своей собственной...»; «Национализм – это самое тяжелое из несчастий человеческого рода, как и всякое зло, оно скрывается, живет во тьме и только делает вид, что порождено любовью к своей стране. А порождено оно на самом деле злобой, ненавистью к другим народам и к той части своего собственного народа, которая не разделяет националистических взглядов. Национализм порождает неуверенность в самом себе, слабость, и сам, в свою очередь, порожден этим же»¹. Может быть, не столь ярко, но достаточно четко разграничивал патриотизм и национализм Президент Франции Ш. де Голль: «Патриотизм – это когда любовь к вашему народу стоит на первом месте. Национализм – это когда ненависть к другим народам стоит на первом месте». А известный ученый А. Эйнштейн рассматривал национализм как «детскую болезнь, корь человечества», т.е. то, что исторически преодолевается.

С другой, – словами русского писателя И.А. Ильина: «Национализм есть духовный огонь, возводящий человека к жертвенному служению, а народ к духовному расцвету».

Но и противопоставление патриотизма и национализма (более распространенное: «Мой патриотизм – это не замыкание на одной нации; он всеобъемлющ, и я готов отказаться от такого патриотизма, который строит благополучие одной нации на эксплуатации других» /индийский общественный деятель Махатма Ганди/; «Национализм не есть только естественная и элементарная любовь к своей Родине и своему народу, сознание исторической судьбы. Национализм есть прикрытая форма эгоцентризма, гордости и самомнения, чванства и бахвальства. Все, что признается грехом и пороком для отдельного человека, признается добродетелью для национального коллектива. Национализм пользуется элементарными инстинктами, но он есть уже рационализация, есть целая идеологическая доктрина» /Н.А. Бердяев/; «Эгоизм, корысть, самомнение, гордость, воля к могуществу, ненависть к другим, насилие – все делается добродетелью, когда переносится с личности на национальное целое. Для нации все дозволено, во имя ее можно совершать преступления с человеческой точки зрения... Национализм есть уже потенциальная война»²) и их отождествление связано с разным пониманием нации, что особенно важно для многонациональных стран. Поэтому столь важно прислушаться к предостережению А.И. Солженицина: «В странах многонациональных, как наша, национальный патриотизм есть составная и подкрепляющая часть общегражданского – и горе тому государству, где эти патриотизмы разошлись»³. А афорист Ж. Вольфрам заметил: «Я слишком горжусь своей страной, чтобы быть националистом».

Родина в афоризмах и изречениях нередко выступает и в иной плоскости – в соотношении со свободой и независимостью. В разной форме эта мысль высказывалась многократно: «Без свободы нет отечества» (французский филолог XIX в. Л. Бешерель); «Моя родина – там, где есть свобода» (американский просветитель Т. Джефферсон); «Родина не национальное и географическое понятие. Родина – это свобода!» (отечественный ученый и общественный деятель А.Д. Сахаров)⁴. Французский писатель А. Франс на основе данного критерия (свобода) даже разграничил Отечество и Родину: «Только свободный гражданин имеет отечество; раб, крепостной, подданный деспота имеют лишь родину». Близок подход французского пи-

¹ Лихачев Д.С. Избранное. Мысли о жизни, истории, культуре. М., 2006. <http://www.elbrusoid.org/content/vzglyad/p330368.shtml>

² Бердяев Н. О рабстве и свободе человека. Опыт персоналистической философии. М., 2001. 137-138.

³ Солженицын А.И. Россия в обвале. М., 1998. С.154.

⁴ Сахаров А.Д. Воспоминания//Знамя, 1991. №5. С.169.

сателя Ф. Шатобриана: «Когда свобода исчезла, остаётся еще страна, но отечества уже нет». А французский критик Э. Ален выделил «две добродетели гражданина» – сопротивление и послушание: «Послушание обеспечивает порядок; сопротивление обеспечивает свободу».

Особенно данный аспект получил развитие в изречениях философов и политических деятелей: «Нет отечества без благополучия; общество без справедливости содержит в себе лишь врагов; угнетенное общество заключает лишь угнетателей и рабов; рабы не могут быть гражданами; только свобода, собственность, безопасность делают отечество дорогим, и только любовь к отечеству создает гражданина»... «Гражданин может быть связан с обществом, с отечеством, со своими ближними только узами счастья; если узы эти разорваны, то он вправе считать себя свободным»¹ (П. Гольбах); «Не может быть свободен народ, угнетающий другие народы» (Ф. Энгельс).

Отношение к Родине связывается с тем, насколько свобода утверждается в ней («чем легче и вольнее живется на свете какому-нибудь народу, тем сильнее любит он свою Родину и свои учреждения» /русский критик Д.И. Писарев/), а рабство преодолено. И тут пламенный призыв итальянского революционера Дж. Мадзини («Родина – дом человека, а не дом раба») как бы перекликается с критикой русским писателем Н.Г. Чернышевским («Жалкая нация, нация рабов, сверху донизу – все рабы»)².

«Рабство» (как правило, оно понимается в широком смысле – угнетение, беспрекословное подчинение и т.д.) неприемлемо и в своем Отечестве, и – тем более – перед лицом внешней опасности «порабощения». Первый – внутренний аспект – отразился в приведенных выше словах Н.Г. Чернышевского. С ними созвучны строки русского поэта К.Н. Батюшкова:

Беда стране, где раб и льстец
Одни приближены к престолу,
А небом избранный певец
Молчит, потупя очи долу.

Второй – внешний – аспект ярко выразил Ф.Н. Глинка:

«Что лучше: жизнь, где узы плена,
Иль смерть, где росские знамена?
В героях быть или в рабах?»

И тут возникает еще один важный момент в понимании патриотизма как любви к Родине: сама эта любовь не должна быть «слепой»: «Нападки... на недостатки и пороки народности есть не преступление, а заслуга, есть истинный патриотизм» (В.Г. Белинский); «В недавнее время патриотизм состоял в восхвалении всего хорошего, что есть в отечестве; ныне уже этого недостаточно, чтобы быть патриотом» (Н.А. Добролюбов); «Любовь к Отечеству заключается, прежде всего, в глубоком, страстном и небесплодном желании ему добра и просвещения, в готовности нести ему на алтарь достояние и самую жизнь; в горячем сочувствии ко всему хорошему в нем и в благородном негодовании против того, что замедляет путь к совершенствованию... (Н.А. Некрасов); «Иметь родину – значит любить ее, но не тою любовью, которая знает о негодности своего предмета и потому, не веря в свою правоту и в себя, стыдится и себя и его; и вдруг выдыхается от «разочарования» или же под напором нового пристрастия» (И.А. Ильин)³.

Подлинная любовь к Отечеству несовместима со славословием («Иные так расхваливают свою страну, словно мечтают ее продать /афорист Ж. Петан⁴/). «Патриотизм требует, – писал русский философ В.С. Соловьев, – чтобы мы любили свой народ, а истинная любовь сочувствует действительным потребностям, сострадает действительным бедствиям тех, кого мы любим. Патриотизм требует, чтобы мы хотели действительно практически помочь своему народу в его бедах»⁵. Знаменателен и его вывод: «Я не могу служить как следует своему

¹ Гольбах П. Система природы или о законах мира физического и мира духовного. М., 1940. С.87, 177.

² Чернышевский Н.Г. Избранные сочинения. Т.5. М., 1932, С. 488.

³ Ильин И.А. Наши задачи. Волгоград, 1997. С.11.

⁴ Петан Ж. Афоризмы. Избранное. М., 2009.

⁵ Соловьев В.С. Национальный вопрос в России: Соч. в 2 т. Т.1. М.: Правда, 1989. — — С.286

Отечеству, если я при этом не служу истине и справедливости». Об этом же говорил в полемике со славянофилами А.И. Герцен: «Славянофилы... обвиняют своих противников в недостатке патриотизма и в том, что они мало любят народ... Они присваивают себе монополию на патриотизм, они считают себя более русскими, чем кто бы то ни было, они постоянно упрекают нас... за наши горькие и полные гнева речи, за откровенность, заключающуюся в том, что мы выставляем на свет темную сторону русской жизни. ...Да, это так, есть ненависть в нашей любви... мы не боимся высказать самые жестокие истины, но мы их говорим потому, что любим»¹. Диалектику такой любви отражает английское выражение: *my country – right or wrong* (Это – *моя* страна, права она или нет!)

И все-таки *нельзя*, – как подчеркивал в своей «Апологии сумасшедшего» русский общественный деятель П.Я. Чаадаев, – «любить свою родину с закрытыми глазами». И продолжал: «Мне чужд, признаюсь этот блаженный патриотизм, этот патриотизм лени, который приспособился видеть все в розовом свете... Я полагаю, что мы пришли после других для того, чтобы делать лучше их... Я предпочитаю бичевать свою Родину, предпочитаю огорчать ее, предпочитаю унижать ее, – только бы ее не обманывать». Истинный патриотизм предполагает и нападки «на недостатки и пороки народности». Это, – по словам В.Г. Белинского, – «есть не преступление, а заслуга, есть истинный патриотизм». У французского просветителя Ш. Монтескье подчеркнуто: «Каждый гражданин обязан умереть за отечество, но никто не обязан лгать ради него». Сходное желание «выстирать флаг, вместо того чтобы сжечь его» можно найти в афоризме американского пацифиста Т. Норманна. «Патриотизм – по мнению русского писателя А.И. Солженицына, – это цельное и настойчивое чувство любви к своей родине, с готовностью жертвовать ей, делить невзгоды, но со служением не угодливым, не поддержкою несправедливых притязаний, а откровенным в оценке ее пороков, грехов и в раскаянии за них»².

О том, насколько *сложно и противоречиво* такое чувство, убедительно говорят слова А.С. Пушкина: «Я, конечно, презираю отечество мое с головы до ног – но мне досадно, если иностранец разделяет со мной это чувство». И самое главное – нужно *разделить со своим народом его горести и беды*. Патриотизм – в понимании А.Н. Толстого, – это «сознание своей неотъемлемости от Родины и *неотъемлемое переживание вместе с ней ее счастливых и ее несчастных дней*». Или, – как написала о себе в «Реквиеме» А.А. Ахматова: «Я была тогда с моим народом, там, где мой народ, к несчастью, был».

Не может сын глядеть спокойно
На горе матери родной,
Не будет гражданин достойный
К отчизне холоден душой..., - писал Н.А. Некрасов.

Поэтому столь важно подчеркнуть выраженную во многих афоризмах и изречениях мысль: *истинная любовь к Отечеству – способность «полюбить слабую родину, униженную, больную, оскорбленную»* (русский писатель и философ В.В. Розанов), не бросить Родину в беде («Родная сторона и в несчастье мила»): «Счастливую и великую Россию любить – не велика вещь, мы ее должны любить именно тогда, когда она слаба, мала, унижена», – написал в свое время историк М.И. Ростовцев. «Россию любить нужно всегда, надо *любить ее и в шторм*», – писал уже в наше время советский писатель Б.Л. Васильев. Более того, «патриот тот, – по словам П.А. Павленко, – кто в самые трудные минуты для Родины берется за самые трудные дела». А афорист В. Грудев видит «разницу между теми, кто бежит из «этой страны», и теми, кто не бросит Родину в беде», в сравнении: «Когда корабль тонет, одни стараются *спасть*сь, а другие *спасти*».

С неприятием «любви с закрытыми глазами» и связана содержащаяся во многих афоризмах и изречениях *критика так называемого «квасного патриотизма»*: «Многие, – отмечал русский поэт П.А. Вяземский, – признают за патриотизм *безусловную похвалу всему, что свое*. Тюрго (французский государственный деятель XVIII в.) называл это *лакейским* пат-

¹ Герцен А.И. О развитии революционных идей в России. М., 1958. С.110.

² Солженицын А. Россия в обвале. М., 1998. С.152.

риотизмом... У нас можно бы его назвать *квасным патриотизмом*. «Берегитесь *тупого, нетерпимого, кичливого патриотизма*, потому что он часто бывает только предлогом для самых черных поступков, во всех, кроме земляков, видит только неприятелей, часто служит мнимым оправданием оскорбления человеческих прав и злоупотребления насилием по отношению к более слабым соседям или соотечественникам, присоединенным к другим нациям», – призывал и чешский философ и гуманист Я. Коллар. Близка к этому призыву и мысль В.Г. Белинского: «Патриотизм не должен превращаться в «китаизм», «который любит свое только за то, что оно свое, и ненавидит все чужое за то только, что оно чужое, и не нарадуется собственным безобразиями и уродствами»¹. Поэтому-то заявлять о своем патриотизме не значит быть истинным патриотом. А в афоризме В. Андреева отмечается и возможность массового воздействия такого «ура-патриотизма»:

«Патриотизм квасной не меньше нас хмелит:
Вам это каждый на трибуне объяснит!»²

Поэтому-то в афоризмах четко разграничивается *героический патриотизм* («Родина – мать, умей за нее постоять»; «Древняя и новая история народов не представляет нам ничего трогательнее этого *героического патриотизма*. Боевая слава была колыбелью народа русского, а победа – вестницей бытия его» /русский историк Н.М. Карамзин/) и *«героизм по команде»*. Именно к последнему обращены слова великого ученого А. Эйнштейна: «Те, кто радостно маршируют в строю под музыку... получили головной мозг по ошибке: для них и спинного было бы достаточно. Я настолько *ненавижу героизм по команде*, бессмысленную жестокость и весь отвратительный нонсенс того, что объединяется под словом «патриотизм», равно как презираю подлую войну, что скорее готов дать себя разорвать на куски, чем быть частью таких акций». Такой «патриотизм» связан с политиканством, когда политик, по словам афориста Т. Гинена, – *«человек, который пожертвует вашей жизнью за свою родину»*.

Наличие «квасного», «тупого, нетерпимого, кичливого» патриотизма объясняет известную трактовку С. Джонсона «патриотизм – последнее прибежище негодяя» (приводя эту фразу, американский писатель А. Бирс писал: «Мы берем на себя смелость назвать это прибежище первым»). В унисон звучат слова немецкого поэта Г. Гейне («Во все времена негодяи старались маскировать свои гнусные поступки преданностью интересам религии, морали и патриотизма») и английского писателя О. Уайльда («Патриотизм – это великое бешенство»). Развивая свою мысль Уайльд подчеркивал: «Патриотизм по сути своей агрессивен, а патриоты, как правило, – люди злые». Как бы переключаясь с ним, афорист Ж. Вольфрам заявлял: «У милитаризма нет родины». А английский драматург Б. Шоу считал: «Никогда не будет в мире покоя, пока вы не выколотите патриотизм из человеческого рода».

Наиболее глубоко такое критическое отношение к патриотизму выражено великим русским писателем Л.Н. Толстым³. По его оценке, *«для правителей патриотизм – орудие достижения властолюбивых целей. А для управляемых – рабское подчинение тем, кто у власти. Патриотизм есть рабство»*. Рассматривая распространенное официальное понимание «настоящего, хорошего патриотизма» – «желать своему народу или государству настоящих благ, таких, которые не нарушают благ других народов», Толстой подчеркивал, что «свойства истинных благ, будут ли это блага нравственные, научные, или даже прикладные, практические, по существу своему таковы, что они распространяются на всех людей». Этим и определялся его вывод: «желание таких благ кому бы то ни было не только не есть патриотизм, но исключает его». Аналогичной была и его контраргументация в отношении утверждений «защитников патриотизма», что «особенности каждого народа составляют необходимое условие прогресса человечества, и потому патриотизм, стремящийся к удержанию этих особенностей, есть хорошее и полезное чувство». Для Толстого же очевидно, что «не воображаемый,

¹ Белинский В.Г. Полн. собр. соч. Т.4. М., 1954. С.489.

² Андреев В. Афоризмы, фразы, умные мысли и изречения <http://www.fraznik.ru/aw/978.html>. Меткую характеристику квасного патриотизма дал В. Сумбатов: «Квасной патриотизм – это когда квасят носы за Родину» (Сумбатов В. С ума сошедшее. Афоризмы для умных и веселых. М., 2005).

³ Толстой Л.Н. Патриотизм и правительство // Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. в 90 тт. Т.90. М., 1958.

а действительный патриотизм, тот, который мы все знаем, под влиянием которого находится большинство людей нашего времени и от которого так жестоко страдает человечество», «есть очень определенное чувство предпочтения своего народа или государства всем другим народам или государствам, и потому желание этому народу или государству наибольшего благосостояния и могущества, которые могут быть приобретены и всегда приобретаются только в ущерб благосостоянию и могуществу других народов или государств». Поэтому патриотизм своего времени рассматривается им как «чувство неестественное, неразумное, вредное, причиняющее большую долю тех бедствий, от которых страдает человечество», которое служит «главным препятствием осуществлению сознаваемого уже людьми идеала братского единения народов». Именно против такого «патриотизма», «когда всякий народ считал возможным и справедливым, для своего блага и могущества, подвергать избиению и грабежу людей другого народа», направлен пафос русского мыслителя.

В русле такого подхода истинный патриот, – по словам В.С. Соловьёва, – «во всяком чужом племени и народности найдет положительную добрую сторону», для него «отчуждение своего народа от других, исключительное признание его добрым по преимуществу есть уже зло» и «на этом злом основании ничего, кроме зла, произойти не может».

Разведение «патриотизмов» со времен Английской и Французской буржуазных революций все чаще соотносится с социально-политическими моментами. Начинается и концептуальное становление теории «патриотизма». «Патриотическая идея, – указывал В.И. Ленин, – ведет свое происхождение еще от Великой революции XVIII века»¹. Лозунг Великой французской революции «Нет сословий – есть только граждане одной нации!» определял как путь к общенациональному патриотизму ликвидацию сословных различий.

В марксизме этот подход конкретизировался². Отвечая на упреки коммунистов, «будто они хотят отменить отечество, национальность», К. Маркс и Ф. Энгельс афористично писали: «Рабочие не имеют отечества. У них нельзя отнять то, чего у них нет»³. Рассматривая патриотизм через призму классовой борьбы и пролетарской революции, они прогнозировали: «В той же мере, в какой будет уничтожена эксплуатация одного индивидуума другим, уничтожена будет эксплуатация одной нации другой». Соответственно, по словам Ф. Энгельса, «подлинно национальные идеи» в рабочем движении рассматривались как «подлинно интернациональные». Обосновывался основной политический ориентир: «Необходимо сохранять истинно интернациональный дух, исключаящий возникновение какого бы то ни было патриотического шовинизма и радостно приветствующий всякий новый шаг в пролетарском движении, от какой бы нации он ни исходил».

Развивая идеи пролетарского интернационализма, В.И. Ленин писал: «Капитал есть сила международная». Чтобы ее победить, нужен международный союз рабочих, международное братство их». К. Либкнехт духе данного подхода подчеркивает антипатриотизм капитала: «Капитал не признает отечества, и при этом он тем менее патриотичен, чем больше заявляет о своем патриотизме». Об этом же говорят и мыслители, далекие от марксизма. По словам немецкого писателя Г. Манна, «тресты не знают родины», а французский писатель Ш. Шеншоль связывает это с тем, что «Родина для коммерсанта – это его карман» (по аналогии можно соотнести эти слова с потребительским отношением к Родине – «Где хорошо – там и Родина»⁴).

В.И. Ленин рассматривал Отечество как историческое понятие. Соответственно, конкретно-исторически представляла в его работах «защита Отечества». В предреволюционные

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.6. С.451.

² По логике нашего семантического анализа идеи марксизма (и их дальнейшее развитие в период революции, строительства социализма и ныне – на постсоциалистическом этапе) рассматриваются не в научном, теоретико-методологическом плане, а как идеи, многие годы функционировавшие (и даже – определявшие его) в общественном сознании.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.4. С.444.

⁴ С тем потребительским отношением, которым возмущался М.Е. Салтыков-Щедрин, писавший: «Отечеству надлежит служить, а не жрать его».

годы (особенно в период империалистической – Первой Мировой – войны) поражение России (точнее – царского самодержавия) считалось правомерным – как фактор, ускоряющий революцию. «Защита Отечества» соотносилась лишь с «освободительными войнами»: «Если во время войны речь идет о защите демократии или о борьбе против ига, угнетающего нацию, я нисколько не против такой войны и не боюсь слов «защита отечества», когда они относятся к этого рода войне или восстанию»¹.

После революции позиция изменилась и трансформировалась в «защиту социалистического Отечества»: «Ту Россию, которая освободилась, которая... выстрадала свою советскую революцию, эту Россию мы будем защищать до последней капли крови!» На этой основе развивалась идея советского патриотизма, суть которой в словах М.И. Калинина: «Необходимым составным элементом коммунистического воспитания является также развитие любви к Родине, к социалистической Родине, развитие советского патриотизма».

Ныне, как можно судить по взглядам Г.А. Зюганова, возрождение социализма коммунисты связывают с возрождением патриотизма: в духе слогана: «Патриотизм и социализм неразделимы»². При этом подчеркивается «готовность к сотрудничеству со всеми, кто любит Россию». Россия видится как «общий дом для множества народов и языков, культур и верований».

Важный семантический аспект анализа патриотизма связан с понятием «государственный патриотизм», смысл которого философски выразил Гегель: «Под патриотизмом часто понимают лишь готовность к чрезвычайным жертвам и поступкам. Но по существу он представляет собой умонастроение, которое в обычном состоянии и обычных жизненных условиях привыкло знать государство как субстанциальную основу и цель. Это сознание, сохраняющееся в обычной жизни и при всех обстоятельствах, и есть то, что становится основой для готовности к чрезвычайному напряжению». Позднее – у русского философа И.А. Ильина – речь идет патриотизме государственной формы: «Советский патриотизм» есть нечто извращенное и нелепое. Это есть патриотизм государственной формы. «Советский патриот» предан не своему настоящему Отечеству (России) и не своему народу (русскому народу). Он предан той советской форме, в которой Россия страдает и унижается вот уже тридцать лет; он предан той партийно-коммунистической «Советчине», которая гнетет и вымаривает русский народ с самого начала революции. «Советский патриот» предан власти, а не родине; режиму, а не народу; партии, а не отечеству. Не останавливаясь на правомерности и обоснованности критики Ильиным «советского патриотизма», подчеркнем – в рамках семантического анализа патриотизма – осуществленного им разграничения «власти» и «Родины», «режима» и «народа», «партии» и «Отечества». Бразильский дипломат С. Паранос призывал своих коллег «служить не тому или иному режиму, а своей родине». У русского писателя М.Е. Салтыкова-Щедрина можно найти и требование: не путать и не смешивать разные понятия – «Отечество» и «Ваше превосходительство».

В русле данного разграничения можно рассматривать и критические строки русского философа Г.П. Федотова в адрес русской предреволюционной интеллигенции (точнее – по автору – «ее господствовавшего западнического крыла»), что ей «национальная идея была отвратительна своей исторической связью с самодержавной властью». Все национальное отзывалось реакцией, вызывало ассоциацию насилия или официальной лжи. Для целых поколений «патриот» было бранное слово. ... Народ потерял сознание нужности России. Ему уже ничего не жаль: ни Белоруссии, ни Украины, ни Кавказа. Пусть берут, делят, кто хочет. «Мы рязанские. Таков итог векового выветривания национального сознания»³.

Соответственно важно учесть и нередко высказываемое в афоризмах и изречениях мнение, четко выраженное Н.А. Бердяевым: «Судьба России бесконечно дороже судьбы классов»

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.30. С.262.

² См., например, Зюганов Г. Душа и стяг. Патриотизм и социализм неразделимы // Советская Россия, 1999. 28 октября.

³ Федотов Г.П. Будет ли существовать Россия? // О России и русской философской культуре. М., 1990. С.452.

и партий, доктрин и учений». По его словам, «наша любовь всегда должна быть сильнее нашей ненависти. Нужно любить Россию и русский народ больше, чем ненавидеть революцию и большевиков». Сходна и позиция В.С. Соловьева: «Люди, заявляющие свою веру в Россию и свою любовь к русскому народу... должны оставить всякую междоусобную брань и травлю и понять, наконец, что в России теперь может быть только два лагеря: лагерь людей, желающих действительно помочь народу в его действительной беде и лагерь людей равнодушных или враждебных этому делу»¹. Не менее страстный призыв подняться над «политическими страстями» содержится в словах другого русского философа С.Л. Франка: «В пылу политических страстей ... в этом туманящем чаду..., мы невольно отрекаемся от несчастной матери (родины). Мы выставляем напоказ ее позор, мы стараемся даже преувеличить ее скорби и глубину ее нравственного падения... Мы взваливаем на других и на нее самое ту ответственность за ее грехи и несчастья, которая одинаково лежит на всех нас, ее детях»².

В разнообразии указанных мнений, отметим и изречение русского философа и общественного деятеля П.Б. Струве, частично уже цитировавшееся выше: «России безразлично, веришь ли ты в социализм, в республику или в общину, но ей важно, чтобы ты *чтил величие ее прошлого и чаял, требовал величия для ее будущего*, чтобы благочестие Сергия Радонежского, патриотизм Петра Великого, геройство Суворова, поэзия Пушкина, Гоголя и Толстого, самоотвержение Нахимова, Корнилова и всех миллионов русских людей бестрепетно, безропотно и бескорыстно умиравших за Россию, были для тебя святыми. Ибо ими, этими святынями, творилась и поддерживалась Россия как живая соборная личность и как духовная сила, Ими, их духом и мощью мы только и можем возродить Россию». Оно значимо и тем, что соотносит патриотизм с уважением к прошлому своего Отечества и верой в её будущее, внося в его понимание *темпоральный смысл*.

Историческая память – неотъемлемый компонент патриотизма. Это связано уже с важной (не только научной, но и шире – гуманистической) ролью истории. «Уважение к минувшему, – по словам А.С. Пушкин, – вот черта, отличающая образованность от дикости». Как писал историк В.О. Ключевский: «Без знания истории мы должны признать себя случайными, не знающими, как и зачем мы пришли в мир, как и для чего в нем живем, как и к чему должны стремиться». Развивая эту мысль применительно к соотечественникам, ученый полагал, что «каждый из нас должен быть хоть немного историком, чтобы стать сознательно и добросовестно действующим гражданином»³. «Знание прошлого Отечества, – отмечал советский писатель В.С. Пикуль, – делает человека богаче духом, тверже характером и сильнее разумом... Патриотизм – страстное до ярости чувство своей огромной Родины, за которую человек готов драться и отдать жизнь». Советский писатель Ф.А. Абрамов даже считал, что «народ умирает, когда становится населением. А населением он становится тогда, когда *забывает свою историю*».

Многое, конечно, зависит от характера самой истории как науки, от того, насколько она реально является, по словам французского историка М. Блока, «наукой о людях во времени». Существенно и то, реализует ли историк те требования, которые предъявлял своим коллегам (и современным ему, и будущим) Н.М. Карамзин⁴: «Историк должен ликовать и горевать со своим народом. Он не должен, руководимый пристрастием, искажать факты, преувеличивать счастье или умалять в своём изложении бедствия; он должен быть прежде всего правдив; но может, и даже должен неприятное, всё позорное в истории своего народа передавать с грустью, а в том, что приносит честь, о победах, о цветущем состоянии говорить с радостью и энтузиазмом. Только таким образом может он сделаться национальным бытописателем, чем, прежде всего, должен быть историк».

Историческое прошлое значимо уже определенным опытом, позволяющим избегать ошибок. «Почему люди так любят изучать свое прошлое, свою историю? – Ставил вопрос

¹ Соловьев В.С. Народная беда и общественная помощь: Соч. в 2 т. – М.: Правда, 1989. – Т.2. – С.383

² Франк С.Л. Крушение кумиров: Соч. М., 1990. С.164.

³ Ключевский В.О. Соч.: В 9 т. М., 1987. Т. 1. С. 62.

⁴ Карамзин Н.М. Соч. Л., 1984. Т. 2. С. 49-50.

В.О. Ключевский и отвечал, – Вероятно, потому же, почему человек, споткнувшись с разбега, любит, поднявшись, оглянуться на место своего падения»¹. Именно в этом смысле французский историк Л. Февр определяет историю как «науку о прошлом и науку о будущем». Надпись на колонне у входа в Национальный архив США гласит: «У того, кто не помнит своего прошлого, не будет будущего». А американский писатель У. Фолкнер справедливо заметил: «Прошлое не умерло, оно даже не прошло». Во многих афоризмах подчеркивается необходимость *помнить прошлое, изучать историю*: «Мы вопрошаем и допрашиваем прошедшее, чтобы оно объяснило нам наше настоящее и намекнуло нам о нашем будущем» (В.Г. Белинский); «Кто не помнит своего прошлого, обречен пережить его снова» (американский философ Дж. Сантаяна); «Прошедшее нужно знать не потому, что оно прошло, а потому, что, уходя, не умело убрать своих последствий» (В.О. Ключевский).

В *ракурсе патриотизма* проблема *прошлого* предстает в ряде аспектов. С одной стороны, речь может идти о *социальной ностальгии по прошлому*². Как писал Г. Гейне, «прошлое – родина души человека. Иногда нами овладевает тоска по чувствам, которые мы некогда испытывали. Даже тоска по былой скорби». «Прошлое, хранящееся в памяти, – отмечал польский философ Т. Котарбиньский, есть часть настоящего». С другой стороны, патриотическое чувство уважения к предкам порождает *нежелание «иметь другую историю»*, что в свое время прекрасно выразил А.С. Пушкин: «Я далеко не восторгаюсь всем, что вижу вокруг себя... но клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество или иметь другую историю, кроме истории наших предков, такой, какой нам Бог ее дал»³. *Отечество* в этом плане – это и *страна, созданная нашими предками*. Поэтому-то – по словам римского историка Тацита – «патриотизм – это соревнование с предками». К тому же учтем и меткое высказывание польского ученого Л. Гиршфельда о разном восприятии времени на Родине и на чужбине: «На родине у тебя и прошлое и будущее. В чужом краю – одно лишь настоящее».

Прошлое неразрывно связано с настоящим и будущим. Отражая эту взаимосвязь, христианский философ Августин Блаженный писал: «Неточно выражаются о трех временах, когда говорят: прошедшее, настоящее и будущее, а было бы точнее, кажется, выразиться так: настоящее прошедшего, настоящее будущего»⁴.

Само по себе прошлое изменить нельзя: «Прошедшее – это тоже вид бытия, и, быть может, самый надежный. Прошедшего не вернуть. Неузвимо и неизбежно то, что уже произошло»⁵. И все-таки значимость прошлого открывает *возможности манипулировать им, исказить его, использовать это искажение в своих целях*. О такой возможности и говорится в ряде афоризмов: «Людей и народы заставляют делать выводы из былого; между тем лишь то, что будет, что предстоит сделать сейчас, объяснит нам, что собственно, было и какое имело значение» (польский афорист К. Ижиковский); «Кто управляет прошлым, тот управляет будущим; *кто управляет настоящим, тот управляет прошлым*» (Дж. Оруэлл).

Несмотря на то, что *стремление переписать историю и безнравственно* («Суд потомства плох уже тем, что рассматривает дело в отсутствие потерпевшего», – писал отечественный афорист Э. Кроткий), и *не очень прагматично* (как предупреждал английский политик У. Черчилль: «Если мы будем сражаться с прошлым, мы потеряем будущее»)⁶, «сражение с прошлым» и в исторической науке, и в политической практике устранить не удастся. Отмеченное А.И. Герценом («Русское правительство, как обратное провидение, устраивает к лучшему не будущее, а прошлое») относится – как показывает история – *не только к «русскому», не только к «дореволюционному» правительству, да и не только к «правительству»*.

¹ Ключевский В.О. Соч. в 9 т. Т. IX. М., 1990. С. 390.

² В данном случае представляется удачным понимание социальной ностальгии как «создаваемого post factum мифа об общественном строе, общественных отношениях, образе жизни, идеалах и целях, свойственных прошлому» (Зборовский Г.Е., Широкова Е.А. Социальная ностальгия: к исследованию феномена // Социс. 2001. №8. С.32)

³ Переписка А.С. Пушкина. М., 1982. Т. 2. С. 290.

⁴ Антология мировой философии в 4 т. Т.1. Ч.2. М., 1969. С.587.

⁵ Франкл В. Человек в поисках смысла. М., 1990. С.164.

⁶ <http://www.dergachev.ru/doklad/>.

Пересмотр истории выступает питательной средой национализма. Национализм в этом смысле и есть – готовность пересматривать историю, «прошлое»: «Всякого националиста преследует мысль, что прошлое можно – и должно – изменить (Дж. Оруэлл).

Соответственно крайне важно реализовать принцип, обоснованный английским историком Т. Маколеем: «Правители должны не обвинять людей в отсутствии патриотизма, а сделать все от себя зависящее, чтобы они стали патриотами». И начинать нужно с *исторической правды о прошлом*, каким бы драматическим и трагическим оно не было. Но было бы легкомысленно представлять, что утвердить такой – объективный – подход к истории просто, что достаточно этого только захотеть. Как предупреждал американский философ К. Льюис сформировать его крайне трудно, хотя и важно: «Вторая разновидность патриотизма – особое отношение к прошлому своей страны. Я имею в виду прошлое, которое живет в народном сознании, великие деяния предков. Марафон, Ватерлоо. Прошлое это и налагает обязательства и как бы дает гарантию. Мы не вправе изменить высоким образцам; но мы ведь потомки тех, великих, и потому как-то получается, что мы и не можем образцам изменить. Это чувство не так безопасно. Истинная история любой страны кишит постыднейшими фактами. Если мы сочтем, что великие деяния для нее типичны, мы ошибемся и станем легкой добычей для людей, которые любят открывать другим глаза. Когда мы узнаем об истории больше, патриотизм наш рухнет и сменится злым цинизмом или мы нарочно откажемся видеть правду. И все же, что ни говори, именно такой патриотизм помогает многим людям вести себя гораздо лучше в трудную минуту, чем они вели бы себя без него».

Одновременно нельзя и постоянно *«бежать от настоящего в прошлое»*, игнорировать то, что «последняя страница истории – это современность»¹ (А.И. Герцен), подменять решение современных проблем постоянным обращением к тем или иным историческим событиям или периодам.

Наконец, важная сторона патриотизма – его *устремленность в будущее*. И дело не только в том, чтобы вслед за В.В. Маяковским «трижды славить» «Отечество, которое будет» или вновь возрождать пропагандистские иллюзии о «светлом будущем». Самое главное – сформировать у новых поколений стремление собственными делами созидать свое будущее.

В заключение вновь обратимся к историческому опыту, в частности, к идеям русских философов начала XX в. Сравнивая историю и современную ему Россию, Г.П. Федотов приходил к выводу: «Наша традиция богата и славна, но она *затылилась, потускнела в сознании последних поколений*. Для одних затмилась прелестями Запада, для других – официальным и ложным образом России²». Об «угасшем в народе патриотизме» писал и П.Б. Струве. При этом он подчеркивал «необходимость напрячь все усилия для того, чтобы зажечь и организовать» патриотизм. В том, что в «страшную и трагическую минуту русской истории» (эти строки писались в конце сентября 1917 г.) «Россию может спасти лишь патриотический подъем, лишь исключительное напряжение национального духа», был уверен и Н.А. Бердяев, хотя с глубокой озабоченностью отмечал: «Но порыва этого у нас нет, есть лишь призывы к нему и слова о нем».

Между этими словами и современностью – почти сто лет. Понимаем, что применение метода аналогии в истории (да и в любой серьезной науке) весьма ограничен. И все-таки, если «история учит» (и не только тому, что она «ничему не учит»), хотелось бы надеяться: подлинное вождение России неотделимо от «патриотического подъема»

Ю.Р. Вишневский, В.А. Ружа

Историческая память и память о войне в общественном сознании

Президент РФ Д.А. Медведев считает, что память о Великой Отечественной войне очень важна в наши дни и новые поколения наших граждан обязаны знать, сколько крови и слез

¹ Герцен А.И. О развитии революционных идей в России. М., 1958. С.110.

² Федотов Г.П. Будет ли существовать Россия // О России и русской философской культуре. М., 1990. С.456 – 457

было пролито в этот период¹. Обращаясь к тем, кому сегодня нет и 20, он продолжает: «Когда-то Василий Ключевский довольно точно сказал, что история ничему не учит, а только наказывает за незнание своих уроков. Поэтому очень важно не просто интересоваться историей – надо знать её. И не для того, чтобы блеснуть эрудицией в какой-то компании. Это нужно, прежде всего, для вашего будущего, а стало быть, для будущего нашей страны. Мы должны сохранить историческую память – нашу с вами память»².

Невероятно, но факт: только 51% россиян считает, что нападение Германии на СССР 22 июня 1941 г. было неожиданным для руководства Советского Союза. Противоположного мнения придерживаются 40% респондентов. Уже 16% считают, что в это время руководство СССР само планировало нападение на Германию. Всего 51% респондентов считает, что победа в Великой Отечественной войне – это «только наша победа», а 45% – что это – «победа всех сил антигитлеровской коалиции». Отвечая на вопрос, «на ком, по вашему мнению, лежит основная ответственность за многомиллионные потери в этой войне?», 30% назвали Сталина. Лишь 28% россиян считают, что ответственность лежит только на немецкой стороне³. Наивно полагать, что через 5 лет такой же опрос выдаст более радужные результаты.

Так что же такое историческая память? Каковы свойства исторической, коллективной и индивидуальной памяти. Как с годами угасает память о войне? Помнит ли молодежь о войне? Что помнит, победы или поражения, славу или позор? Из каких источников черпает знания? Нужно ли помнить о войне? Ведь про Первую мировую, Февральскую, Октябрьскую революции и Гражданскую войну почти не вспоминают. Так, если в 1989 г. Октябрьскую революцию относили к главным событиям века 62% россиян (2-е порядковое место после Победы в Великой Отечественной войне), то в 2003 г. – 40% (4-е место)⁴. Тем самым, мы отчетливо видим и смену поколений во власти и в обществе, что выражается и в реструктуризации исторического времени.

«Одна из величайших основ, на которых зиждется культура, – память. В созидании культуры участвуют многие поколения людей». «Память вовсе не механистична. Это важнейший творческий процесс: именно процесс и именно творческий».

Д.С. Лихачев

В последнее десятилетие среди огромного количества проблем, волнующих российское общество, появилась проблема исторической памяти, как специфического феномена общественного сознания и поведения людей. Можно перечислить большое количество ученых начиная с Аристотеля занимавшихся и занимающихся проблемами памяти. Среди них зарубежные ученые Дж. Арден, Я. Ассман, П. Гири, Ф. Йейтс, Дж. Килстром, П. Нора, П. Рикёр, С. Роуз, М. Хальбвакс и отечественные – Ю.А. Арнаутова, П.К. Анохин, И.С. Бериташвили, Б.В. Дубин, С.Н. Зенкин, А.Р. Лурия, С.В. Месяц, Ж.И. Резникова, М. С. Роговин, Б. Я. Рябко, И.К. Стаф, Ж.Т. Тощенко, М.В. Шенцев и др.

По мнению Ж.Т. Тощенко, историческое сознание представляет собой совокупность идей, взглядов, представлений, чувств, настроений, отражающих восприятие и оценку прошлого во всем его многообразии, присущим и характерном как для общества в целом, так и для различных социально-демографических, социально-профессиональных и этносоциальных групп, а также отдельных людей. Оно впитывает в себя различную информацию (систематизированную и несистематизированную) через систему образования, семью, окружающих, через средства массовой информации, художественную литературу и т.п. Историческая память⁵ является выражением процесса организации, сохранения и воспроизводства прошло-

¹ Медведев Д.А. Выступление на приёме по случаю 64-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://news.kremlin.ru/transcripts/4016>.

² Медведев Д.А. 7 мая 2009. О Великой Отечественной войне, исторической истине и о нашей памяти. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://blog.kremlin.ru>.

³ Бобров А. Июнь с мечтой и мятой // Советская Россия. 2010. 29 июня.

⁴ Дубин Б.В. Память, война, память о войне. Конструирование прошлого в социальной практике последних десятилетий. Отечественные записки, 2008, № 4 (43). С. 6-21.

⁵ Тощенко Ж.Т. Историческое сознание и историческая память. Анализ современного состояния // Новая и новейшая история. 2000. № 4. С.93.

го опыта народа, страны, государства для возможного его использования в деятельности людей или для возвращения его влияния в сферу общественного сознания.

Историческая память – важный компонент исторического сознания, которое выступает как «совокупность транслируемых от поколения к поколению знаний и представлений, ценностей и символов, идей и убеждений, верований и обычаев, традиций, норм и правил поведения. Оно образует ядро этнической и культурной самоидентификации людей, оказывающей существенное влияние на регуляцию поведения индивидов, коллективов, социальных групп и сословий, этносов и общества в целом»¹.

Особого внимания в последнее время заслуживают идеи М. Хальбвакса, французского философа, социолога, социального психолога. В своей работе «Социальные рамки памяти» автор основную идею выразил следующим образом. «Существует коллективная память и индивидуальные рамки памяти (для анализа памяти автор использовал понятие «рамки»), и наше индивидуальное мышление способно к воспоминанию постольку, поскольку оно заключено в этих рамках и участвует в этой памяти»². Вот основные мысли М.Хальбвакса:

- Память индивидов и групп социально детерминирована.
- Воспоминания всегда являются реконструкцией³.
- Прошлое не сохраняется неизменным в памяти индивидов⁴.
- Прежде чем вызывать в памяти воспоминания, мы их проговариваем⁵.
- Воспоминания со временем изменяются⁶.
- Воспоминание может и не сохраняться⁷.
- Коллективная память имеет исторический характер: «история не просто воспроизводит рассказы современников о событиях прошлого, но время от времени и подправляет их – не только потому, что располагает другими свидетельствами, но и с тем, чтобы приспособить их к приёмам мышления и репрезентации, свойственным нынешним людям»⁸.
- В эпохи социальных потрясений и переворотов коллективное сознание особенно часто и активно обращается к памяти о прошлом.

Мы видим ценность работы М. Хальбвакса в привлечении внимания к тому факту, что память складывается в неоднородном, исторически возникшем и фрагментарном пространстве общества. При этом «память о прошлом и формируется, и деформируется одновременно, и науки об обществе должны принимать во внимание этот двойной процесс – как минимум, делая поправку на его искажающее воздействие, а также исследуя законы его протекания»⁹.

Комментируя взгляды и мысли М. Хальбвакса, И.К. Стаф указывает, что память не только представляет собой систему, где образы прошлого связаны ассоциативными отношениями, но и, что важнее всего, отражает отношения между людьми, т.е. опять-таки носит социальный характер¹⁰.

¹ Бойков В.Э., Меркушин В.И. Историческое сознание в современном российском обществе: состояние и тенденции формирования / Историческая память в массовом сознании российского общества (Результаты социологического мониторинга) // Социология власти. 2003. №2. С.11.

² Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М., 2007. С.28-29.

³ Там же. С.56.

⁴ Там же. С.325-326.

⁵ Там же. По поводу этого наблюдения И.К. Стаф замечает: «Вероятно, с точки зрения современных, прежде всего электронных технологий этот вывод французского социолога нуждается в ряде уточнений: ... сегодня в обществе снижается роль вербальных форм обмена информацией, а их место постепенно занимают зрительные образы» (Стаф И.К. Чужая память? // Отечественные записки. 2008. № 43. С.24).

⁶ Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М., 2007. С.127.

⁷ Там же. С.129.

⁸ Там же. С.209.

⁹ Зенкин С.Н. Морис Хальбвакс и современные гуманитарные науки // Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М., 2007. С.24.

¹⁰ Стаф И.К. Чужая память? // Отечественные записки. 2008. № 43. С.24.

Дубин Б.В., анализируя работу М.Хальбвакса, делает следующие выводы¹:

- Память имеет социальное (коллективное) измерение.
- Память не только формируют и поддерживают, но деятельно и непрестанно конструируют и реконструируют социальные институты и группы (семья, церковь, социальные классы).
- Коллективная память носит принудительный, обязательный (нормативный) характер².
- Памяти как относящейся «исключительно к прошлому» противостоит рассудок, исходящий «из настоящего»: «В этом смысле память функционирует только под контролем рассудка».
- Работа памяти имеет вид восстановления временной последовательности («программы опыта»), продолжения прошлого настоящим.
- Идет переструктурирование культурного времени: роль главного события и, одновременно, начала новейшей истории теперь принимают на себя Великая война и Великая Победа.
- Течение времени, и смена поколений ставят общество перед проблемой передачи памяти от «живых свидетелей» (ветеранов) к «наследникам», принимающим образ прошлого, которое не было пережито ими в качестве собственного настоящего и может быть усвоено только символически, через посредство символов.
- Монополизация памяти государством. Новый образ войны и победы распространяется в социокультурном пространстве: идет характерная для империй трансляция ключевых символов и значений на периферию. Это относится к званию «город-герой» и строительству мемориалов в таких городах, переносу в них Вечного огня и т.п.³

Каковы же на наш взгляд свойства исторической памяти?

1. Она не только актуализирована, но и избирательна – она нередко делает акценты на отдельные исторические события, игнорируя другие. В этой ситуации историческая память нередко персонифицируется, и через оценку деятельности конкретных исторических личностей формируются впечатления, суждения, мнения о том, что же представляет особую ценность для сознания и поведения человека в данный период времени. Так, в период нахождения у власти Н.С. Хрущева был в забвении Маршал Победы Г.К. Жуков. В период руководства Л.И. Брежнева, М.С. Горбачева и Б.Н. Ельцина не раз происходила его переоценка. Сегодня для молодежи фамилия И.В. Сталина как великого руководителя государства и полководца уже мало о чем говорит. Его больше вспоминают как тирана, уничтожившего миллионы людей. Различных войн и военных конфликтов в истории российского народа с начала XX в. было множество... Однако в памяти народной остались далеко не все из них, а наиболее трагичные: Великая Отечественная война, война в Афганистане, Чеченские события.

Исследователи исторического сознания россиян выделяют и другой аспект избирательности. По данным В.Э. Бойкова, например, практически белым пятном в исторической памяти людей является история народов, проживающих в России, история республик, краев и областей в составе Российской Федерации, история наций или народов, представителями которых являются респонденты. По самооценкам опрошенных, только 29% из них достаточно хорошо знают историю русского народа; от 6 до 9% – историю украинского, белорусского, еврейского и других народов. Практически единицы заявили, что хорошо знают историю народов По-

¹ Дубин Б.В. Память, война, память о войне. Конструирование прошлого в социальной практике последних десятилетий // Отечественные записки, 2008, № 4 (43). С. 6-21.

² Близка к этому идея Э. Дюркгейм о «коллективных представлениях»: «В сущности, это самое существенное в понятии социального принуждения. Все, что оно в себе заключает – это то, что коллективные способы действия или мышления существуют реально вне индивидов, которые постоянно к ним приспосабливаются. Это вещи, обладающие своим собственным существованием» (Дюркгейм Э. Метод социологии // Социология. Ее предмет, метод, предназначение. М., 1995. С. 20).

³ По этому поводу Президент РФ Медведев Д.А. говорит: «прошло уже 65 лет, но в российских городах по-прежнему ярко горит Вечный огонь – символ нашей жизни, символ нашей памяти о героическом прошлом. И год от года таких памятников становится не меньше, а больше. И это особенно радостно» (Медведев Д.А. Выступление на приеме по случаю 65-летия Победы в Великой Отечественной войне. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/transcripts/7688>).

волжья, Севера, Сибири и Дальнего Востока, Северного Кавказа и Закавказья. Наконец, только половина опрошенных знают историю городов, поселков и сел, в которых живут¹.

2. Историческая память, несмотря на определенную неполноту, способна удерживать в сознании людей основные исторические события прошлого вплоть до превращения исторического знания в различные формы мировоззренческого восприятия прошлого опыта, его фиксации в легендах, сказках, преданиях.

3. Намеренное преувеличение исторической памяти, гиперболизация отдельных моментов исторического прошлого.

4. При оценке событий XX в., срабатывает краткосрочная историческая память, когда многие ее реальные участники еще живы и события истории еще являются частью личной жизни человека и поэтому не избавлены от индивидуального их восприятия, их специфического понимания и объяснения. На это восприятие накладывают отпечаток официальные и полуофициальные трактовки событий, литературные и бытовые оценки деятельности государственных и общественных деятелей, причем многие из них многократно пересматривались применительно к происходящим изменениям в политической жизни страны. Но очевидно, что попытки воздействовать на историческую память в угоду политическим и идеологическим интересам, изменить историческое сознание по большому счету не удаются.

Интересующий нас феномен Великой Отечественной войны сегодня продолжает очень высоко оцениваться исторической памятью. Президент РФ Медведев Д.А., говоря о Великой Отечественной войне, исторической истине и о нашей памяти, подчеркивает: «В жизни каждого из нас есть праздники и памятные даты, которые имеют особое значение. А есть такие случаи, когда стирается грань, когда личное становится общим, общее воспринимается как очень близкое, очень личное. 9 Мая, День Победы, – это тот самый пример такого праздника. Это наш общий праздник, праздник каждого из нас, праздник всех российских семей. Естественно, у каждого из нас есть и собственное отношение к этому празднику. И, как правило, это связано с нашими близкими родственниками, дедами, прадедами, которые воевали, прошли через горнило войны»².

Великая Отечественная война оценивается исторической памятью как наиболее значимое явление по следующим причинам³:

- Эта память связана с историей каждой семьи, т.к. это событие затронуло самые существенные и сокровенные стороны в личной жизни людей.
- Великая Победа определила не только будущее нашей страны, но и всего мира и поэтому его оценка базируется не только на осознаваемом, но и на интуитивном признании роли этой войны в истории всего человечества.
- Война стала «символом, который выступает... важным элементом позитивной коллективной идентификации, точкой отсчета, мерилom, задающим определенную оптику оценки прошедшего и отчасти понимания настоящего и будущего».

В социологических исследованиях начала 1990-х гг. Великая Отечественная война признается важнейшим событием XX в., занимая первое место (57% опрошенных) по сравнению с Октябрьской революцией (второе место, 50%). Этот порядок не изменился в оценке этих событий в последующие годы, несмотря на огромные общественные сдвиги в политическом и экономическом устройстве страны, что лишний раз подтверждает, что нет автоматизма влияния общественного бытия на общественное сознание. Исследования Всероссийского центра исследования общественного мнения (ВЦИОМ), охватившие по репрезентативной выборке все население России, показали, что в 1989 г. самым выдающимся событием XX в.

¹ Бойков В.Э., Меркушин В.И. Историческое сознание в современном российском обществе: состояние и тенденции формирования / Историческая память в массовом сознании российского общества (Результаты социологического мониторинга) // Социология власти. 2003. №2. С.14.

² Медведев Д.А. 7 мая 2009. О Великой Отечественной войне, исторической истине и о нашей памяти. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://blog.kremlin.ru>.

³ Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. Информационный бюллетень. 1997. №5. С.12-13.

Великую Отечественную войну (вторую мировую войну) назвали 77%, в 1994 г. – 73% опрошенных. О том, что это событие стало символом для всего народа, всех его слоев и групп, свидетельствует такой факт: значимость этой войны для истории народа отметили 70% юношей и девушек в возрасте до 25 лет и 82% людей старше 50 лет. А это означает, что опыт в оценке старшего поколения трансформировался и приобрел символическую значимость и для последующих поколений¹.

По всем опросам общественного мнения, проведенным Левада-Центром, Победа в этой войне – главное событие XX века для населения России². Больше того, это едва ли не единственное позитивное событие века и, в этом плане, единственное более или менее несомненное достижение советского периода отечественной истории. Сознание его первостепенной значимости объединяет не менее трех четвертей россиян (по опросу 1999 г. даже 85%) – из событий, относящихся к прошлому, такой сплачивающей силой не обладает никакой другой символ.

Иначе говоря, из событий XX в. нас объединяет и роднит в основном только оценка Великой Отечественной войны. Подобное единодушие проявляется также при оценке наших научно-технических достижений, таких, как полет Юрия Гагарина, освоение космоса, что отмечает практически каждый третий опрошенный.

По результатам федеральных исследований РОС, проведенных в 2005 г.³ и в 2010 г.⁴, среди факторов, влияющих на её патриотическое воспитание, события Великой Отечественной войны по-прежнему занимают важное место. И все-таки социологический анализ представлений российских студентов о Великой Отечественной войне не может не учитывать и влияние иных факторов. Ведь не только прошло 60-65 лет после Великой Победы (а это – три «шага» поколений), но и произошло столько событий, которые могли бы заслонить в сознании молодежи её значимость. К тому же эти молодые люди столкнулись и сталкиваются с такими неоднозначными оценками (и переоценками) социальных и исторических ценностей, что им нелегко сформулировать своё, достаточно адекватное отношение⁵.

И тем показательнее их ответы об интересе к событиям тех военных лет. За 5 лет (2005-2010 гг.) число согласных с утверждением «Великая Отечественная война была давно, мне это не интересно» сократилось с 7% до 2%. 4 из 5 респондентов-студентов в 2010 г. совершенно не согласны с этим утверждением, каждый шестой – не очень согласен. В 2005 г. промежуточного варианта «не очень согласен» не было, поэтому адекватное сравнение невозможно, но позитивная тенденция прослеживается. Выясняется главное – у большинства современных студентов интерес к Великой Отечественной войне сохраняется, более того – он за последние пять лет даже несколько вырос. Причем особых различий – в зависимости от города, вуза, курса, пола – практически не зафиксировано. Кстати, отметим, что и по многим другим вопросам различия в ответах носят преимущественно *индивидуально-личностный*, а не *социально-групповой характер*.

Этот личностный момент особенно проявился в оценках студентами тех мыслей и чувств, которые вызывает у них Великая Победа. Приоритетным является мнение, что Великая Отечественная война сохранится в памяти не только нынешней молодежи (рост за 2005-

¹ Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. Информационный бюллетень. 1997. №5. С.12-13.

² Дубин Б.В. Память, война, память о войне. Конструирование прошлого в социальной практике последних десятилетий. Отечественные записки, 2008, № 4 (43). С. 6-21.

³ N = 1084 студента вузов Екатеринбурга, Казани, Краснодара, Магнитогорска, Нижневартовска, Тюмени; структура выборки по полу – мужчины – 55%, женщины – 45%; по курсам обучения – 1-2 курсы – 37%; 3 курс – 49%; 4-5 курсы – 14%.

⁴ N = 3230 студентов вузов Альметьевска, Белгорода, Волгограда, Екатеринбурга, Казани, Краснодара, Магадана, Магнитогорска, Москвы, Нальчика, Нижневартовска, Нижнего Новгорода, Перми, Тюмени, Уфы, Челябинска; структура выборки по полу – мужчины – 42%, женщины – 58%; по курсам обучения – 1-2 курсы – 40%; 3 курс – 40%; 4-5 курсы – 20%.

⁵ Вишневский Ю.Р., Ружа В.А. и др. Война была ... вчера. Российское студенчество о Великой Отечественной войне // Актуальные проблемы социологии и менеджмента: общество – управление – образование - молодежь – культура. Екатеринбург. 2005. С.3-10.

2010 гг. с 6% до 10%), но и будет примером для новых поколений (рост – с 48% до 56%). Напротив резко сократилось (с 36% в 2005 г. до 23% в 2010 г.) мнение, что память о Великой Отечественной войне заслоняют иные события проблемы. Катастрофические настроения о «полном разрыве поколений», о нигилистическом отношении современной молодежи применительно к Великой Победе оказались сильно преувеличенными. И все-таки основания для беспокойства, конечно, есть. Устойчивым (присущим для 1 из каждых 9-10 респондентов) является мнение, что героизм участников войны – на фронте и в тылу – чужд для современной молодежи. Пусть это даже и не личное отношение – респонденты как бы оценивали распространенные в среде их сверстников настроения. Но тем и показательнее такие оценки. Нельзя недооценивать и присущий общественному (тем более – молодежному) сознанию своеобразный «оптический обман», когда события более близкие по времени и непосредственно воспринимаемые, злободневные, актуальные воспринимаются как более значимые. Позитивный результат мониторинга – снижение доли студентов (в 2005 г. – каждый третий, в 2010 г. – каждый четвертый), отметивших, что память о Великой Отечественной войне заслоняют иные события. И тем важнее, чтобы формирование этой памяти («Никто не забыт и ничто не забыто») у современной молодежи не было пущено на самотек, носило не кампанийский (от юбилея к юбилею), а постоянный, системный характер.

Завершая краткий анализ исторической памяти и памяти о великой войне в общественном сознании, подчеркнем главное. В целом представления современных студентов о Великой Отечественной войне могут быть оценены позитивно. Особенно позитивной выступает динамика последних пяти лет, что отражает определенные успехи в патриотическом воспитании молодежи. И все-таки деформации в историческом сознании студенческой молодежи весьма сильны. А это означает, что позитивный потенциал Великой Победы в формировании будущего специалиста-профессионала как патриота и гражданина своей Родины используется пока явно недостаточно.

Пусть уцелеет все: и боль, и стыд,
И даже чувство горькое и жгучее.
За что-то, верю, Бог и нас простит.
Но – обеспамятить? Ни в коем случае!
М. Найдич

Ю.Р. Вишневецкий, В.А. Ружа

Представления российских студентов о Великой Отечественной войне: 5 лет спустя¹

В ряду событий, определяющих историческую память современной российской молодежи (особенно – студенческой молодежи), среди факторов, влияющих на её патриотическое воспитание, события Великой Отечественной войны по-прежнему занимают важное место. И все-таки социологический анализ представлений российских студентов о Великой Отечественной войне не может не учитывать и влияние иных факторов. Ведь не только прошло 60-65 лет после Великой Победы (а это – три «шага» поколений), но и произошло столько событий, которые могли бы заслонить в сознании молодежи её значимость. К тому же эти молодые люди столкнулись и сталкиваются с такими неоднозначными оценками (и переоценками) социальных и исторических ценностей, что им нелегко сформулировать своё, достаточно адекватное отношение.

И тем показательнее их ответы об интересе к событиям тех военных лет:

Таблица 1

Великая Отечественная война была давно, мне это не интересно?

Варианты ответа	2010	2005
согласен	2	7
не очень согласен	16	–
не согласен	82	93

¹ Статья опирается на результаты Федеральных исследований РОС, проведенных в 2005 г. и в 2010 г. Обобщение результатов исследования 2005 г. см.: Вишневецкий Ю.Р., Ружа В.А. и др. «Война была ... вчера». Российское студенчество о Великой Отечественной войне // Актуальные проблемы социологии и менеджмента: общество – управление – образование - молодежь – культура. Екатеринбург. 2005. С.3-10.

В 2005 г. промежуточного варианта «не очень согласен» не было, поэтому адекватное сравнение невозможно, но позитивная тенденция прослеживается. Выясняется главное – у большинства современных студентов интерес к Великой Отечественной войне сохраняется, более того – он за последние пять лет даже несколько вырос. Причем особых различий – в зависимости от города, вуза, курса, пола – практически не зафиксировано. Кстати, отметим, что и по многим другим вопросам различия в ответах носят преимущественно *индивидуально-личностный*, а не *социально-групповой характер*.

Этот личностный момент особенно проявился в оценках студентами тех мыслей и чувств, которые вызывает у них Великая Победа.

Таблица 2

Какие мысли и чувства вызывает День Победы?

Варианты ответа	2005	2010
Подвиг в Великой Отечественной войне будет примером для новых поколений	48	56
Память о Великой Отечественной войне заслоняют иные события проблемы	36	23
Героизм Великой Отечественной войны чужд значительной части нынешней молодежи	10	11
Память о Великой Отечественной войне сохранится в сознании нынешней молодежи	6	10

Приоритетность позиции, что память о Великой Отечественной войне сохранилась и будет примером для новых поколений, за пять лет даже несколько усилилась. Катастрофические настроения о «полном разрыве поколений», о нигилистическом отношении современной молодежи применительно к Великой Победе оказались сильно преувеличенными. И все-таки основания для беспокойства, конечно, есть. Устойчивым (присущим для 1 из каждых 9-10 респондентов) является мнение, что героизм участников войны – на фронте и в тылу – чужд для современной молодежи. Пусть это даже и не личное отношение – респонденты как бы оценивали распространенные в среде их сверстников настроения. Но тем и показательнее такие оценки. Нельзя недооценивать и присущий общественному (тем более – молодежному) сознанию своеобразный «оптический обман», когда события более близкие по времени и непосредственно воспринимаемые, злободневные, актуальные воспринимаются как более значимые. Позитивный результат мониторинга – снижение доли студентов (в 2005 г. – каждый третий, в 2010 г. – каждый четвертый), отметивших, что память о Великой Отечественной войне заслоняют иные события. И тем важнее, чтобы формирование этой памяти («Никто не забыт и ничто не забыто») у современной молодежи не было пущено на самотек, носило не кампанейский (от юбилея к юбилею), а постоянный, системный характер.

В последние годы социологи отмечают снижение роли традиционных институтов социализации, в том числе и *семьи*. Но как хранитель памяти семья по-прежнему играет немалую роль. Более того – многие исторические события (и Великая Отечественная война тут не исключение) для молодежи воспринимаются как значимые, когда социальный контекст дополняется семейно-родственным. Такая тенденция четко отразилась в ответах респондентов на вопрос «Чем для Вашей семьи является День Победы?»

Таблица 3

Чем для семьи является «День Победы»?

Варианты ответа	2010	2005
«Праздник со слезами на глазах»	29	16
День памяти о родных, прошедших войну	59	65
просто выходной	12	19

Еще один позитивный результат мониторинга – за пять лет почти вдвое выросла доля респондентов, рассматривающих День Победы как традиционно всенародный праздник, смысл которого замечательно точно выражен в словах известной песни (в 2005 г. Таким было мнение каждого шестого, в 2010 г. – почти каждого третьего). В 1,5 раза сократилась и доля тех, кто видит в Дне Победы «просто выходной». Последнее можно отнести частично и на счет СМИ, которые (по крайней мере, в отношении Дня Победы) изменили тональность и явно сменили акценты в стремлении к «бытовизации» многих советских праздников. И все-таки приоритетным становится восприятие Дня Победы преимущественно через семейно-родственные отношения. Понимание праздника как всеобщего, как «радости, разделенной на всех» постепенно отходит на второй план.

Есть ценности, которым нет цены:
Клочок бумаги с пушкинским рисунком,
Учебник первый в первой школьной сумке
И письма не вернувшихся с войны
М. Борисова

Память о войне в семьях сохраняется не только как феномен сознания, но и запечатленная в разнообразных реликвиях.

Таблица 4

Хранятся ли у Вас дома реликвии Великой Отечественной войны?

Варианты ответа	2010	2005
Да	50	40
Нет	50	60

На первый взгляд результат мониторинга парадоксален: за пять лет доля отметивших сохранение в их семьях реликвий Великой Отечественной войны не уменьшилась, а возросла. Но это лишь доказывает, что действуют две противоположные тенденции. С одной стороны, конечно, время безжалостно, и материальные носители памяти исчезают, теряются (если их специально не хранить), быстрее, чем «память сердца». Но одновременно сказывается и общественная ориентация на сохранение (или – забвение) исторической памяти. В первые послевоенные годы оказались сильно принижены награды фронтовиков и тружеников тыла (не случайно появилась песня с призывом: «Фронтовики, наденьте ордена!»). Позднее – с середины 1960-х гг. – приоритетной стала монументальная пропаганда. Личные вещи и другие реликвии Великой Отечественной войны, если и сохранялись, то преимущественно в государственных музеях, музеях боевой и трудовой славы предприятий. О сохранении же их в семье («домашнем музее») речи практически не было. Но в последние годы вновь активизируется поисковая деятельность. Возможно, это и отразилось в результатах мониторинга. По крайней мере, они показывают важность данного направления формирования патриотизма молодежи.

Великая Отечественная война, как и многие крупные события исторического прошлого для современной молодежи – не только событие. О событиях войны студенты немало слышали, видели (в кино-, телефильмах), читали, изучали их в школе и вузе.

По данным опроса 2003 г., абсолютное большинство населения получило представления об истории России из учебников (77% опрошенных), кинофильмов (70%), телевизионных передач (66%), художественной литературы и мемуаров (43%)¹ (Соотношение их роли: 30% – 27% – 26% – 17%). Что же знают наши респонденты о Великой Отечественной войне – о её полководцах и героях, о важнейших событиях и сражениях, какие литературные произведения, фильмы и песни о войне запечатлелись в их памяти?

В среднем респонденты в 2010 г. называли двух-трех полководцев, героев (в 2005 – 45% называли 2-3 полководцев, героев, 33% – 1, 21% – 4 и более). Преобладают общие ответы, но есть (особенно – в отношении героев) и различия по городам: в *Альметьевске* чаще других упоминают Джалиля и Гафиятуллина, в *Белгороде* – Н.Ф. Ватутина, в *Волгограде* – Еремен-

¹ Бойков В.Э., Меркушин В.И. Историческое сознание в современном российском обществе: состояние и тенденции формирования / Историческая память в массовом сознании российского общества (Результаты социологического мониторинга) // Социология власти. 2003. №2. С.14.

ко, Павлова, Чуйкова, Штеменко, Шумилова, в *Екатеринбурге* – Кузнецова, в *Москве* – панфиловцев, в *Уфе* – Губайдуллина и Гордеева.

Таблица 5

**Каких полководцев и героев Великой Отечественной войны знают
(ответы на открытый вопрос – в % от числа ответов)**

Варианты ответа	2010	2005
Полководцы Великой Отечественной войны		
Г.К. Жуков	92	70
К.К. Рокоссовский	35	33
И.В. Конев	13	10
И.В. Сталин	9	10
В.И. Чуйков	5	2
А.М. Василевский	4	2
К.Е. Ворошилов	4	4
Р.Я. Малиновский	3	2
Н.Ф. Ватугин	3	2
А.И. Еременко	2	1
И.Х. Баграмян, П.С. Рыбалко, М.Е. Катуков, П.А. Ротмистров, С.К. Тимошенко, И.Д. Черняховский, Б.М. Шапошников, С.М. Штеменко, М.С. Шумилов и др. (выделены те, кто добавился в списке в 2010 г.)	1 и ниже	1 и ниже
Герои Великой Отечественной войны		
А. Матросов	9	6
З. Космодемьянская	7	2
Н. Гастелло	4	2
А.П. Маресьев	3	2
Я.Ф. Павлов	3	1
А.И. Покрышкин	3	1
Н.И. Кузнецов	2	1
Панфиловцы	2	1
И.Н. Кожедуб	2	1
М. Джалиль, М. Егоров, Р. Зорге, М. Казей, М. Кантария, Д.М. Карбышев, В. Котик, О. Кошевой, А. Молдагулова, В. Талалихин, С. Тюленин, А. Чекалин и др. (выделены те, кто добавился в списке в 2010 г.; не упомянуты, но были в 2005 г. М. Девятаев и А. Маринеску)	1 и ниже	1 и ниже

В ответах на этот вопрос наиболее активны *мужчины*. По полу более-менее равномерно распределились лишь ответы, где называли Г.К. Жукова. В анкетах юношей, гораздо чаще, чем у девушек назывались К.К. Рокоссовский, И.В. Конев, В.И. Чуйков и особенно И.В. Сталин. Аналогичная ситуация и по героям – А. Матросов, Н. Гастелло, А.П. Маресьев, Я.Ф. Павлов. Общая тенденция нарушена лишь в отношении З. Космодемьянской – девушки называли её значительно чаще, чем юноши.

Относительно равномерно распределились ответы на данный вопрос и по *курсам*. Заметна чуть большая активность в отношении полководцев у студентов IV-V курсов.

Заметны определенные различия в активности *по профилю обучения* – в целом «гуманитарии» и «технари» отмечают в своих ответах полководцев и героев Великой Отечественной войны чаще, чем «естественники» и «экономисты». Наибольшие отклонения проявились в упоминаниях З.Космодемьянской, Н.Гастелло (их особенно часто называли гуманитарии), В.И. Чуйкова, Я.Ф. Павлова (тут особенно активными были «технари»). Скорее всего, тут отразились различия по полу и структуре выборки по городам.

Как и в 2005 г., среди *неправильно названных* (всего таких ответов – 3%) полководцы до-революционной России (М.И. Кутузов, А.В. Суворов, П.С. Нахимов, Ф.Ф. Ушаков) и гражданской войны (М.В. Фрунзе, М.Н. Тухачевский).

Еще одна общая черта двух этапов мониторинга – в 5% ответов называются «безымянные герои» (добавим к ним вариации – «неизвестный солдат», «мой прадед, дед» и т.д.). Распространенность таких ответов (в духе слов из песни «Мы все войны шальные дети – и генерал, и рядовой») связана, на наш взгляд, не с дегероизацией войны. Нельзя не учитывать одну из важнейших ценностных установок современной российской молодежи, устоявшую даже перед лицом рыночных перемен, – ориентацию на справедливость.

Великая Отечественная война длилась 1418 дней, она охватывала множество конкретных событий – от крупных сражений до «боев местного значения». Какие же из этих сражений знают наши респонденты? В 2010 г. в среднем назвали 2,7 события; в 2005 г. 51% назвали 2-3 сражения, 29% – 4 и более, 19% – 1).

Таблица 6

**Знают важнейшие сражения Великой Отечественной войны
(ответы на открытый вопрос)**

Варианты ответа	2010	2005
Сталинградская битва	69	63
Битва на Курской дуге	59	61
Блокада Ленинграда	51	46
Битва под Москвой	34	24
Штурм Берлина	19	18
Оборона Севастополя	5	2
Оборона Брестской крепости	5	2
Сражение под Смоленском	3	2
Форсирование Днепра	2	2
Ржевская операция, Операция «Багратион», освобождение Восточной Европы, битва за Кавказ, «Малая Земля», освобождение Украины, освобождение Белоруссии, оборона Тулы, оборона Заполярья	1 и ниже	1 и ниже

Ответы на этот вопрос в зависимости от города распределились относительно равномерно. Да и проявившиеся различия вполне объяснимы: в ответах волгоградских студентов чаще других называется Сталинградская битва, в ответах московских студентов – битва под Москвой, в ответах белгородских студентов – битва на Курской дуге. В ответах юношей чаще, чем в ответах девушек, назывались наиболее важные события Великой Отечественной войны. Исключение – лишь блокада Ленинграда, она в «женских» ответах упоминается относительно чаще. В зависимости от курса особых различий в ответах студентов не зафиксировано.

Среди неправильных ответов (их доля – 3%), как и в 2005 г., – сражения из истории до-революционной России. К Шипке, Аустерлицу, Крымской войне, упомянутым в 2005 г., в опросе 2010 г. добавились – Куликовская битва, Ледовое побоище, переход Суворова через Альпы. Новое явление – упоминание о высадке союзников в Нормандии и бомбардировке Хиросимы и Нагасаки.

Примечательны и ответы о фильмах, литературных произведениях о Великой Отечественной войне, которые знают наши респонденты (см.: Таблица 7).

Круг названных респондентами литературных произведений и – особенно – кинофильмов заметно расширился (в 2005 г. он включал около 70 наименований; в 2010 г. – более 150 наименований). Одна из причин – увеличение объема выборки. Но возможна и иная интерпретация – расширение круга интереса к художественным произведениям военной тематики. Правда, произошло и определенное расширение (за рамками Великой Отечественной войны) круга произведений – по военной тематике в целом: от «Войны и мира» и «Севастопольских рассказов Л.Н. Толстого до «Адмирала», «Чапаева» и «Доктора Живаго» через «Ивана

Бровкина» и «Максима Перепелицы» к «Водителю для Веры» «Ворошиловскому стрелку» и «9-й роте».

И хотя называются все эти произведения крайне редко (каждое – не более чем в 5-10 анкетах), происходящее смещение исторического сознания во времени и пространстве (оно отмечалось выше и в отношении полководцев и героев войны, важнейших сражений) весьма характерно.

Различия в пристрастиях у *юношей и девушек* по отношению к художественным произведениям более четкие. Лишь в отношении поэмы «Василий Тёркин» и кинофильмов «Звезда», «В бой идут одни старики» их мнения были относительно сходными. Чаше, чем в среднем, в «*мужских*» ответах отмечались «17 мгновений весны», «В августе 44-го» и особенно «Они сражались за Родину», в «*женских*» – «Офицеры», «Мы из будущего», «Судьба человека» и особенно «А зори здесь тихие».

Таблица 7

**Знают фильмы, литературные произведения о Великой Отечественной войны
(ответы на открытый вопрос)**

Варианты ответа	2010	2005
К/ф «В бой идут одни старики»	46	23
К/ф «А зори здесь тихие»	35	36
Поэма «Василий Теркин»	17	23
Сериал «17 мгновений весны»	16	18
К/ф «Звезда»	14	10
К/ф «Они сражались за Родину»	13	12
К/ф «Офицеры»	11	6
К/ф «Мы из будущего»	8	-
К/ф «В августе 44-го»	7	6
К/ф «Горячий Снег»	5	5
Судьба человека	4	4
Повесть о настоящем человеке	4	3
Диверсант	3	2
Штрафбат	3	2
Освобождение	2	2
Летят журавли	2	2
На безымянной высоте	2	2
«Завтра была война»	2	2
Молодая гвардия	2	2
Стихотворение «Жди меня»	2	2
Аты баты шли солдаты,	1	4
Батальоны просят огня, Сын полка, 4 танкиста и собака, Живые и мертвые, Два товарища, В окопах Сталинграда, «Женя, Женечка и катюша», «Баллада о солдате», «Судьба человека», «Иваново детство», произведения М. Джалиля, «Последний бронепоезд», «Курсанты» и др.	1 и меньше	1 и меньше

Во многом сходными были ответы респондентов о песнях, музыкальных произведениях о Великой Отечественной войне. В среднем в исследовании 2010 г. на 1 ответ приходится 2,3 песни (в 2005 г. назвали 1 песню – 35%, 2-3 песни – 48%, 4 и более песен – 18%).

Круг названных песен о Великой Отечественной войне расширился еще более (в 2005 г. было названо около 50 песен, в 2010 г. – почти 130). Доля неправильно включенных в список песен незначительна – около 1%. Респонденты, очевидно, включали просто свои любимые песни – «Идет солдат по городу», «Прощание славянки», «Нежность», «По долинам и по взгорьям».

**Знают песни, музыкальные произведения о Великой Отечественной войны
(ответы на открытый вопрос)**

Варианты ответа	2010	2005
Катюша	59	36
День Победы	56	36
Священная война "Вставай страна огромная..."	15	17
Смуглянка	14	6
Синий платочек	10	7
Три танкиста	9	4
Темная ночь	9	7
Журавли	6	5
Землянка	6	4
Песня из к/ф «Белорусский вокзал»	4	3
Эх, дороги	4	3
На безымянной высоте	3	2
Офицеры	3	2
Алеша	2	1
Жди меня (песня), 7 симфония Шостаковича, «Ах, эти тучи в голубом», песни В. Высоцкого, Венский вальс, Бери шинель, пошли домой», «Давай, закурим, товарищ, по одной», Соловьи, «Враги сожгли родную хату», песни Б. Окуджавы, Баллада о красках», Случайный вальс, Песня военных корреспондентов, Севастопольский вальс, «Поклонимся великим тем годам» и др.	1 и меньше	1 и меньше

Завершая наш краткий анализ, подчеркнем главное. В целом представления современных студентов о Великой Отечественной войне могут быть оценены позитивно. Особенно позитивной выступает динамика последних пяти лет, что отражает определенные успехи в патриотическом воспитании молодежи. И все-таки деформации в историческом сознании студенческой молодежи весьма сильны. А это означает, что позитивный потенциал Великой Победы в формировании будущего специалиста-профессионала как патриота и гражданина своей Родины используется пока явно недостаточно.

Сегодня правомерно ставить вопрос и шире – о формировании «социологии Победы». По оценке В.Н. Кузнецова, «уникальность социологического подхода к изучению феномена «Победа» обусловлена тем, что процесс движения от цели к результату (победе, счастью) включает в себя: мотивацию, поступки людей и их взаимосвязи, идеалы и ценности, российскую мечту, патриотизм, ответственность, идеологию, самоотверженность, сострадание, терпимость, безопасность, умения и навыки жить во имя Родины, волю к Победе, уважение права Другого человека и народа на жизнь и счастье»¹.

**В.В. Гаврилюк, д.соц. н., В.В. Маленков, к.соц.н (ТюмГНГУ, Тюмень)
Гражданственность, патриотизм и воспитание молодежи**

Особенности положения *молодежи* как субъекта социального партнерства в период трансформации российского общества можно охарактеризовать через взаимоотношения: молодежь и труд; молодежь и политика; молодежь и образование; молодежь и государство.

Наши исследования молодежи 1990-х гг. в Тюменском регионе говорят о существенных изменениях в структуре указанных взаимоотношений. Особое место в этих изменениях занимает игнорирование воспитательной работы с молодежью. Практика такого рода работы с подрастающим поколением в сфере образования до сих пор лишена логичности и последова-

¹ См.: Кузнецов В.Н. Социология Победы // Безопасность Евразии. 2004. №2.

тельности, а то характеризуется ее полным отсутствием. Незаконченный процесс социальной стратификации, отсутствие внятно обозначенных ценностных приоритетов, не сложившийся опыт социального взаимодействия новых экономических групп – предпринимателей и наемных работников – затрудняют выбор задач воспитательной деятельности. Социологи отмечают амбивалентность современного общественного сознания, господство социальных мифов и парадоксальность, как специфический признак индивидуального и массового сознания россиян.

Очевидно, что ни «общечеловеческие ценности», ни особенности «национальной идеи» не стали конструктивными факторами в консолидации современной России. Идея «конкурентоспособности» носит скорее инструментальный характер и вряд ли будет воспринята обществом как главная идея новой России. На наш взгляд, общим основанием новой идеологии (а значит и основой воспитания) сегодня могут выступить *идеи патриотизма и гражданственности*. Русский человек, россиянин всегда доверял государству больше, чем обществу (часто просто не разделяя их), и идею служения связывал с отношением к Родине. Стремление к социальному порядку, справедливости, защищенности национальное самосознание всегда сопрягало с сильным государством, возлагая на него решение важнейших для людей проблем.

Высшая заслуга человека традиционно воспринималась, как способность быть гражданином своей страны, патриотом, деятельность которого приносит ей пользу и славу. Наивысшие достижения (в спорте, искусстве, науке, в труде) всегда служили способом демонстрации гражданственности. Пожалуй, справедливо мнение, «что утверждение гражданственности – главное средство возрождения России, укрепления российской государственности, достижения согласия (договора) между властью и обществом, включения жизненных сил граждан в осуществление реформ»¹. Однако гражданственность часто понимается по-разному, исходя из тех или иных убеждений относительно дальнейшей траектории социального развития России.

В каждой культуре находит выражение некая *идеализированная модель государства, общества, гражданина*, которая соответственно обозначается как «идеал государства», «идеал общества», «идеал гражданина». В соответствии с представлениями о современном государстве, его идеал воплощается в концептах «правовое государство», «социальное государство», «государство всеобщего благосостояния». В свою очередь, применительно к идеалу общества, используются эпитеты «открытое», «справедливое», «гражданское». Важнейшим моментом в понимании сущности гражданского идеала являются способы его формирования, характер и каналы его воздействия на ценности и установки молодого поколения. Именно в них он конкретизируется, трансформируясь из состояния общих представлений о должном и сущем в конкретные воспитательные программы, ценностные стандарты.

Структурные свойства гражданственности понимаются нами, вслед за Э. Гидденсом, как «совокупность правил и ресурсов, способствующих производству/воспроизводству социальных институтов, «зафиксированных» во времени и пространстве»², а также институционализированных гражданских ролей. Исходя из этого, под *гражданственностью* мы понимаем *совокупность базовых, сложившихся на определенный момент времени ценностей, норм и ролей, принятых за образец*. Критерием определения степени *гражданственности личности* является соответствие между *социетальной моделью*, объективированной как декларируемые, возможные, желаемые характеристики человека, и *реальным поведением индивида как исполнителя гражданских ролей*.

Обращение к исследованию гражданственности предполагает вычленение заранее определенных культурных и структурных параметров этого феномена. Нам представляется, что гражданственность как определенный тип еще не сложилась в современной российской действительности. Поэтому, мы не предлагаем некую заранее определенную модель, ее индикаторы, поскольку она априори будет являться плодом наших собственных убеждений, мнений

¹ Полухин О.Н. Идея, опыт и идеал гражданственности: философский проект. М., 2003. С.3.

² Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуризации. М., 2003. С.68.

и т.д. Процесс становления гражданственности в нашей стране развивается не на «пустом месте»¹. Это скорее процесс непрерывного изменения, и не только сознания граждан. Он разворачивается на всех уровнях развития общества и личности, является многоаспектным, многоуровневым, поливариантным. Процесс трансформации гражданственности от советской к современной российской предполагает наличие промежуточных стадий, переходных типов. По мере движения к современному идеалу гражданственности актуализируются различные факторы. Среди них можно назвать такие, как разочарование в неолиберальном проекте реформирования России, стремление искать свой (независимый) путь, обращение к прошлому, прежде всего к советскому. Эти факторы определяют содержание становления российской гражданственности. При этом сегодня социокультурная программа, основанная на неолиберальном идеале демократической гражданственности, воспринимается уже как одна из многих. В то же время в качестве *превалирующих вариантов рассматриваются исторически сложившиеся в нашей стране типы и модели гражданственности*. Среди них особое значение приобретает вариант, основанный на учете *советского опыта гражданственности*. Следует отметить, что он не предусматривает возврата к прежнему идеалу, а апеллирует к позитивным чертам, присущим советскому опыту. Например, в последнее время все более осознается потребность в целенаправленной государственной политике в области гражданского воспитания, возрождении воспитательной функции образования.

Современный этап становления российской модели гражданственности приобретает следующие основные черты:

- конфронтация с ортодоксальным вариантом неолиберального проекта гражданственности;
- активный поиск альтернативных путей развития «гражданственности российского типа»;
- осознание необходимости существования объединяющих ценностей, российской национальной идеи, основанной на принципах патриотизма, духовности, правовой культуры;
- признание активной роли государства в процессе структурирования гражданской сферы общества;
- активизация идеологической и социализационной функции государства;
- восстановление разрушенного гражданско-патриотического воспитания;
- активная роль гражданских структур, в процессе институционализации которых происходит репрезентация нравственных ценностей, вырабатываются модели поведения (гражданские роли).

Идеи патриотизма и гражданственности в постперестроечное время были подвергнуты тщательнейшей ревизии, вплоть до полной замены их смысла. Сегодня патриотами называют себя националисты и даже фашисты, а понятие гражданин употребляют чаще всего в значении «гражданин мира». Возрождение истинного смысла ключевых для идеологии новой России понятий необходимо и с прагматической точки зрения, так как воспитание новых поколений должно основываться на ясных, однозначных представлениях о базовых ценностях.

С целью определения степени гражданственности, ее проявления в структуре сознания и деятельности личности в современной России, мы провели социологическое исследование. В качестве эмпирической модели гражданственности выступали показатели, характеризующие человека в единстве его субъектно-деятельностных признаков. Мы выделили *два блока показателей* – субъектные модели гражданственности и ее деятельностную составляющую. *В процессе конструирования субъектной модели гражданственности были определены следующие индикаторы:*

- 1) значимость социальных проблем, характеризующих степень включенности в процессы функционирования общества;
- 2) оценки качеств, характеризующих личность как гражданина;
- 3) жизненные проекты личности, целевые установки исполнения гражданских ролей;

¹ Подробнее см.: Новичкова И.Ю. Социоисторический контекст становления российской гражданственности. М., 2002.

- 4) ориентации личности на общегражданские ценности;
- 5) ценностное отношение к государству; оценочные суждения относительно деятельности современных российских государственных институтов;
- 6) представления об идеальном типе гражданина; конструирование собственной модели гражданского поведения;
- 7) модели гражданской идентичности.

Второй блок показателей составили деятельностные, поведенческие проявления гражданственности. Среди них мы выделили: интенсивность и частоту участия в деятельности общественных организаций; степень участия в мероприятиях гражданско-патриотической направленности; степень участия в избирательном процессе.

Объектом эмпирического исследования гражданственности в постсоветский период была выбрана молодежь в возрасте от 14 до 30 лет. Исследование проводилось в 2004-2005 гг. по выборке, репрезентирующей генеральную совокупность по поло-возрастному признаку и месту жительства. В качестве генеральной совокупности выступало население юга Тюменской области указанного возраста. Объем выборки составил 1211 человек, ошибка выборки по одному признаку – не более 5%.

Для того, чтобы определить, какие проблемы волнуют молодежь, мы предложили ответить на вопрос: «Что в настоящее время беспокоит Вас больше всего?», который предполагал 28 вариантов ответа (из них можно было указать не более пяти). Учитывая то, что вопросы по-разному волнуют каждого человека, мы распределили ответы по степени их удаления от личных интересов и потребностей к социальным. Таким образом, структура вариантов ответа включала: а) личные проблемы; б) социальные проблемы, напрямую затрагивающие личные интересы человека; в) социетальные проблемы (относящиеся ко всему обществу и лишь опосредованно влияющие на личную жизнь).

Анализ проводился как по всему массиву, так и по отдельным группам. В частности, ранжирование по всему массиву показало, что в основании иерархии проблем находятся витальные потребности, такие как «мое будущее» (ранг 1; 64% от всего массива); «материальное положение» (ранг 2; 41%); «состояние здоровья» (ранг 3; 39%). Наряду с ними также указывались «опасение не найти работу» (27%), «обеспеченность жильем» (27%). Проблемы, обозначенные нами как общегражданские, имеющие макросоциальное значение, занимают средние и последние места в иерархии предпочтений. Так, «экологическая обстановка» волнует 16% опрошенных (ранг 11), «нравы (безнравственность) в среде молодежи» – 15% (ранг 13). Последние позиции срединных значений занимают: «уменьшение авторитета России в международном сообществе» – 10% (ранг 18), «состояние культуры в обществе» – 9% (ранг 19), «состояние с правами и свободой человека в стране» – 8% (ранг 20). Замыкают иерархическую лестницу «снижение чувства коллективизма и товарищества у россиян» (6%), «отсутствие общенациональной идеи, способной объединить все слои общества» (4%), «ситуация в межнациональных отношениях в стране» (3%), занимая, соответственно, 24-ю, 25-ю и 26-ю позицию в ранговой таблице. Таким образом, можно сделать вывод: *общегражданские, социетальные проблемы, отношение к которым во многом характеризует личность как гражданина, меньше всего беспокоят молодежь.* Хотя в целом такая структура ответов соответствует нормальному распределению границ значимости – личные проблемы всегда больше беспокоят человека – следует отметить достаточно значительную дистанцированность этих проблем от ключевых, общегражданских. Это позволяет заключить: такая степень репрезентации данного вида проблем негативно проявляется на качественных характеристиках, определяющих уровень гражданственности.

В период социальной трансформации одним из ключевых вопросов является социальное проектирование приемлемого для него будущего. В основании данных проектов лежат определенные представления, идейные предпосылки. Для того, чтобы выяснить, насколько и в какой степени они поддерживаются в молодежной среде, мы задали вопрос: «Какие идеи кажутся для Вас наиболее привлекательными?» Вариантов ответа было предложено 12, из них один являлся открытым. Всего можно было указать не более трех позиций. Ответы распре-

делились следующим образом. *Безопасность*, занимающая ключевую позицию в структуре потребностей личности стоит на первом месте (ранг 1). Данную идею поддерживают 57% респондентов. Идею *стабильности* поддерживают 53% респондентов (ранг 2). Ключевым показателем в структуре «демократической гражданственности» является *отношение к свободе и правам человека, его личному достоинству*. Данная идея занимает третий ранг. Ее поддерживают 41%, что позволяет говорить о достаточно высокой степени ориентации на эту ценность. Весьма высоко ценится *идея равенства и справедливости* – четвертый ранг (38%). Одна из базовых ценностей-целей патриотически настроенных сил современного общества – *возрождение сильной России*, поддерживается – 34% респондентов (ранг 5).

Как отмечает А.И. Редель, «для россиян с их менталитетом чрезвычайно важна связь духовности и нравственности. Духовность как ценность, – утверждает она, – занимает в структуре российского менталитета центральное место, это – особенность «русской души», ценностный приоритет духовно-нравственного элемента»¹. Необходимо напомнить, что *духовность и нравственность* являются одними из ключевых ценностей, характеризующих гражданственность ориентации социального субъекта. Однако исследование показало – молодежь не рассматривает эту идею в качестве ключевой, что подтверждается полученными данными. Всего лишь 19% респондентов обозначили ее как «привлекательную» для них. Далее (ранг 7) следует *идея развития рыночных отношений и свобода предпринимательства*. Поддержка данной ценности характеризует также уровень развития достигательной ориентации молодежи, являющейся основой активистской модели гражданственности; она отмечена небольшим количеством опрошенных (18%).

Структурирование новой социальной реальности проходит в России в жестком противостоянии инноваций и традиций, нового с привычным, апробированным в течение многовековой истории нашей страны. Считаем, что одно из необходимых условий успешной модернизации России – сохранение традиций. Их возрождение, продуцирование и развитие представляет, наряду с другими факторами, основу национальной культуры, будущего созидания России. Такую установку разделяют далеко не все опрошенные нами респонденты. *Идея возрождения традиций* находится как бы «в хвосте» выстроенной нами иерархии, на восьмой позиции, пользуется поддержкой 9% опрошенных.

Последующие три идеи, по нашему мнению, относятся к числу тех, которые активно обсуждаются в обществе, но воспринимаются скорее как достаточно противоречивые, требующие конкретизации, прояснения их смысла. Например, *идея централизации власти* может восприниматься позитивно ввиду объективной необходимости сохранения единства страны, государственной целостности, однако, как правило, сильная центральная власть сильно ограничивает права «регионов» и местного самоуправления, что несет в себе опасность ущемления значительной части прав и свобод граждан. Вероятно, по этой причине поддержку данной модели власти выражают всего 8% молодых людей. Замыкают ранговую таблицу такие ценности, как *«интересы моей нации»* (7%) и *«самостоятельность регионов»* (5%), 10 и 11 ранг соответственно. Отметим существование устойчивой корреляции между идеей самостоятельности регионов и необходимостью сильной центральной власти. Эти понятия являются дихотомическими – чем больше сторонников сильной центральной власти, тем меньше поддерживающих идею самостоятельности регионов, и наоборот. Данный вопрос был сверхактуальным в начале 1990-х гг., сейчас же он потерял былую остроту, что и подтверждают результаты проведенного опроса.

Существует определенная взаимосвязь между поддержкой социальных идей и симпатиями относительно идейно-политических течений, их отстаивающих. Если представить идеальную картину, когда те или иные движения имеют четко обозначенную идеологическую основу и последовательно проводят ее в жизнь, а граждане в достаточной степени информированы

¹ Редель А.И. Духовность – основа российского менталитета. К вопросу о социокультурных предпосылках модернизации российского общества. М., 2000. С.17.

рованы, понимают смысл этих идей, то можно с уверенностью утверждать, что зависимость между ними прямая. Однако в реальности может быть и так, что человек симпатизирует националистам, но в то же время воспринимает свободу и права человека как высшую ценность. Для того, чтобы выяснить, в какой степени соприкасаются представления об идеях и их организационных носителях, мы предложили респондентам ответить на вопрос: «Какому идейно-политическому течению Вы симпатизируете?». Ответы распределились следующим образом. Либералам, отстаивающим приоритеты прав и свобод человека симпатизируют 15% респондентов; защитникам природы – 12%; социал-демократам – 11%; сторонникам рыночных реформ – 6%; коммунистам – 4%; центристам, которые стремятся избегать крайностей – 3%; русским националистам – 2%; националистам, представляющим иные народы – 3%. Большинство опрошенных указали на отсутствие симпатий к какому-либо движению вообще. В данном вопросе также велико число отказавшихся отвечать.

Одним из аспектов гражданственности являются представления о том, что значит «быть гражданином». В процессе осознания этого личность конструирует в своем сознании референтную модель, представляющую собой систему ролей, идеальных и реальных представлений о способе бытия гражданина. Следует отметить, что представления молодежи в основном сводятся к формальным признакам, характеризующим гражданина. Так, 52% опрошиваемых отметили в качестве конституирующего признака гражданина его непосредственное проживание в России. Вторую позицию в ранговой лестнице занимает ответ «обладать правами гражданина России» – 47%. Способность обладать как правами, так и обязанностями, быть связанным чувством долга со своей страной как основной элемент гражданства указали 41% респондентов. Три другие показателя, характеризующие ценностную основу современной гражданственности, в суждениях респондентов представлены в достаточно незначительной роли. Один из ключевых элементов, определяющих степень гражданственности личности, – «патриотизм» отметили всего 17%, «быть причастным к великой истории и культуре страны» – 11%, «своей активностью способствовать развитию гражданского общества и демократии» – 11%. Достаточно внушительным в контексте данного исследования выглядит число ответивших (почти каждый 14-ый), что они не задумывались над этим (7%).

Патриотизм является важнейшей ценностной составляющей гражданственности. Для того, чтобы определить «степень патриотизма» молодежи, был сформирован специальный блок вопросов. На один из них: «Что для Вас означает «быть патриотом»?» мы получили следующую структуру ответов. Первый ранг занимает ответ «любить и гордиться Россией» (66%). Далее идут: «быть готовым защитить Россию» (49%), уважать традиции и культуру России (36%). Следует отметить, что в основном в качестве характеристики патриотизма молодежь обозначает пассивное, созерцательное отношение к различным объектам типа «любить», «уважать» и т.д. Признаки же активной формы патриотизма представлены значительно реже. Так, необходимость своим личным участием способствовать процветанию страны отметили всего 22% опрошиваемых (4 ранг). Деятельностная характеристика патриотизма, проявляющаяся в стремлении обустроить Россию, где проживают разные народы, находится на предпоследнем месте ранговой таблицы (13%). Вместе с тем, на вопрос о том, считают ли они себя патриотами, положительные ответы дали 44% респондентов, отрицательные – 18%. Очень многие отметили, что они над этим не задумывались (36%).

Важнейшая составляющая гражданской ориентации человека – его отношение к стране, своему родному городу (селу), готовность защищать интересы своей Родины. В развитие данной темы нами исследовался индикатор «готовность выехать за границу при условии появления такой возможности». В результате мы получили следующие данные. Готовность уехать за границу навсегда высказали 14% респондентов, поехали бы на некоторое время (учиться, работать) 60% опрошиваемых, предпочитают жить в России даже при плохом развитии событий – 18%, затруднились с ответом – 7%.

Мы предложили респондентам выразить свое отношение к службе в армии. Число ответов, что все здоровые мужчины должны отслужить в армии положенный срок, составляет 37% от опрошенных. Считают, что призывник должен иметь возможность при желании

пройти альтернативную службу 19%. Убеждены в том, что в настоящий момент необходимо перейти от призыва к комплектованию армии на контрактной основе 39%. Одним из определяющих признаков патриотической направленности личности является отношение к Родине. Вместе с тем, данное понятие понимается каждым по-разному, в него вкладывается различный смысл. Что есть для молодежи Родина, каковы ее пространственные характеристики? На этот вопрос мы получили следующие ответы: «Россия в целом» – 56%, «город (поселок), в котором живу» – 15%. Считают своей Родиной Тюменскую область 8%. Интересным моментом является то, что 4% определяют в качестве своей Родины СССР. Характерно, что ассоциируют себя с Советским Союзом как с образом будущей России несколько большее количество респондентов – 6%. Следует отметить, что в более старших группах молодежи данный вид ассоциации составляет 9%, тогда как поколение постсоветской генерации отмечает данную позицию реже – 5%. Большинство опрошенных (48%) ассоциируют себя с современной Россией, хотя и переживающей трудности, но продолжающей преобразования. Это означает, что гражданско-государственная идентичность преобладающей части молодежи представляет тип идентификации «здесь-и-сейчас». Значительно меньшее, хотя и внушительное, количество респондентов (16%) идентифицируют себя с будущим состоянием России (перспективная идентичность), характеризуемым посредством эпитетов «Великая», «возрожденная». Изучение общественного мнения, позиций молодежи в отношении гражданских и патриотических ценностей может стать основанием для соответствующей воспитательной работы в этой среде.

Сегодня в образовательных учреждениях воспитание не является комплексной деятельностью, что, в свою очередь, свидетельствует о деформации института образования. Для выявления реального положения в организации воспитательной работы с учащейся и студенческой молодежью в 2005 г. был проведен *опрос экспертов*, в качестве которых выступили проректоры, заместители директоров по воспитательной работе вузов, ссузов и профессиональных училищ Тюменской области. По педагогическому стажу большинство экспертов – опытные преподаватели: 51% имеют стаж более 20 лет, 25% – от 11 до 20 лет. Их квалификационный и должностной статус позволяет считать полученные данные обоснованной экспертной оценкой состояния воспитания в региональных учреждениях профессионального образования. Опросный лист эксперта был построен таким образом, чтобы выявить реальное состояние дел в области воспитания (основные направления работы, систематичность проводимых в учебных заведениях мероприятий, приоритетные области воспитательной деятельности, наличие специальной работы с одаренной молодежью и профилактики девиантного поведения, а также оценку готовности педагогических коллективов к возрождению системного характера воспитания).

Анализ полученных эмпирических данных позволяет утверждать: во-первых, все эксперты отмечают острую необходимость и своевременность возрождения системы воспитательной работы в учебных заведениях; во-вторых, подтверждают потребность в подготовке кадров для этого вида деятельности. Например, 82% экспертов считают безусловно необходимой подготовку таких специалистов. Предсказуемость результата опроса побудила нас задать несколько контрольных и уточняющих выраженные позиции вопросов. Так, не очень отчетливо представляют себе эксперты то, чем конкретно должен заниматься специалист по воспитанию в их учебном заведении – 75% из них уклонились от ответа. Таким образом, реальное поле для деятельности воспитателя в профессиональном учебном заведении и сегодня, даже для специалистов, занимающихся этой работой, пока не очерчено, не очень ясно. Еще более показательным является факт оценки готовности к возрождению воспитательной работы в педагогическом коллективе. Большинство опрошенных считают, что эта задача должна решаться на государственном уровне, и основными субъектами возрождения должны стать федеральные и региональные властные структуры. Роль профессиональных (например, Совет ректоров) и других общественных объединений – незначительна. Еще меньшую ответственность возлагают эксперты на сами педагогические коллективы (2% экспертов). Итак, ответственность за возрождение воспитательной деятельности в учреждениях профессио-

нального образования эксперты готовы делегировать отдаленным от непосредственного педагогического коллектива, причем, чем более удален субъект, тем большую ответственность возлагают на него эксперты.

Из опросов экспертов следует, что существующая сегодня практика внеучебной деятельности в учреждениях профессионального образования не позволяет говорить о системном характере воспитательной деятельности, скорее это сеть разрозненных мероприятий, в основном связанная с будущей профессиональной деятельностью, отчасти художественно-эстетическим, еще меньше – гражданским воспитанием. Справедливости ради необходимо отметить, что отсутствие воспитания замечено не сегодня. В профессиональной среде вопросы о возрождении воспитания на новых, некоммунистических основаниях, стали ставиться уже с 1992 г. Именно к этому времени относятся попытки разработать новые концепции воспитания молодежи России. В разработанных программах приоритет отдается способности к самоопределению в меняющихся социальных условиях, формированию физически и нравственно здорового человека, обладающего высоким уровнем информационной культуры, целостным научным мировоззрением. Однако краткосрочный характер программ подтверждает недостаточную разработанность концептуальных оснований по осуществлению воспитания.

Тем не менее, некоторые общие подходы уже обозначены. Среди основных элементов можно выделить доминирующие идеи и принципы подхода к воспитательной работе: идея гуманизации и гуманитаризации; создание условий для раскрытия творческих способностей; социализация личности как гражданина России; формирование социальной активности; развитие потребности и опыта самовоспитания; возрождение интеллектуального, духовного и творческого потенциала, воспитание толерантности и уважения к другим людям, народам, странам.

*И.Л. Грошев, к.с.н. (ТюмГНГУ, Тюмень);
Грошева И.А., к.соц.н. (ТюмГАМЭУиП, Тюмень)*

Трансформация идей патриотизма в молодежной среде: системный анализ

Трансформация современной России представляет собой закономерный процесс изменения ее социокультурной природы и его успешность основывается на радикальном изменении не только социально-политической и экономической сфер жизни, но и на новых приоритетных ценностях и жизненных стратегиях россиян, оказывающих активное обратное воздействие на общественные отношения.

Специфика социокультурных процессов в современной России определяется характерными особенностями советского периода, связанного с господством административно-командной системы, другими словами с тоталитарным обществом, в котором было сформировано несuverенное и манипулируемое массовое сознание и типы конформного поведения, основанного на стереотипах сознания и фиксированных установках, когда всякое инакомыслие объявлялось диссидентством и преследовалось на основе реализации принципов ожесточенной классовой борьбы с идеологическими противниками. Это сформировало массовое осознание особого типа, для которого особенно характерно расхождение между декларируемыми ценностями, личными предпочтениями и реальным поведением, составляющим принципиальную особенность того периода истории.

В России конца XX в. происходит трансформация ценностного сознания россиян, когда в условиях становления либерально-рыночного государства должен появиться индивид, обладающий суверенным мышлением, плюралистической системой ценностей, высокой предприимчивостью и пониманием свободы как важнейшей ценности современного человечества. Формирование человека, обладающего таким типом ценностного сознания предполагает, с одной стороны, ресоциализацию (необходимую преимущественно для старших возрастов), а с другой – формирование сознания молодежи в новых приоритетных системах ценностей.

Исследователи XX в. (Х. Ортега-и-Гассет, М. Мид, Г. Маркузе) отмечают, что радикальное изменение культурных ценностей и образцов, нигилистическое отношение к традицион-

ным культурным образцам, характерное для жизнедеятельности этносов, осуществляющих модернизацию, может привести, а зачастую и приводит к потере этнической идентичности, а значит и к растворению культуры этноса, превращении его в пресловутое население, состоящее из маргиналов, одинаково чуждых и враждебно относящихся как к старой, так и к новой культуре. Особенностью модернизационных процессов, происходящих в ценностном сознании россиян, является то, что доминантные ценности русской культуры были всегда дихотомичны и амбивалентны и русская культура развивалась в рамках культурных оппозиций, что придавало ей особую устойчивость.

Следует отметить, что потребности в престиже, достижении реализовывались какое-то время назад гордостью за свою страну, за ее достижения, уверенностью в государственных гарантиях прав на труд, образование, безопасность, здоровье, наконец, жилье. Они актуализировались в социальной активности – ударный труд, миграция, изобретения, созидание в различных областях общественной жизни, членство в общественных организациях. Указанные потребности не только остаются, но и обостряются в условиях социальной нестабильности, а средства их удовлетворения сокращаются. Знание истории, традиций, обычаев своего народа всегда выполняло консолидирующую роль, способствовало преемственности поколений, формировало патриотизм.

Например, в 1997 г. свое восхищение Петром I и его свершениями высказали 48% голосов, «золотому веку Екатерины» – было отдано в 3,5 раза меньше голосов, остальные периоды отечественной истории: отмена крепостного права, революция, правление Сталина, «оттепель», «застой» и т.д., вплоть до недавнего прошлого («перестройка» и президентство Б. Ельцина) привлекли симпатии совсем немногих – от 2% до 6% опрошенной молодежи¹. Спустя 10 лет молодым россиянам вновь было предложено оценить основные периоды истории России. В целом общая конфигурация ответов не изменилась.² Молодежь ориентировалась на те же оценочные модели, которые были в то время характерны для массового сознания населения в целом.

Исследования, проведенные в свое время к 60-летию Великой Победы среди населения России, позволяют сделать вывод о том, что такое значительное событие XX в. как история Великой Отечественной войны в принципиальных вопросах едина для младшего, среднего и старшего поколений населения, героическое прошлое России и сегодня «работает» на консолидацию современного российского общества, на связь и преемственность поколений.³ И сегодня, спустя пять лет, молодежь в возрасте от 16 до 25 лет также гордится победой в Великой Отечественной войне 1941-45 годов (83%)⁴. Не очень молодых людей⁵ радует авторитет России в мире (15%) и демократические свободы, которые достигнуты в нашей стране в 1990-е гг. (7%). Однако вызывает тревогу постепенное забвение значимых событий, которые вымываются потоком времени из памяти молодого поколения. Исследователи А.И. Афанасьева и В.И. Меркушин отмечали, что среди молодых людей в возрасте 18-24 года оказалось в 3 раза больше, чем в когорте 60 лет и старше, тех, кто никого не помнит из полководцев войны, и в 2,5 раза меньше помнящих Героев Советского Союза той поры. Не смогли назвать ни одного из полководцев Отечественной войны почти треть молодых людей в возрасте от 18 до 24 лет. Среди них – вчерашние и сегодняшние школьники, студенты. Авторы сетуют, что невозможно помнить то, чего не знаешь и считают, что состояние исторической памяти моло-

¹ Общероссийские репрезентативные исследования, проводившиеся Российским независимым институтом социальных и национальных проблем (РНИСНП) по единой методике в 1995 и 1997 гг. и Институтом социологии РАН в 2007 г. Объем выборочной совокупности в каждом исследовании – по 1750 человек соответственно

² Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Молодежь России: демографические тенденции, историческое сознание. Мониторинг общественного мнения. Ноябрь-декабрь 2009. № 6 (94). С.39.

³ Саралиева З.Х., Балабанов С.С. Великая Отечественная в памяти трех поколений //Социс. 2005. №11. С.19.

⁴ Общероссийское исследование, проведенное Центром социального прогнозирования и маркетинга в апреле-мае 2009 г. в 21 субъекте РФ, с репрезентацией данных исследования на федеральном уровне и на уровне административных округов РФ. Выборка составила 2000 человек

⁵ Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Молодежь России: демографические тенденции, историческое сознание. Мониторинг общественного мнения. Ноябрь-декабрь 2009. № 6 (94). С.38.

дых россиян объясняется не столько их возрастными особенностями, сколько социально-политическими причинами, связанными с социальным статусом, уровнем образования, доступом к информации, характером семьи и др.¹

Другими авторами отмечается тот факт, что в числе основных источников знаний о войне у всех поколений фигурируют семейные воспоминания; у молодежи – встречи с ветеранами (52%). Пресса редко упоминается в анкетах молодых людей в качестве основных источников информации. Характерно, что события военной поры молодые люди обсуждают не со сверстниками, а с собеседниками из поколений отцов и дедов.² Имеются у авторов и претензии к современным учебникам истории, где информации о таком значимом событии уделяется всего лишь 8% от объема учебного пособия. Разные эксперты недовольны ими по-своему. Например, известный историк Н. Винокуров недоволен самим содержанием современных учебников истории, а не только организацией материала в них. «Учебники изуродованы, – считает он. – Их авторы начали переписывать историю, в том числе и историю Второй мировой войны, очерняя нашу победу»³.

Как показал опрос, проведенный ВЦИОМ в 2004 г., память о Великой Отечественной войне в значительной степени сохраняется на уровне семейных преданий. Половина россиян (50%) знает о войне непосредственно из рассказов своих близких, а также из семейных архивов. Ведь у подавляющего большинства россиян (91%) кто-то из родственников в ней принимал участие, а каждый десятый потерял в ней кого-то из своих близких⁴. В то же время треть опрошенных – 31%, зная, что кто-то из их родственников воевал, тем не менее, уже не знакома с подробностями их военной биографии. Опять же, в молодежной среде (18-24 и 25-34 года) число не сохранивших семейные воспоминания гораздо выше – 43%⁵.

Ученые бьют тревогу: с каждым годом россияне все хуже и хуже знают историю. По данным Левада-центра, если в 2001 г. на вопрос о том, кто был противником и союзником СССР в годы Второй мировой войны, затруднились ответить 15% и 13% опрошенных соответственно, то в 2004 г. – 18% и 24%. Дети иногда путают Великую Отечественную войну с Отечественной войной 1812 г., не говоря уже о том, что часть школьников не знают ни полководцев, ни героев Великой Отечественной войны. Кстати, данные опросов, проводимых в 2004 и в 2010 гг., показали, что среди студенческой молодежи дела обстоят не лучшим образом. Из тех выпускников, которые сдавали ЕГЭ по истории в 2005 г., высший балл (100) получили 16 человек. Для сравнения, по русскому языку их 416⁶.

Прочное место в памяти народа принадлежит легендарному полководцу Г.К. Жукову – 80% опрошенных. Хорошо помнят К.К. Рокоссовского (40%), И.С. Конева (23%), Р.Я. Малиновского (9%), А.М. Василевского (6%), К.Е.Ворошилова (7%), С.М. Буденного (6%) и др. Из числа Героев Советского Союза были названы Александр Матросов, Александр Покрышкин, Зоя Космодемьянская, Алексей Маресьев, Николай Гастелло, Иван Кожедуб и др. Такие же результаты были получены и у других исследователей⁷. Встречались и курьезные ответы. Называли героями ВОВ участников Гражданской войны, не доживших до 1941 г.: Фрунзе, Котовского, Дзержинского. Встречаются, правда, как единичные, упоминания Кутузова, Суворова, Нахимова, Ушакова – военачальников и флотоводцев, но совсем других войн и вре-

¹ Афанасьева А.И., Меркушин В.И. К 60-летию великой Победы. Великая Отечественная война в исторической памяти россиян. Социс. 2005. №5. С.14.

² Саралиева З.Х., Балабанов С.С. Великая Отечественная в памяти трех поколений. Социс. 2005. №11. С.5.

³ Одноглазый Жуков? [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://old.wciom.ru/arkhiv/tematicheskii-arkhiv/item/single/8133.html>

⁴ Опрос проведен ВЦИОМ 17-18 апреля 2004 г. Опрошен 1601 человек в 100 населенных пунктах в 39 областях, краях и республиках России.

⁵ Пресс-выпуск №1483 <http://old.wciom.ru/arkhiv/tematicheskii-arkhiv/item/single/13446.html>

⁶ Одноглазый Жуков? [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://old.wciom.ru/arkhiv/tematicheskii-arkhiv/item/single/8133.html>

⁷ Саралиева З.Х., Балабанов С.С. Великая Отечественная в памяти трех поколений // Социс. 2005. №11. С.2-19.

мен. И совсем курьезный факт. В числе полководцев назван маршал Градов (вымышленный образ из телевизионного сериала «Московская сага»)¹.

В мае-июне 2010 г. к 65-летию Великой Победы Российским обществом социологов (РОС) среди молодежи был проведен всероссийский опрос, охвативший 3450 человек в 15 городах России. 79% от числа опрошенных помнят Г.К. Жукова; 30% – К.К. Рокоссовского, 12% – И.С. Конева, 8% – И.В. Сталина, 2% – С.М. Буденного и др. В числе Героев Советского Союза назывались практически те же фамилии, что и пять лет назад. Как курьез добавились «Штирлиц и радистка Кэт». В череде значимых событий отметили Сталинградскую битву (60%), битву на Курской дуге (48%), блокаду Ленинграда (45%). Эти данные коррелируют с данными опроса ВЦИОМ,² где две трети россиян (68%) назвали Сталинградскую битву важнейшим событием Великой Отечественной войны, а 31% считали, что именно это событие явилось коренным переломом в ходе битвы³.

Однако стоит отметить, что проблема исторической безграмотности все-таки существует. Например, согласно тому же опросу ВЦИОМ каждый десятый не смог назвать дату начала Великой Отечественной войны. Причем из этих россиян 10% не вспомнили год, а 3% всех респондентов не знали, участвовал ли в войне кто-нибудь из их родственников. Кроме этого в ходе опроса, проведенного РОС, почему-то прозвучала Куликовская битва (0,3%) и уже совсем курьезно – Ледовое побоище (0,1%). Мы сколько угодно можем сетовать на плохие учебники и «беспамятную и неблагодарную молодежь». Но наше поколение в возрасте наших детей много читало, уважало ветеранов, ходило в музеи и слушало классическую музыку, и уж точно наши родители не смотрели по пять сериалов в день и не проводили отпуск по системе «все включено». Историческая память (читай – социальная) на самом деле очень хрупкая вещь. Все зависит от того, как расставить акценты. Есть такой болезненный аспект памяти о войне, как преступления, совершенные в её ходе. По мнению генерального директора ВЦИОМ Валерия Федорова, «закрывать эту главу истории» предлагают 57% венгров, 49% австрийцев, 46% немцев. Народы же стран антигитлеровской коалиции, особенно тех, кто пострадал от военных преступлений больше других, считают своим моральным долгом хранить память о них. Так считают 50% словенцев, 62% поляков, 83% русских. Различные стороны считают спорные вопросы истории принципиально важными для самоуважения и самоутверждения нации и для выяснения её отношений с бывшими оппонентами. Рассуждая о том, что принесла Красная армия народам Польши, Чехословакии и другим, 77% россиян говорят: «освобождение от фашизма», и только 11% – «коммунистическую оккупацию». Естественно, что мнение по этому вопросу у самих освобожденных резко отличается.

Не вызывает в таком контексте удивления тот факт, что инициативы наших политиков по введению уголовной ответственности за отрицание этого факта находят широкую поддержку населения. Такую идею С. Шойгу одобряют 50% опрошенных россиян. Ведь всем сегодня очевидно, что для России в её нынешнем состоянии признание определяющей роли СССР в победе над фашизмом – один из способов защиты нашего права участвовать в решении судеб Европы и мира.⁴

Согласно последнему опросу, проведенному под эгидой РОС, во многих семьях хранятся награды (37%) и фотографии военных лет (32%). На вопрос «Что значит быть патриотом России?» молодые люди ответили следующим образом: «уважать и знать историю России» (69%), «испытывать гордость за свою страну» (58%), «уважительно относиться к участникам ВОВ, людям пожилого возраста» (49%), «испытывать чувство ответственности за происходящее в стране» (34%), «быть готовым к самопожертвованию ради интересов страны» (29%), «принимать участие в общественной политической жизни страны» (16%), «не уклоняться от

¹ Афанасьева А.И., Меркушин В.И. К 60-летию великой Победы. Великая Отечественная война в исторической памяти россиян // Социс. 2005. №5. С.14-15.

² Всероссийские опросы ВЦИОМ проведены в 2007-2010 г. Опрошено по 1600 человек в 140 населенных пунктах в 42 областях, краях и республиках России. Статистическая погрешность не превышает 3,4%.

³ Пресс-выпуск №1483 <http://old.wciom.ru/arkhiv/tematicheskii-arkhiv/item/single/13446.html>

⁴ Федоров В. Новые бои за историю//«Профиль», 26 апреля 2010, № 15-16. - с.32.

службы в армии» (12%), «честно и добросовестно трудиться» (10%). Но среди этих высказываний встречались и такие: «я презираю свое отечество, с ног до головы, но мне становится грустно, когда иностранец разделяет со мной это чувство», «сейчас Родина и государство – слишком разные понятия, непонятно, за кого отдавать жизнь, и отдавать ли». Лишь 23% уверенно ответили, что они являются патриотами, а 57% осторожно заметили «скорее да, чем нет», поскольку у 14% ответивших таким образом, «память о ВОВ заслоняют иные события проблемы». 14% считают, что «скорее нет, чем да», и «нет» – 4%. В данном случае 18% молодежи практически не считают себя патриотами страны. По данным М.К. Горшкова и Ф.Э. Шереги среди молодежи тех, кто ощущает себя патриотом в полной мере – 33%, не в полной мере – 42%, не ощущают себя патриотами 17% и затрудняются с ответом 8%. В сумме неблагоприятную позицию заняли 26% молодежи. Авторы делают вывод, что чем выше в стране социальный дискомфорт, тем слабее чувство патриотизма¹.

Представляется целесообразным рассмотреть тот социальный фон, на котором формируется современная молодежь, из чего складывается тот мозаичный, осколочный мир поколения будущего. Может быть, тогда мы поймем, куда исчезает патриотизм и почему некоторым представителям молодежи приходит в голову использовать георгиевские ленточки в качестве шнурков для ботинок. У нас начинает преобладать так называемый *показной* патриотизм. Поскольку в некоторых художественных фильмах, публицистических телепередачах развенчивается собственная история, наблюдается ухудшение экономической ситуации, то имеется очень мало поводов испытывать гордость за Россию. Многие молодые люди без сожаления покидают свою родину. Однако желание молодежи гордиться своей большой и сильной страной есть. Но вопрос заключается в том, какие формы оно приобретает. Отсутствие должного внимания к молодым людям со стороны государства, желание бизнеса получить от них максимальную материальную выгоду и другие факторы вместо патриотизма порождают всплеск национализма, экстремизма, снижение толерантности в целом.

Авторами статьи в течение ряда лет проводились эмпирические исследования по данному направлению. Они позволили выявить факторы, способствующие проявлению интолерантности. Например, в феврале 2003 г. с целью определения социальной дистанции по отношению к другим этническим группам авторы провели пилотажное исследование среди молодежи тюменских вузов (всего 348 человек в возрасте от 18 до 22 лет). Для измерения была использована методика Э. Богардуса.² Респондентам было предложено ответить на вопрос: «Какие взаимоотношения с представителями других национальностей для Вас приемлемы?» Варианты ответов располагались в диапазоне от «брачные отношения» до «игнорирование». Если респондент выбирал вариант «брачные отношения», то он автоматически соглашался со всеми последующими позициями. Если останавливался на варианте «быть жителями одного города», то предыдущие варианты для него были неприемлемы. В качестве объектов исследования определены две группы: национальности, имеющие наибольший удельный вес в структуре населения Тюменской области³ и представители рас и национальностей, формирующие у Тюменской молодежи общее представление об их коренных признаках.

В первую группу вошли: татары, немцы, украинцы, белорусы, чуваша, башкиры, ханты (в связи с отсутствием у молодежи дифференциальных представлений об аборигенах Тюменской области в эту группу также включены ненцы, селькупы и манси, тем не менее, различия у аборигенов Тюменской области значительны и представляют научный интерес как самостоятельный объект исследования), чеченцы (чеченская диаспора немногочисленна, но включена для выявления обобщенного представления молодежи о «лицах кавказской национальности»). Вторая группа представлена: американцами и англичанами (в связи с геополитическими процессами при непосредственном их участии), японцами, китайцами, французами, итальянцами, арабами и евреями (ассоциативная связь с событиями на Ближнем Востоке

¹ Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Молодежь России: социологический портрет. Второе издание, дополненное и исправленное. М., 2010. С.79.

² Татарова Г.Г. Методология анализа данных в социологии (введение). М., 1999. С.81.

³ Тюменская область в цифрах. Статистический сборник. Тюмень, 2000. С.14.

и Ираке), негритянским населением (как африканцами, так и афроамериканцами)¹ (См.: Рис.1, рис.2).

Рубежным критерием толерантности принят показатель: «*быть коллегами*», обеспечивающим высокую степень коммуникации.

По первой группе очевидна неприязнь к чеченцам – 85% (по мнению авторов, вызванная деятельностью СМИ, создавшими негативный образ чеченца); в меньшей степени к хантам – 68% (бытующее «пренебрежение к нацменьшинствам»); еще меньше выражена нетерпимость к чувашам – 51% (скорее, как реакция на слово, нежели персоналии).

Вызывает определенный интерес толерантность и самих аборигенов Тюменской области. Как показали данные фактического анализа, не половая принадлежность и не уровень образования «влекут» человека в ряды потенциальных националистов.

В качестве действительно значимого фактора выступает возраст: молодежь в большей мере ориентирована на негативные этностереотипы, которые с возрастом ослабевают.

Так среди основных факторов, обуславливающих рост этнического негативизма в молодежной среде, по мнению Хайруллиной Н.Г.², можно было отметить кризисное состояние социума; разрушение ценностного мира; установка на «свою» группу, «своих» товарищей, которые помогут и защитят. Респондентам, положительно ответившим на вопрос об этнической неприязни, исследователи предложили назвать национальность, которая вызывает у них антипатию. Всего от сельских и городских участников анкетного опроса было получено 410 ответов (опрос проводился в 1999–2000 гг. и охватил преимущественно северные территории Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов), которые можно классифицировать следующим образом: региональный негативизм – русские (32 и 29%); этнофобия – азербайджанцы (20 и 23%), чеченцы (17 и 19%), цыгане (7 и 11%), грузины (6 и 8%), татары (4 и 3%). Наиболее очевидными, согласно результатам исследования, являются русская и «антикавказская» мотивации, которые составили 55% ответов участников опроса. Как считает Н.Г. Хайруллина, оба стереотипа носят социально-экономический, а не сугубо этнический характер. Первый связан с теми представителями, которые на протяжении последних трех десятилетий ведут нефтегазовое освоение региона. Второй возникает как реванш на реальную или мнимую, непропорциональную с точки зрения респондентов, концентрацию представителей Кавказа в наиболее доходных социальных «нишах», которые хотели бы занять менее удачливые представители аборигенного меньшинства³.

По результатам, полученным авторами, по первой группе в качестве желаемых коллег названы: украинцы – 88%, немцы (как этнос, проживающий на территории Сибири) – 80%, белорусы – 74%. По второй группе: арабы – 32% и евреи – 36% (одной из доминирующих причин названа эскалация напряженности на Ближнем Востоке); более терпимы к неграм – 42% и китайцам – 42% (к так называемым «цветным»). Характерно, что нетерпимость к «российским» национальностям представлена рельефнее и поэтому, содержит большую потенциальную угрозу (см.: для сравнения арабы и чеченцы).

Наибольшие симпатии у тюменской молодежи вызвали (готовы вступить в брак): французы – 56%, украинцы – 49%, англичане – 46%, белорусы – 44%, итальянцы – 39% и немцы – 38%. Национальная неприязнь и нетерпимость (к чеченцам – 34%; к евреям – 23%; к неграм – 21,3%) вызывают не только социальную напряженность в российском обществе, но и предопределяют диспропорции в моральных стандартах, и, следовательно, деление людей на «своих» и «чужих»; снижение нравственных требований к «своим» и ужесточение спроса с

¹ В пределах Тюменской области сосредоточено наибольшее количество представителей четырех аборигенных народов: 90% ханты; 95% манси; 65% ненцы; 45% селькупы. В среде четырех названных народов в пределах Тюменской области сохранились группы с достаточно сильным традиционно-культурным потенциалом – гыданская, тазовская ямальская, полярно-уральская, группы кочевых тундровых ненцев, нумтинско-пуровская группа лесных ненцев, войкарская, сынская, куноватская, казымская группа ханты, сосьвинско-ляпинская группа манси, верхне-газовская группа селькупов.

Хайруллина Н.Г. Социодиагностика этнокультурной ситуации в северном регионе. Тюмень, 2000. С.3.

² Хайруллина Н.Г. Социодиагностика этнокультурной ситуации в северном регионе. Тюмень, 2000.

³ Там же. С.163.

Рис.1. Готовы ли вы к тому, чтобы с представителями разных национальностей ...

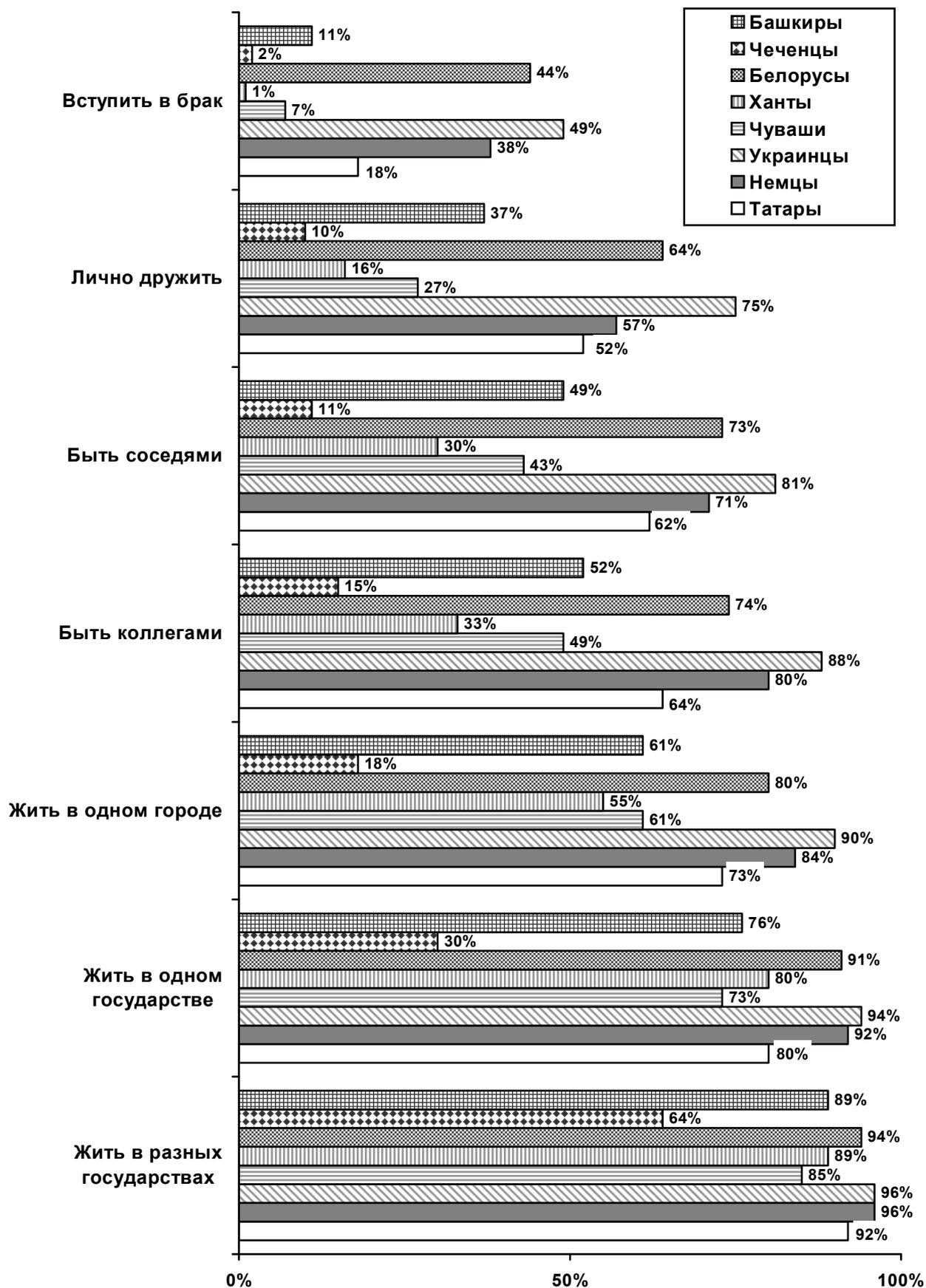
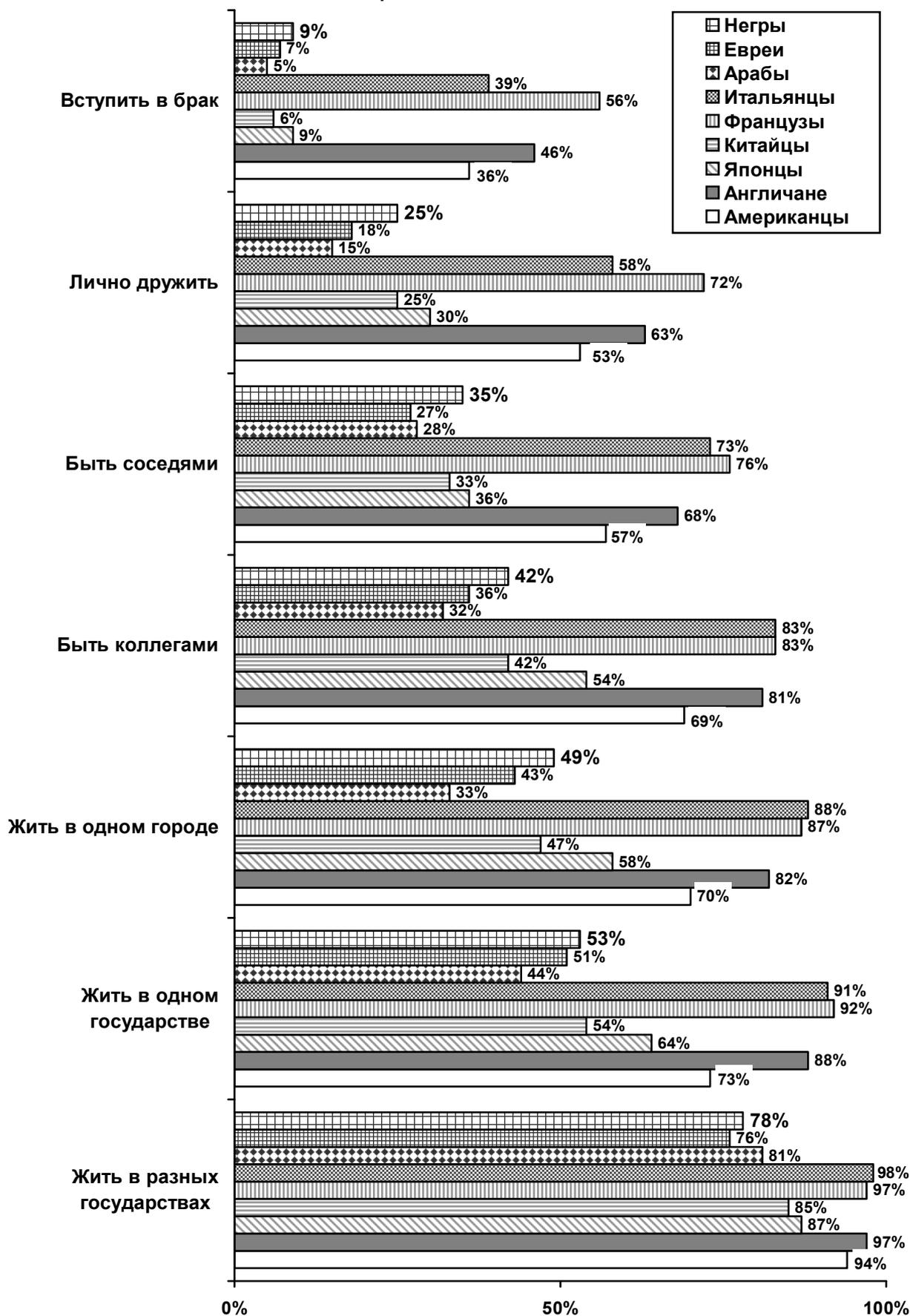

Рис.2. Готовы ли вы к тому, чтобы с представителями разных национальностей ...

«чужих»¹.

Эта двойственность оказывает и самое непосредственное влияние на правовую и политическую сферы, формирует заданные стандарты и стереотипы в межличностных взаимоотношениях и результатах совместной деятельности, в геополитических процессах современности, а порой и провоцирует выступление националистических группировок.

Косвенно подтверждает результаты исследования опрос, проведенный авторским коллективом под руководством Н.Г. Хайруллиной². В ходе него было выявлено, что практически половина респондентов (48%) отметила существование определенной степени напряженности в отношениях между представителями различных национальностей. 38% опрошенных оценили отношения как стабильные и беспроблемные. Существование сильной напряженности отметили 7% участников опроса, затруднились ответить – 5%³. Причем женщины, будучи более эмоциональными и коммуникабельными, чаще, чем мужчины отмечали наличие определенной предконфликтной ситуации. Причинами, вызывающими напряженность в отношениях между представителями различных национальностей, по мнению респондентов, были: низкая культура общения (22%), ущемление прав отдельных народов (17%), особенности обычаев различных народов (13%), борьба за власть на разных уровнях (10%)⁴.

Если мы обратим внимание на исследования, проведенные в 2006 г. в режиме социологического мониторинга «Как живешь, Россия?» в 12 регионах России, куда вошла и Тюменская область, то они показали значительное увеличение доли лиц, указавших на определенную степень напряженности. Самое большое число респондентов, выразивших безусловную готовность принять участие в конфликте в интересах своей национальной группы, оказалось в г. Тюмени⁵. Конфликтогенными факторами явились миграционные и социально-экономические процессы в области. Следует отметить, что Тюменская область по темпам развития входит в число регионов-лидеров по социально-экономической привлекательности.

В Тюменской области периодически появляются сообщения о летящих в культовые здания бутылках с зажигательной смесью, о массовых драках между русскими и представителями Средней Азии на юге региона, о судах над скинхедами в г. Сургуте, которые избивали и убивали граждан Таджикистана и Узбекистана и своих же россиян. При этом они провозглашали «русскую идею»⁶. И во всех этих случаях фигурируют представители молодого поколения от 18 до 25 лет. Все эти факты, свидетельствующие о наличии проблемной ситуации в области, побудили авторов статьи провести в мае-июне 2007 г. опрос респондентов, целью которого явилось выявление степени толерантности в обществе и определение факторов, вызывающих межэтническую напряженность на юге Тюменской области, так как юг области все чаще попадает в сводки криминальной хроники. Отбор респондентов осуществлялся с помощью квотной стратифицированной выборки со связанными параметрами (национальность, пол, возраст, семейное положение, сфера занятости). Исследование проводилось в пяти городах: Тюмень, Тобольск, Ишим, Заводоуковск, Ялуторовск. Всего было опрошено 725 человек. Мужчины – 47%, женщины – 53%⁷.

¹ Грошев И.Л., Грошева И.А. Гуманистическая дилемма полиэтнического общества // Этносоциальные процессы в Сибири: Тематический сб./Под ред. Ю.В. Попкова. Новосибирск, 2004. Вып.6. С.160.

² г.Тюмень, 2003 г.: 378 респондентов, из них женщины составили 64,8%, мужчины – 35,2%

³ Хайруллина Н.Г., Салихова А.Р. Динамика социокультурной ситуации на юге Тюменской области// Вестник Тюменского Нефтегазового университета. Региональные социальные процессы. 2005.№1. С.104.

⁴ Хайруллина Н.Г., Салихова А.Р. Динамика социокультурной ситуации на юге Тюменской области// Вестник Тюменского Нефтегазового университета. Региональные социальные процессы. 2005.№1. С.105.

⁵ Керимов К.С. Конфликтогенные факторы межнациональных отношений в северном регионе//Вестник Тюменского Нефтегазового университета. Региональные социальные процессы. 2006. №3. С.53.

⁶ <http://www.ihtus.ru/chron/112006/02.shtml>

⁷ Грошева И.А., Грошев И.Л. Проблема формирования толерантности в Тюменской области: опыт социологического анализа //Вестник РУДН. Серия Социология. 2009.№2. С.54-62. Респонденты: служащие госучреждений (27%), акционерных предприятий (21%) и частных предприятий (19%); имеющие высшее образование (47%); специалисты (26%) и служащие (30%); семейные (57%); без детей (38%), с одним ребенком (30%) и с двумя детьми (27%). 64% опрошенных – жители Тюмени, 13% – Тобольска, 8% – Ишима, 10% – Ялуторовска, 7% – Заводоуковска.

В блоке вопросов, диагностирующих этническую ситуацию в области, оценивались не только этническая ситуация, но и самоидентификация респондентов, понятия о национальности и этническом самочувствии; определялись факторы, вызывающие напряженность в регионе, социальная дистанция к представителям различных национальностей.

Распределение ответов по отношению к нынешней этнической ситуации оказалось следующим: 31% оценивают её как спокойную, 33% более склоняются к мысли, что ситуация беспокойная и 30% раздражены. Однако несколько иная картина складывается в возрастных группах. Особенную обеспокоенность (50%) и раздраженность (24%) высказывает молодежь в возрасте до 20 лет и респонденты в возрастной группе 25-29 лет (41% и 23% соответственно). Эти возрастные группы являются не только наиболее динамичными и агрессивными настроенными, но и иницируют субкультурные стереотипы и нормы поведения. Респонденты в зрелом возрасте от 35 до 49 лет спокойно оценивают обстановку, чаще отмечалась позиция «я считаю, что ситуация спокойная, угрозы не ощущается». Для респондентов в возрастной группе «50 лет и старше» наряду со спокойной оценкой характерен ответ «меня раздражает увеличение представителей других национальностей». Такой же раздражитель и у возрастной группы 20-24 года. Настораживают ответы жителей Ялуторовска: среди них больше всех положительных ответов на позицию «в области назревает конфликтная ситуация» и жители характеризуют обстановку как беспокойную. Самые спокойные в этом плане респонденты проживают в Ишиме. Это легко объясняется: Ишим – пограничный город (граница с Казахстаном) и вопросам этнической толерантности там уделяется значительно больше внимания со стороны местной администрации. В Заводоуковске и Тюмени имеется значительное количество респондентов, которых раздражает присутствие других национальностей. Т.о. крупные населенные пункты, притягивающие представителей некоренных национальностей, повышают не только плотность (компактность) их расселения, но и являются концентраторами напряженности и обеспокоенности со стороны «аборигенов». Учитывая тот факт, что мигранты чаще используются для выполнения неквалифицированных видов работ, в т.ч. по обслуживанию городских улиц, коренное население видит их каждый день, что создает иллюзию массовости и вездесущности иностранцев. Отсюда появляется треть раздраженных наличием представителей южных народностей.

Значимость и связующий компонент национального признака определяется в «отношении к национальности как фактору». Большинство респондентов выразило свое мнение в высказывании: «благодаря национальности сохраняется память о предках, Родине и ее истории» (35%). 30% ответивших считают, что «каждый должен гордиться своей национальностью» и 19% полагают, что национальность «дана человеку от природы или Богом и менять ее нельзя». Лишь 6,3% ответивших посчитали, что национальность «это то, что разъединяет людей, противопоставляет их друг другу».

В качестве основного же объединяющего фактора (см.: Рис.3), респонденты чаще сходились во мнении, что это «государство, в котором мы живем» (78,2%). Также часто назывались практически всеми группами респондентов такие признаки как «язык, на котором мы говорим» (51,4%) и «историческое прошлое» (54,1%). Обращает на себя внимание тот факт, что в качестве объединяющего признака практически не заявлена религия, хотя ей, в настоящее время, пытаются приписать консолидирующую роль.

Респонденты также выделили ряд признаков, которые различают людей разных национальностей (пороговое значение свыше 50%): 1. Внешность (отметили 4 из 5 респондентов). 2. Особенности национального характера (4 из 5). 3. Религия (3 из 4). 4. Особенности поведения (3 из 4). 5. Народные традиции и обычаи (3 из 5). 6. Конфессиональное единство (отметило больше половины респондентов). Признак, имеющий двойственное значение, т.е. выступающий для одних объединяющим, а для других разъединяющим – общность календарных обрядов (47% и 44% соответственно).

При анализе парных распределений среди ответов на вопрос, «Какие признаки различают или объединяют представителей той или иной национальности» обнаружилось различие в ответах у мужчин и женщин. Мужчины утверждают, что людей различают религия и внешность, женщины – особенности национального характера и внешность. Больше всех уверены в том, что религия разъединяет людей представители возрастных групп до 20 лет и 20-24 года. Молодежь не считает религию консолидирующим фактором. Многие исследователи отмечают доминирование прагматических интересов среди молодежи, амбивалентность в отношении религиозного мировоззрения. Действительно, как можно совмещать принципы достаточности, нестяжательства, терпение и страдание с пропагандой материального успеха?¹

На внешность больше склонны обращать внимание респонденты в возрастных группах 25-29 и 50 лет и старше, живущие в гг. Тюмени, Ишиме и Заводоуковске. Респонденты от 30 до 49 лет, жители гг. Тобольска и Ялуторовска выделяют как основу для различий особенности национального характера.

Важность и актуальность национального признака в сфере коммуникации прослеживалась при ответе на вопрос «Обращаете ли Вы внимание на национальность окружающих». Большинство респондентов (37%) обращают внимание в том случае, если представители других национальностей чем-то несимпатичны. 26% ответивших (в основном это молодые люди в возрасте до 20 лет) обращают внимание на национальность окружающих в любом случае и примерно столько же (27%) вообще не замечают этот фактор. Т.о. четверть опрошенных настороженно относится к представителям иной национальности, и в этой ситуации вполне вероятно наличие стремления к общению только со «своими».²

В качестве факторов, являющихся причинами возникновения напряженности между людьми разных национальностей, респонденты признают низкую культуру общения, слабое владение ситуацией со стороны федеральных и местных органов управления, неконтролируемую миграцию (см. табл. 1, респондентам предоставлена возможность выбора нескольких вариантов ответов).

¹ Белова О.Р., Вишневецкий Ю.Р. Глобализация и развитие предпринимательства// Глобализация: мифы и реальность: Материалы Международной научно-практической конференции. Тюмень, 2009. С.26.

² П.1.4. Декларации принципов толерантности. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://antirasizm.ru/news.php?page=1>

Таблица 1

Факторы, вызывающие напряженность в межнациональных отношениях

Факторы	Σ	пол		возраст						
		муж.	жен.	до 20	20-24	25-29	30-34	35-39	40-49	50 и >
Неспособность Федеральных властей...	22	25	18	22	21	20	28	14	20	26
Неспособность местных властей...	24	28	20	22	14	26	29	27	25	25
Низкий уровень культуры.....	42	38	46	52	42	46	45	43	35	38
Ошибки в политике	22	26	18	12	17	21	23	27	30	21
Неуважение к культуре	34	31	37	38	41	35	29	31	32	32
Ухудшение экономической ситуации	23	20	25	12	22	22	23	23	26	26
Миграция...	34	31	37	42	38	34	35	32	33	27
Уголовные элементы	13	15	12	32	9,9	16	11	11	15	12
Национальные движения	13	14	12	16	21	9,8	15	8	10	7

Следует согласиться с тем фактом, что мнение населения достаточно объективно в оценке двустороннего характера процессов межнационального взаимодействия как со стороны власти, так и со стороны рядового обывателя.

В основном все участники опроса считают основной причиной появления конфликтов на межнациональной почве является низкая культура межнационального общения. Эти ответы коррелируют с данными, полученными в исследовании Н.Г. Хайруллиной, о котором упоминалось выше. «Неуважение к культуре» и такая позиция как «миграция из других регионов страны, борьба за рабочие места» фигурирует практически у всех групп респондентов. Проблему миграции особо отмечают респонденты в возрасте до 20 лет и жители Тобольска и Ялуторовска. Также молодежь до 20 лет и жители Ишима в большей степени обеспокоены низкой культурой межнационального общения. Причем именно респонденты в возрасте до 20 лет указали на такую причину как «использование уголовными элементами трудностей межэтнических отношений», а респонденты, живущие в Ишиме добавили сюда и «ухудшение экономической ситуации, различия в размере заработков».

Понятие «низкий уровень культуры общения» у респондентов складывается из трех составляющих:

- 1) низкий уровень знакомства с традициями и обычаями национальных меньшинств;
- 2) отсутствие желания узнавать, понимать собеседника;¹
- 3) определенный страх за сохранение собственной самобытности, самоидентичности и чувства национального достоинства.

Эти компоненты со временем, на фоне дестабилизации в мире, лишь усиливаются и подкрепляются новыми аргументами и фактами, имеющими психологический характер. Социальные ожидания определяют внутреннюю готовность к активизации поступков в случае внешней угрозы.

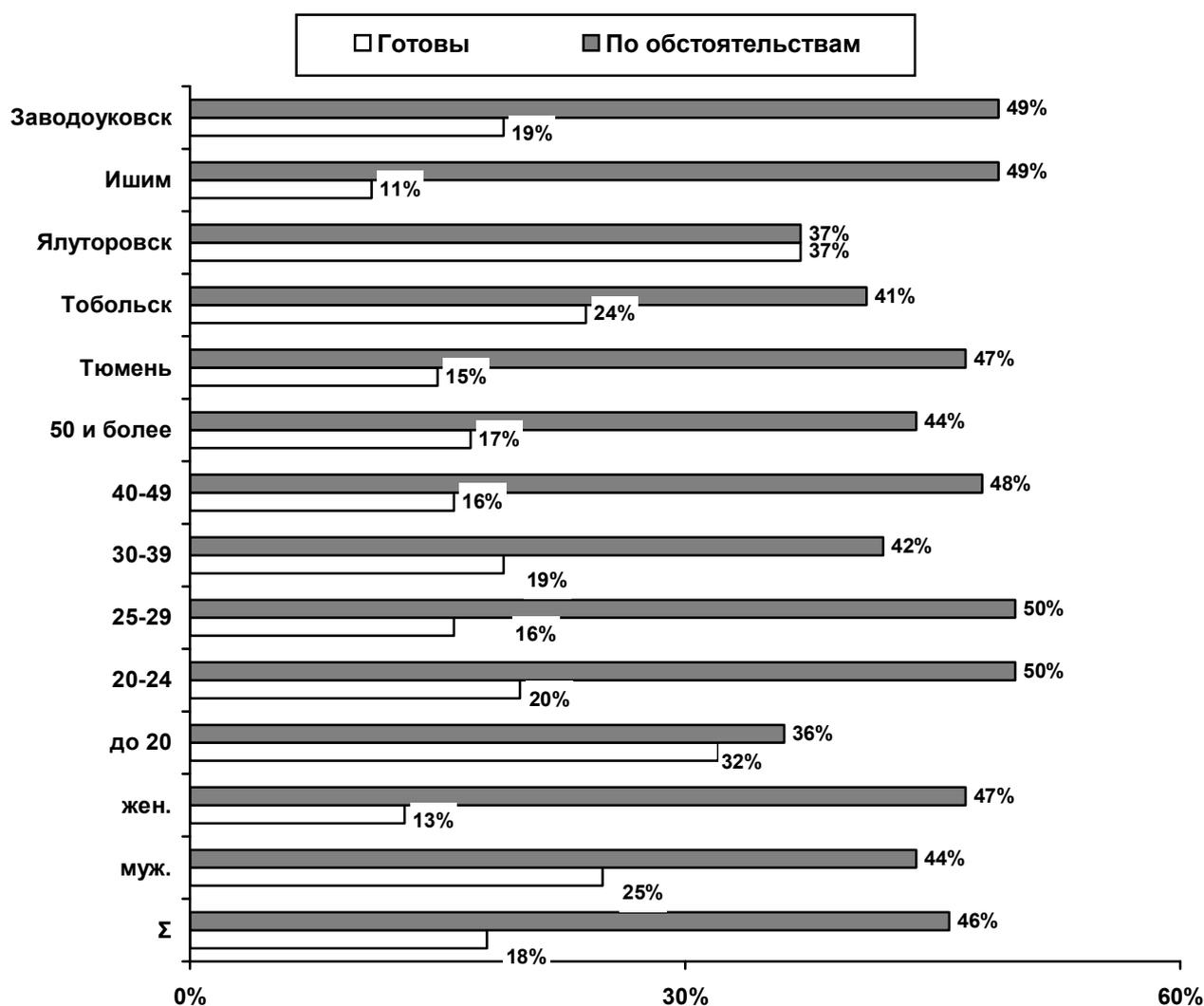
5% респондентов отмечают наличие предконфликтной ситуации и, следует предполагать, что активная часть потенциальных участников открытых столкновений находится в пределах 4-5%. Данный процент представляет угрозу стабильности, т.к. установка на противостояние и противодействие при определенных внешних и внутренних условиях, служит своеобразным детонатором для готовности к действию «неопределившейся» части населения области.

¹ п.п. 1.1, 1.4 Декларации принципов толерантности.[Электронный ресурс] Режим доступа: <http://antirasizm.ru/news.php?page=1>

Например, готовность отстаивать свои национальные интересы обнаруживается у 64% процентов опрошенных, 18% – не определились, а 17% откажутся от каких-либо активных действий. Принять участие в конфликте в интересах своей национальной группы при конкретных обстоятельствах готовы 46% респондентов, что не может не тревожить, т.к. к названной выше процентной доле активной части населения (4-5%) прибавляется 40% активно-пассивного настроя. Можно предположить, что существует некоторое «пороговое значение» по численному составу, когда групповое ожидание действий должно трансформироваться в акты реального противостояния и противодействия психологической угрозе со стороны коренного населения.

Обращает на себя внимание в этом провоцирующем вопросе бóльшая готовность мужчин принять участие в межнациональном конфликте и молодежи в возрасте до 20 лет, для женщин это характерно в скрытой форме (зависит от обстоятельств). Тревожная ситуация в г.Ялуторовске, где население высказало достаточно активную позицию в этом вопросе:

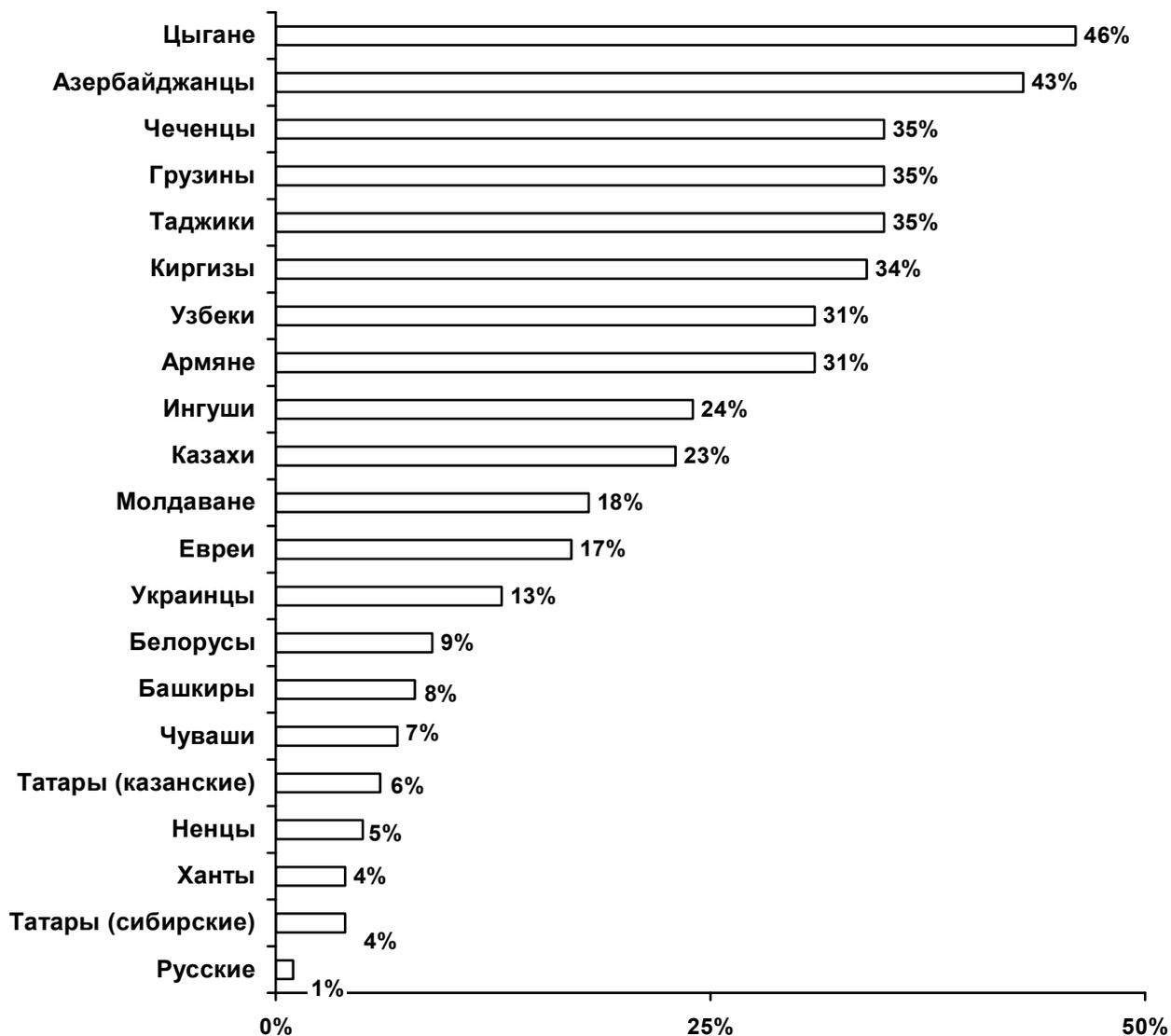
Рис .4. Степень готовности респондентов принять участие в конфликте в интересах своей национальной группы

Предварительный анализ существующей в Тюменской области социальной дистанции между представителями различных национальных групп, которая выявлялась при помощи косвенного вопроса по методике Э. Богардуса, дал следующие результаты. Более всех среди граждан России респонденты не приемлют этническую группу цыган: 46% респондентов определили по отношению к ним самую большую социальную дистанцию, т.е. выбрали позицию «быть гражданами разных государств». Это вполне объяснимо, так как люди видят их –

занимающихся попрошайничеством на центральных улицах города Тюмени при попустительстве местных властей. Также цыгане часто фигурируют в уголовной хронике в делах, связанных с торговлей наркотиками. Далее следуют азербайджанцы, грузины, таджики, киргизы, чеченцы, узбеки, ингуши:

Рис.5. Региональная этническая интолерантность

Эти данные подтверждают исследования М.К. Горшкова и Ф.Э. Шереги Московского института социологии РАН¹, проведенные в 2009 г. Нетерпимость к представителям ближнего южного зарубежья имеет устойчивую тенденцию к сохранению и приумножению.

Наибольшая толерантность среди респондентов, выбравших в качестве наиболее приемлемых отношений брак (Пороговое значение 20%), наблюдается по отношению к русским – 80%, украинцам – 26% и белорусам – 23%. Дружбу предпочитают по отношению к сибирским татарам – 30%, белорусам – 23%, татарам казанским – 22%, украинцам – 21%.

Из ответов следует вывод о пониженной толерантности в области к выходцам из ближнего зарубежья (республики Средней Азии). Следует отметить, что за последние пять лет (с 2002 по 2007 гг.) на территорию Тюменской области, по данным официальной статистики, прибыло более 56 000 представителей Средней Азии, а в случае продолжения их активной миграции в область нетерпимость к ним может возрасти спонтанно.

¹ Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Молодежь России: социологический портрет. Изд. 2-е, доп. и испр. М., 2010. С.207-209.

Если сравнивать данные, полученные по этой методике в 2007 г с данными опроса методом случайной выборки, проведенного авторами статьи в 2003 г. (N=348 чел.), то самая большая неприязнь была отмечена по отношению к представителям чеченской национальности. И сегодня можно наблюдать повышенный порог нетерпимости к ним же, т.е. речь идет об устойчивом стереотипе сознания, сформировавшемся в обществе. Поскольку опрос 2003 г. был проведен во время очередной конфликтной ситуации в Чечне, люди стремились на бланке для ответов в рукописном варианте, избегая таблицы, выражать свое резко отрицательное отношение к чеченцам. Следовательно, нельзя сбрасывать со счетов и деятельность средств массовой информации, массированная атака которых до сих пор сказывается на чеченском населении (например, чеченцам приписано участие в конфликте в Кондопоге) и отнюдь не способствует установлению толерантности в обществе. Освоение принятых в данной культуре или социальной группе способов стандартного реагирования является необходимым элементом инкультурации и первичной социализации. Однако часть из них может оказаться нецелесообразной при других условиях. Если индивид не пересматривает их в дальнейшем, а реагирует привычным образом, по заученному однажды стандарту, то его поведение окажется в большинстве случаев не гибким, неадаптивным, породит существенную напряженность в отношениях с окружающими его людьми. Стереотипные реакции не предполагают выявление причины поступков других людей, рассмотрение тех особых обстоятельств, при которых они были совершены, они так же не учитывают и особенностей характеров действующих лиц. Стереотипные реакции как привычки жестко связываются с определенными жизненными ситуациями. Привычными могут стать эмоции, характерные для таких ситуаций, действующие как их знаки и пусковые механизмы определенных образцов – «стандартов» поведения. Отрадно отметить тот факт, что позицию «игнорирование» (т.е. находились те, кто выходил за рамки таблицы и отмечал нулевую позицию) как в предыдущем исследовании вводить не пришлось. Так как в первом случае пилотажный проект проводился среди молодежи, во втором случае – среди всего населения, и это позволило нивелировать негативизм и даже экстремизм молодежной среды.

В общем виде подавляющим большинством респондентов признано неприязненное отношение к следующим представителям других национальностей (пороговое значение 20%): к лицам, занимающимся торговлей (60%); к людям других национальностей, приезжающим на работу или постоянное место жительства (35%) (см.: Рис. 6).

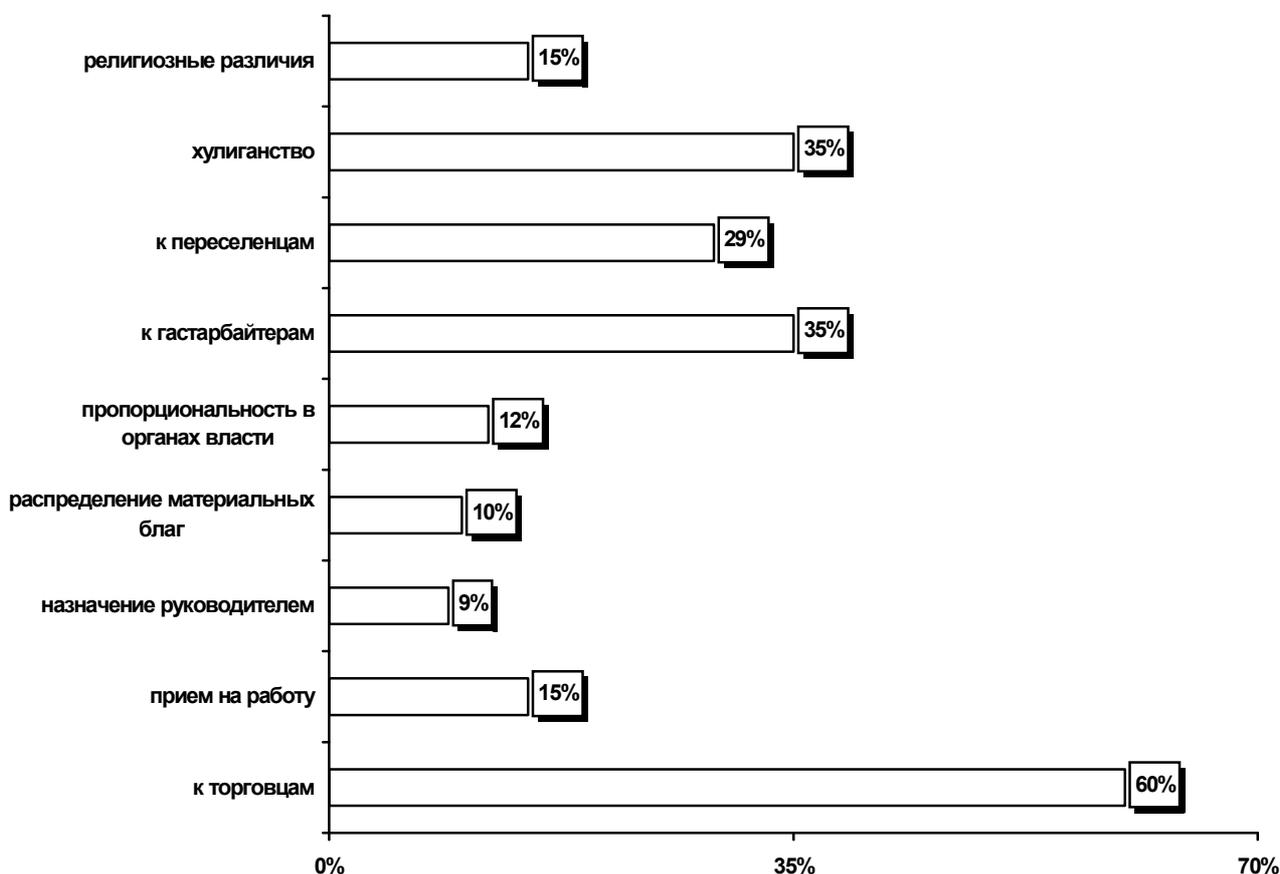
Единодушное мнение респондентов указывает на «неприязненное отношение к представителям других национальностей, занимающихся торговлей», а это, пожалуй, та сфера, в которой труд представителей южных народов весьма заметен. Более того, происходит раздел сфер влияния в области бизнеса по национальному признаку. Поскольку рыночный бизнес в основном курируют представители из Азербайджана и Грузии, естественно они и получают негативные оценки со стороны населения. Хотя при устной беседе респонденты затруднились отличить азербайджанца от грузина. Отсюда следует вывод: неприязнь лежит скорее в области психологии и социально-экономической неудовлетворенности; неприязненное отношение проявляется скорее не к конкретным этническим группам, а просто к мигранту как таковому, т.е. преобладают антииммигрантские настроения. К такому же выводу приходит при изучении гражданской идентичности и Л.М. Дробижева.¹

Среди положительных явлений в области межнациональных отношений (пороговое значение 20%) респондентами были названы: проведение Дней национальных культур (54%); заключение межнациональных браков (40%); высокую степень терпимости по отношению к представителям других национальностей (34%); проведение выставок произведений народного творчества (32%). Среди отрицательных явлений 35% респондентов называют хулиганские действия и другие нарушения общественного порядка на национальной почве. В основном это молодежь в возрасте до 20 лет и 20-24, жители Ишима и Тобольска. Эти ответы кор-

¹ Дробижева Л.М. Гражданская идентичность в Москве и регионах//Вестник РУДН. Серия Социология. 2008. №3. с. 104

релируют с ответами о причинах, вызывающих напряженность в отношениях между людьми различных национальностей, проживающих в Тюменской области. По мнению представителей возрастной группы 25-29 лет и жителей Ялуторовска и Ишима недопустимо «использование религии и чувств верующих людей для возбуждения вражды к людям других национальностей». В связи с этим следует отметить и тот факт, что деятельность Русской Православной церкви не способствует становлению толерантных отношений в обществе, лоббируя преподавание в школе основ православной культуры и выполняя несвойственные ей функции в светском государстве. Проповедуемые идеи далеко не так однозначны как в самой религии, так и в целом в обществе. На самом деле, справедливость, о которой так много сказано в священном писании, в большей степени рассматривается лишь в отдаленном будущем (судный день). Равенство не обеспечивается ни по физиологическим признакам, ни по социальному статусу человека. Ни одна религия не предоставляет абсолютно равные права мужчине и женщине, верующим и атеистам, старшим и молодым. Таким образом, вполне естественно и обоснованно наличие двойной морали. Этот факт очень чутко улавливает современная молодежь.

Рис.6. Факторы, определяющие негативные проявления в сфере межнациональных отношений (кто и что вызывает неприязненное отношение)

Например, в марте 2010 г. студентам третьего курса факультетов юриспруденции и управления Тюменской государственной академии мировой экономики, управления и права было предложено в виде эссе изложить свою точку зрения на тему: «Религия спасет мир. Согласны ли Вы с таким утверждением?» В исследовании приняли участие 42 человека в возрасте 19-21 год. Поражает рациональность и наблюдательность молодого поколения. Вот некоторые из полученных высказываний:

Даша Л.: «Религия – это достаточно динамичная система, нацеленная на продвижение церкви. А церковь, в свою очередь, направлена на повышение статуса политики. Поражает, как во время духовной службы батюшка поднимает вопросы кризиса и в целом экономиче-

ской политики, оправдывая деятелей государственных органов власти. Разве в этом состоит идея церкви? Лично я верю в Бога, но не верю в Церковь. Религия спасет мир только в том случае, если каждый человек будет нацелен на внутренний мир, познание себя, веры, которую он исповедует, духовную реализацию, если будет следовать канонам данной религии. И не потому, что требуется, а потому, что совпадает с моралью. Проявление доброты и великодушия к окружающему – это действительно спасет мир». К такому же выводу, что служители Русской православной церкви давно определились и их деятельность сводится к верному служению не обществу и даже не государству, а власти, пришли коллеги из Нижнего Новгорода, изучая проблему религиозности современного студенчества.¹

Антон З.: *«Обидно, что в настоящее время религия измеряется высотой куполов, тяжестью крестов и количеством золота в этих предметах (применительно к России). Да, конечно, церкви и церковники хорошо доводят до нас смысл милосердия, сострадания, прощения, любви и просят нас искать в себе эти качества и чувства. Но многие понимают все слишком буквально и начинают придерживаться заветов только из страха попасть в преисподнюю. Делать все нужно исходя из веры в самого себя, людей, надежды на безоблачное будущее... Страшно осознавать, что религия и политика очень похожи. Все-таки, наверное, прежде чем спасать мир надо спасать себя, находить в себе что-то хорошее и нести это в мир. Только надо, чтобы это сделал каждый».*

Очевидно, что молодые люди делают акцент на индивидуальном самосовершенствовании, указывают на тот факт, что начинать в первую очередь, необходимо с себя. Разочарование в декларируемых социальных установках на добро и справедливость сказывается и на отношении к действующим социальным институтам. Можно предполагать, что лозунг «На Бога надейся, а сам не плошай» весьма актуален для молодых людей. У опрошенных также вызывали тревогу религиозные фанатики, способствующие разжиганию межнациональной розни, были негативные отзывы о служителях церкви за платность услуг (ссылались при этом на так называемые «прайсы» у входа в церковь и т.д.). Позиционируют себя верующими очень многие, однако это скорее группа «сочувствующих», так как религиозность не присуща им в полной мере.

По мнению М. Поздняковой и Л. Рыбаковой, наблюдаемый в настоящее время рост религиозности у подавляющей части взрослого населения еще недавно атеистической страны обусловлен переживанием собственной слабости, беспомощности, потери контроля над событиями индивидуальной жизни и поиском опоры при упорядочении своих представлений об окружающем мире, что является необходимым условием стабильного существования. Опора на веру, интуицию, обращение к тому, с чем ты не сталкиваешься в реальной жизни, – это одновременно и признание собственного бессилия и оценка своей дезинтегрированной позиции в социуме.²

Население региона всё отчетливее связывает собственные экономические трудности, имущественное расслоение, социальную несправедливость с доминированием представителей других национальностей именно в экономической сфере, т.е. там, где формируются и распределяются видимые финансовые потоки. Очевидно, что такая постановка вопроса, отчасти, отвлекает внимание незащищенных слоев (к числу которых относится молодежь) от истинных причин и факторов, имеющих фундаментальное (но скрытое) влияние. Осуществляется своеобразный «перенос внимания населения» на причины второго и даже третьего порядка с одновременным «уводом из-под ответственности» настоящих виновников ситуации и оценке их крайне неэффективной работы.

В анкете был поставлен открытый вопрос «Если бы Вам представилась возможность раз-

¹ Широкалова Г.С., Аникина А.В. Гражданственность и религиозность современного российского студенчества // Российское образование в условиях социальных трансформаций: социологические очерки / Под общ. ред. Ю.Р. Вишневого. Екатеринбург, 2009. С. 678

² М. Позднякова, Л. Рыбакова. Религиозность как значимый элемент личностной структуры современного подростка и ее влияние на приобщение молодежи к психоактивным веществам [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.narcom.ru/ideas/socio/154.html>

работать «Программу развития этноконфессиональных и этнонациональных отношений» в области, что бы Вы предложили сделать в первую очередь?». Несмотря на то, что люди проявили некоторую пассивность при ответе на этот вопрос, в анкетах часто встречались замечания в адрес миграционной службы и мигрантов. Надо отдать должное, что замечания справедливы, так как инциденты с участием трудовых мигрантов в Тюмени и области случаются (это в основном кражи, насилие в отношении женщин), но усилиями соответствующих структур эта информация либо замалчивается, либо поспешно опровергается этнонациональная или этноконфессиональная сущность конфликта, поскольку в области выбрана стратегия: толерантность любой ценой. В данном контексте следует признать отсутствие четкой доктрины со стороны властных органов, «распыление информации» о реальном состоянии и уровне межнациональных отношений и слабость позиций рядовых обывателей, не имеющих возможности сопоставить собственные взгляды с социальной (национальной) политикой государства. Например, в октябре 2006 г. в пос. Богандинский произошла самая крупная в истории Тюменской области драка, в которой было задействовано более двухсот человек с применением огнестрельного оружия. В конфликт оказалась втянута также молодежь из деревень Княжево, Винзили, Боровое, из городов Тюмени и Ялуторовска¹. Далее последовало опровержение межнациональной сущности конфликта в сети Интернет, и заявлено, что конфликт является следствием хулиганских действий. Однако эти хулиганские действия явно носили национальную окраску, судя по количеству арестованных представителей южных народностей. Весьма вероятно, что отголоски этих событий повлияли на результаты, полученные в авторском исследовании в 2007 г., так как большинство негативных реакций было получено именно от респондентов Тюмени и Ялуторовска.

Вероятно, в настоящий момент в области выбрано верное направление: не акцентировать внимание на такого рода конфликтах. Но выбранная стратегия не освобождает миграционную службу от более строгого контроля за въезжающими на территорию области, чтобы избежать проникновения представителей ближнего зарубежья с криминальным прошлым или с криминальными наклонностями. Очень часто виновниками конфликтов становятся именно они, а затем для воинствующей части местного населения (а это самая мобильная часть – молодежь до 20 лет) уже не существует разницы между «хорошей» частью и «плохой» среди приезжих: бьют всех. Возникает ситуация: с одной стороны, официальными органами утверждается, что в Тюменской области нет конфликтов на межнациональной и межконфессиональной основах, межнациональной напряженности тоже нет. С другой стороны: напряженность в области растет, что признает общественность (социологи, психологи и др.).

На основании проведенного исследования, анализа ситуации, причин межнациональной напряженности и прогноза развития событий весь полученный материал целесообразно рассмотреть с позиции причинно-следственной зависимости (см.: Таблица 2)

Как показало проведенное исследование, проблемы межэтнического взаимоотношения существуют и в таких благополучных регионах как Тюменская область, имеющих возможность широко использовать финансовый и научный потенциал. В сравнении с данными исследований ведущих специалистов и на основе авторских исследований представляется возможным сформулировать следующие выводы:

1. Особенную тревогу вызывают представители молодого поколения, как было выявлено по результатам исследования, не отличающиеся повышенной терпимостью к людям, чем-то не похожим на них. Этническая толерантность личности проявляется в различных критических ситуациях межличностного и внутриличностного выбора тогда, когда выработанные в ином социально-культурном образе жизни этнические стереотипы и нормы решения встающих перед личностью проблем не срабатывают, а новые нормы или стереотипы находятся в процессе своего формирования. Таким образом, в основе этнической толерантности лежит высокий уровень сознания человека, который владеет общепринятыми ценностями поликультурного социума.

¹ <http://www.demos-center.ru/news/14240.html>

2. Деятельность Правительства области в этноконфессиональной и этнонациональной сферах хорошо известна лишь 6% населения, что означает слабую PR-компанию и, как следствие, отсутствие поддержки у населения области. Основной же упор для конфессиональных организаций во взаимодействии с государственными органами управления должен быть сделан на воспитание и просвещение, а также консультирование при разработке государственных программ.

3. В настоящее время становится актуальной система поликультурного образования, исходя из трех направлений: просветительского, диагностического и коррекционно-развивающего. В области просвещения необходимо обучение навыкам распознавания проявлений этнических стереотипов, этноцентризма и дискриминации по признаку этничности и расы в различных сферах общественной жизни; формирование более адекватных представлений о различных культурах и психологических особенностях их представителей. В диагностике необходимо уделять внимание, прежде всего определению общего уровня толерантности отдельных групп участников образовательного процесса (целесообразно применять методику Э. Богардуса). В коррекционной работе обязательно формирование позитивной этнической идентичности и толерантности по отношению к другим этносам.

Очевиден тот факт, что актуализация проблем, связанных с молодежью в современных условиях обусловлена возрастающим влиянием этой демографической группы не только на будущее любого государства, но и на формирование тактики и стратегии развития мирового сообщества. Выяснился тот невероятно простой факт, что результаты эволюции развития человечества (достижения в культуре и искусстве), научно-техническом прогрессе оказались невостребованными уже настоящим поколением. Просчеты во внутренней политике, а иногда сознательное инициирование абсолютной свободы и вседозволенности среди молодых людей привели к росту молодежного экстремизма, нравственного и правового нигилизма, росту правонарушений и преступлений, забвению культуры.

Таблица 2

Тенденции развития межнациональных отношений в Тюменской области

Причина возникновения точек напряженности	Тенденции развития событий
Для трети респонденты – «миграция из других регионов страны, борьба за рабочие места»	Тюменская область с высоким уровнем жизни и благоприятным географическим расположением (рубеж европейской и азиатской части страны) останется привлекательной для «иностранной» рабочей силы
Для трети респондентов – «неуважение к культуре, национальному характеру народов, проживающих на территории области»	Усиление внимания к национальной уникальности, стремление к выравниванию возможностей представителей всех национальностей и этносов повлечет за собой противостояние, противоречия между культурными традициями, нравами, обычаями
Для 2 из каждых 5 респондентов – «низкая культура межнационального общения»	Наследие прошлого, когда русская нация являлась «старшим братом», опекуном, в результате потери данного статуса теряется и баланс между прочими национальными особенностями
«Неспособность властей на Федеральном (по оценке каждого пятого) и местном (по оценке каждого четвертого) уровне решать проблемы межнациональных отношений в регионе»	Проблема состоит именно в том, что разрешить противоречия с позиции верховной власти крайне нецелесообразно в виду уникальности тех национальных ансамблей, что сложились в субъектах федерации, поэтому прерогатива разработки программ будет принадлежать самим субъектам с последующим закреплением статуса в федеральных законах

В настоящее время мы фактически возвращаемся к решению задач середины прошлого века: формируем устойчивую национальную политико-экономическую и социокультурную

систему. В связи с этим речь должна идти о комплексном обучении молодого человека самой обыкновенной и одновременно самой необычной из всех специальностей – профессии полноценного члена общества. Имеется и иная проблема, требующая научно обоснованного подхода к изучению молодого поколения – демографическая. Дело в том, что с 2004 г. общая численность населения в возрасте 14-30 лет резко сокращается и этот процесс сокращения будет продолжительным. Причем компенсировать потери прироста населения при помощи миграционного обмена не удастся. С 2008 по 2021 гг. численность молодежи (по данным Росстата) в возрасте 14-30 лет в составе населения Российской Федерации сократится на 13 млн. человек (равнозначно численности населения Москвы). Сказанное вновь подтверждает целесообразность широкого исследования возможностей использования гражданского потенциала численно резко сокращающейся молодежи, которой предстоит перенять и функционально поддерживать все социальные институты государства, включая воспитание и обучение нового молодого поколения и социальную защиту пенсионеров.¹

Приобретение комплекса систематических знаний, умений и навыков, традиций и ценностных ориентаций формирует так называемую культурную компетентность личности. Отсутствие понимания необходимости комплексного воспитания индивида, вступающего на путь социальных преобразований, порождает массу тупиковых, даже курьезных ситуаций.

Например, в распространенном заявлении участников круглого стола, проходившего по инициативе Молодежной палаты Тюменской областной думы 27 июня 2007 г., посвященного радикализации неформальных молодежных объединений Тюменской области в частности говорилось: «Не секрет, что в настоящее время большое внимание уделяется борьбе с терроризмом, предотвращению возбуждения расовой, национальной, религиозной и социальной вражды. Деятельность по этим направлениям требует объединения усилий представителей властных структур, общественных организаций и граждан. Необходимо развернуть кампанию «борьбы с экстремизмом», *разгромить любые очаги национальной самоорганизации и поставить все общество под контроль*» (курсив авт.).²

Прежде чем обнародовать такое заявление, необходимо было вспомнить уроки истории, предостерегающие нас от таких необдуманных шагов: путь от защиты национальной самобытности культуры и введения всеобщего контроля до открытия Освенцима и Дахау на самом деле очень короток. Наоборот, необходимо воспитывать толерантность в многонациональном и многоконфессиональном обществе. На молодежном форуме в Интернете, посвященном Всероссийской научно-практической конференции «Молодежь – будущее России» (г.Тюмень, 19-20 ноября 2009 г.) прозвучала фраза: «*Вы, взрослые, получили такую молодежь, которую воспитали*». Исходя из вышесказанного, трудно не согласиться с представителем молодого поколения.

Механизм включения молодежи в общественные отношения, формирующие ее мировоззрение, ценностные ориентации, гражданскую позицию, профессиональный и социальный статус, по мнению Горшкова М.К. и Шереги Ф.Э., имеет две формы:

- *интеграция* молодого поколения в культурные, нравственные, правовые, политические и идеологические традиции общества путем принятия ею господствующих социальных норм в качестве основы своих ценностных ориентаций через воспитание и обучение;
- *дифференциация* молодежи по ячейкам социально-профессиональной структуры общества путем профессиональной ориентации и профессиональной подготовки.

В результате социализации молодежь либо идентифицирует себя с господствующими социально-экономическими (в том числе распределительными) отношениями и нормами общества, и тогда бесконфликтное воспроизводство последнего гарантировано, либо по тем или иным причинам не идентифицирует себя с основными нормами общества, отчуждается от

¹ Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Молодежь России: демографические тенденции, историческое сознание. Мониторинг общественного мнения. Ноябрь-декабрь 2009. № 6 (94). С.12.

² [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://shopingnavigator.ru/?id=130217>

них, и тогда назревает конфликт поколений.¹ В случае возникновения угрозы (реальной или мнимой) стабильности существования социума нормы перестают выполнять охранительную функцию, и тогда возникают фобии, стереотипы, которые выполняют своеобразную защитную функцию и начинают играть консолидирующую роль. Такое явление встречается на фоне ослабления исторической памяти, отсутствия идеологической и воспитательной функций общества, получает дополнительную окраску при помощи СМИ и закрепляется «благодаря» ухудшению социально-экономических условий.

Экономическая дестабилизация в России десятки лет отвлекала внимание чиновников и политиков от необходимости работы в области социальной и правовой защиты наиболее ущемленных в этих аспектах граждан. Стремление восполнить допущенные пробелы в кратчайшие сроки приводит к принятию решения, направленного на совершенствование правовой базы, что обеспечивает лишь техническую составляющую, но не разрешает причин более глубокого (духовного) уровня. Как было отмечено выше, чаще всего причинами социальных конфликтов выступали такие факторы как социально-экономические трудности, социальная несправедливость, неуважение и незнание другой культуры (а чаще всего и своей тоже). В связи с этим перед авторами статьи встал вопрос: отражены ли указанные аспекты в государственных программах по работе с молодежью? Стоит отметить, что Государственная молодежная политика (ГМП) осуществляется в отношении молодых граждан в возрасте от 14 до 30 лет, хотя сегодня необходимо проводить комплекс мероприятий не только в молодой возрастной группе, но и среди поколения старше 30.

Проанализируем основные направления Государственной молодежной политики на период до 2013 года² (См.: Таблица 3).

Продекларированные положения государственной молодежной политики соответствуют сложившейся ситуации в России, но, на взгляд авторов, не могут быть реализованы в этой трактовке. Отсутствует понимание у населения структуры и способов воплощения ГМП, а главное – нет ответственности государства (органов власти) за возможные ошибки в расчетах и прогнозах. Любопытны данные опроса, проведенного ВЦИОМ еще в 2002 г. по проблеме молодежной политики в России. (*Опрос населения был осуществлен в 100 населенных пунктах 44 областей, краев и республик России. Интервью по месту жительства 13-14 июля 2002 г., N= 1500 респондентов*).³ Из них 74% положительно оценили опыт работы с молодежью в Советском Союзе и в то же время 38% не смогли выявить достижений в этой области. 31% затруднились определиться с необходимостью разработки специальной молодежной программы, а 39% не смогли оформить свои предложения по решению молодежных проблем. Тем не менее, 95% не смогли ответить на вопрос: почему вы считаете, что специальная государственная программа по работе с молодежью не нужна? В настоящее время молодежную политику государства положительно оценивают лишь 15% молодежи. Это невысокий показатель, но он больше, чем был 10 лет назад – 5%. 42% придерживаются мнения, что в России для молодежи «что-то делается, но это мало заметно». 32% недовольны результатами сегодняшней молодежной политики государства и 11% затруднились с ответом.⁴

По данным ФОМ, в социальную программу работы с молодежью, по мнению населения, обязательно должны быть включены: трудоустройство (28%), организация досуга (24%), бесплатное образование (14%), воспитание (13%), обеспечение жильем (8%), борьба с наркоманией и алкоголизмом (8%). Не пользуются популярностью обеспечение достойной зарплатой (2%), приобщение к здоровому образу жизни (2%), создание молодежных организаций (2%), запрет в СМИ пропаганды насилия, рекламы алкоголя и др. (1%).⁵

¹ Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Молодежь России: демографические тенденции, историческое сознание. Мониторинг общественного мнения. Ноябрь-декабрь 2009. № 6 (94). С.7.

² www.dumai.ru/mdrlibrary/laws/doktrina.htm

³ www.fom.ru

⁴ Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Молодежь России: социологический портрет. – Второе издание, дополненное и исправленное – М.: Институт социологии РАН, 2010. - с. 143

⁵ О молодежной политике. Опрос 1–2 августа 2009 г.. 100 населенных пунктов, 44 субъекта РФ, 2000 респондентов. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://bd.fom.ru/pdf/d31molp.pdf>.

Оценка направлений государственной молодежной политики на период до 2013 г.

Направление	Оценка тенденций
- содействие физическому, творческому, профессиональному, социальному развитию и становлению молодежи;	исследователи отмечают постоянное снижение интеллектуального уровня и отрицательную мотивацию молодежи, отсутствие активной жизненной позиции;
- формирование культуры здорового образа жизни, охрана здоровья молодых граждан;	наркомания, алкоголизм и психические расстройства – обнаруживаются все более в раннем возрасте; перспектива отмены бесплатного образования и незначительная доля охваченных культурным просвещением (не более 5%);
- поддержка молодежи в сфере образования, культуры, досуга, творчества;	отсутствие навыков и знаний, желание иметь «сейчас» и «сразу все» создает предпосылки для дальнейшей криминализации;
- содействие экономической самостоятельности, занятости и предпринимательству молодежи;	снижение рождаемости вследствие моральной, физической и экономической несостоятельности молодежи, недоступность жилья;
- формирование духовно-нравственных ценностей и гражданской культуры молодежи;	дальнейшее возрастание прагматизма, индивидуализма и эгоизма, снижение уровня нравственной допустимости, а реализация Болонской декларации модифицирует имеющиеся ценности в потребительский тип личности;
- разработка, принятие и реализация национальных стандартов и программ воспитания духовно-нравственных ценностей и гражданской культуры молодежи;	
- создание и развитие печатных и электронных средств массовой информации и игр, обеспечивающих позитивную социализацию молодежи;	втягивание молодежи в виртуальное пространство стиля «action» не оставит место для позитивной социализации;
- профилактика проявлений экстремизма, агрессии и асоциального поведения в молодежной среде;	наблюдается рост национализма, отсутствуют государственные структуры, имеющие возможность постоянной и направленной профилактики, следовательно – уход значительной части молодежи из-под влияния государственной идеологии, отсутствует мониторинг этнонациональных и этноконфессиональных отношений;
- работа по нейтрализации идеологии и проявлений социальной и национальной нетерпимости;	
- коррекция поведения, реабилитация молодых людей, склонных к агрессии, насилию, правонарушениям и их последующая интеграция в общество;	
- создание условий для социализации молодых граждан, лишенных родительского воспитания и опеки;	увеличение числа детей, воспитывающихся в детдомах и интернатах;
- включение потенциала социально значимой активности молодежи в процессы государственного и общественного строительства;	выделение в молодежной среде элит разного уровня с целью обеспечения преемственности не только стиля и методов чиновничьей работы, но и ошибок присущих уходящему поколению, снижение возраста управленцев до 18 лет приведет к снижению уровня компетенции власти;
- формирование и использование молодежного резерва для обновления и ротации кадров органов государственной власти и местного самоуправления;	
- интеграция российской молодежи в международное сообщество.	эмиграция образованной молодежи в страны с развитой промышленностью и социальным обеспечением, принятие гражданства этих стран.

Этот факт выглядит противоречивым и странным, поскольку среди социальных и экономических проблем регионов сама молодежь выделяет рост цен на товары и услуги (66%), низкий уровень заработной платы (58%), безработицу (32%), наркоманию (31%), недоступ-

ность жилья (31%), алкоголизм (30%), ситуацию на дорогах (27%), преступность (25%)¹. Говоря о проблемах, на которых в большей степени стоит сосредоточиться руководителям регионов России, молодые люди особо выделяют: снижение безработицы и создание новых рабочих мест – 50%, борьбу с ростом цен – 41%, борьбу с бедностью – 36%, повышение доходов населения – 36%.²

Каждый пятый молодой человек в возрасте 18-25 лет допускает для себя возможность участия в акциях протеста. Среди них в основном сельские рабочие с низким уровнем дохода.³ Однако большинство (68%) все же не собирается участвовать в каких-либо акциях протеста, что коррелирует с авторскими данными и позволяет на сегодняшний момент оценить когорту населения 18-25 лет как основу стабильности. Последний опрос Фонда Общественного Мнения показал, что, несмотря на молодость, которой свойственен бунтарский дух, нынешняя российская молодежь не готова к тому, чтобы выйти на улицы и участвовать в акциях протеста. По данному показателю возрастная группа 18–25 лет не имеет качественных отличий от группы старше 25 лет (72% и 71% соответственно)⁴, и этот результат соотносится с высокой степенью удовлетворенности своей жизнью и лояльности действующей власти. Около половины молодых людей имеют постоянную работу (в январе 2010 г. – 44%), 12% получают стипендию, 10% пользуются финансовой поддержкой родственников и друзей⁵. Однако после таких оптимистичных утверждений исследователи ФОМ все же отмечают, что поколение в возрасте 18-25 лет не ожидает в ближайшее время улучшения экономической ситуации в России и собственного материального положения.⁶

Подводя некоторые итоги, следует ещё раз указать на сложность и высокую вариативность молодёжной среды, представляющей все возможные идейные, политические, религиозные и другие взгляды и убеждения. Именно в этом кроется проблематика неадекватности среди молодых преемников тех реформаторов, которые «завершили свою созидательную работу» на демонтаже советского государственного строя. Молодым предоставлена не только возможность социального и профессионального взросления, но на их плечи возложена задача формирования новых принципов, новых традиций и новых реалий социально-политических и экономических отношений. Эффективность же данной работы определяется уровнем консолидации всех участников процесса, но, как показывает практика, наличие в молодёжной среде значительного количества разнонаправленных сил не позволяет достигать требуемых параметров динамичного эволюционного развития страны. Наблюдается отток образованной молодёжи в другие страны, слабая реализация своего потенциала в собственной стране.

По мнению авторов статьи, ошибочность в проводимой молодёжной политике состоит в её значительной ангажированности и желании тотального контроля со стороны органов власти. Такое давление на формирующееся сознание приводит к прямо противоположным результатам – рост агрессии, цинизм, открытое противопоставление своих убеждений сложившимся в обществе стандартам поведения. Вычленять молодёжную среду из общего контекста населения страны – значит порождать ещё больший круг проблем, а оказывать прямую

¹ См.: Мегаопрос «ГеоРейтинг» 3–17 июня 2009 г. 1930 населенных пунктов, 68 субъектов РФ, 34 000 респондентов.)

² «Поколение Y»: социальный портрет современной молодежи 18-25 лет, составленный по свежим данным Фонда Общественное Мнение. [Электронный ресурс] //Режим доступа: http://bd.fom.ru/report/map/pokolenie21/press_r140410np

³ Социальные проблемы, волнующие молодежь. [Электронный ресурс] //Режим доступа: <http://bd.fom.ru/pdf/d29molod.pdf>. Мегаопрос «ГеоРейтинг» 3–17 июня 2009 г. 1930 населенных пунктов, 68 субъектов РФ, 34 000 респондентов.

⁴ Мегаопросы «ГеоРейтинг» с мая 2007 г. по март 2010 г. Каждый опрос –1930 населенных пунктов, 68 субъектов РФ, 34 000 респондентов.

⁵ («Поколение Y»: социальный портрет современной молодежи 18-25 лет, составленный по свежим данным Фонда Общественное Мнение. [Электронный ресурс] //Режим доступа: http://bd.fom.ru/report/map/pokolenie21/press_r140410np

⁶ Новое поколение: установки и оценки. [Электронный ресурс] //Режим доступа: <http://bd.fom.ru/pdf/d13np10.pdf>

государственную поддержку молодежи – значит усилить рост инфантилизма и иждивенчества. Очевидно, что своё будущее (пусть даже и в самых общих чертах) молодёжь наблюдает воочию, регистрируя факты и явления, происходящие со старшим поколением. В этой ситуации, создание «инкубаторов для взращивания прогрессивной и целеустремленной молодежи» – показатель слабости государственной социальной политики в целом. Вполне адекватно и необходимо формировать для молодёжи «комфортное будущее» на примере их родителей. Это подразумевает стабильность и востребованность в профессионально подготовленных кадрах, что может быть обусловлено лишь экономическим ростом, реальной борьбой с коррупцией и чиновничьим произволом, снижением этнической, религиозной и клановой напряженности, уменьшение влияния политики на экономику, обеспечением продовольственной и экологической безопасности жизнедеятельности на территории России и др. Молодёжь должна быть соучастником этих событий, т.е. субъектом, а не объектом политики; своими руками, совместно с родителями «строить новый дом», имя которому – Россия. Возможно, это и есть патриотизм в самом настоящем смысле.

Д.В. Гуськов (УрФУ имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург)
Патриотизм в противостоянии национальному экстремизму

Тема патриотизма, причин перерастания его в крайние, радикальные формы национализма является достаточно актуальной. Именно проблема возникновения и развития радикальных форм национализма, а особенно национального экстремизма является одной из основных проблем, с которыми приходится сталкиваться правительствам большинства государств в мире. Россия – это многонациональная страна с многоукладной экономикой, поэтому при взаимодействии различных социокультурных и этнических групп между собой, взаимодействии их с государственной властью возникают конфликты, социальная напряжённость и вследствие этого – радикальные националистические и экстремистские настроения в российском обществе.

Наглядно сложившуюся ситуацию иллюстрируют межнациональные стычки в городе Кондопога, события, произошедшие в середине декабря 2010 г. в столице нашей Родины. Между политиками, учеными и общественными деятелями разгорелся спор по поводу того, кто из участвовавших в конфликтах на межнациональной и межэтнической основе является патриотом, а кто националистически настроенным экстремистом; как в данной ситуации осуществлять нравственную оценку происходящего: «хороший патриотизм» против «плохого национализма», «плохой национальный патриотизм» против «хорошей толерантности и космополитизма», «хороший умеренный национализм» против «крайнего, деструктивного национализма».

Современное российское общество переживает трансформацию системы ценностей, обусловленную модернизацией общественной жизни. Процессы модернизации общественной жизни, обусловленные глобализацией, становятся факторами, стимулирующими напряженность в межнациональных отношениях, которые сопровождаются межэтническими конфликтами, частичной деградацией титульной нации, появляются различные оппозиционные группы, добивающиеся своих целей через национальный экстремизм и терроризм. По мнению ряда представителей власти и либеральной интеллигенции в условиях «вынужденного» притока мигрантов, наплыва западного авангардного культурного суррогата молодёжь должна выступить проводником идеологии толерантности, модернизации российской культуры и укрепления межпоколенческих и межнациональных отношений, должна быть готова к противостоянию политическим манипуляциям и экстремистским призывам. Данная точка зрения имеет право на существование, но прежде чем делать такие выводы, вначале необходимо разобраться в следующих вопросах:

- каковы причины перерождения здорового патриотизма, например, в этнический национализм или национальный экстремизм;

- почему толерантность, как линия поведения, навязывается молодёжи властными кругами в рамках проводимой молодежной политики, а не является естественным качеством поведения молодежи;
- возможно ли противопоставить патриотизм и национальный экстремизм.

Для разъяснения поставленных вопросов необходимо обратиться к трактовке понятий «патриотизм» и «национализм». На наш взгляд, можно ориентироваться на такие определения понятий «патриотизм» и «национализм»¹: «Патриотизм» – нравственный и политический принцип, социальное чувство, корнящееся в гражданской морали, содержанием которого является любовь к отечеству, гордость за его прошлое и настоящее, готовность подчинить свои интересы интересам страны, стремление защищать интересы родины и своего народа. «Национализм» – специфическое состояние сознания этноса и социально-психологических ориентаций людей, преувеличенная, нетерпимая форма проявления национального мышления и национального сознания, а также сопряженные с ними идеология, теория и социальная практика. Суть национализма составляет проповедь собственной национальной исключительности, с необходимостью дополняемая недоверием к чужим, конкретно определяемым, этническим общностям и в крайних проявлениях – отказом им в праве на существование.

Проецируя описываемые указанными понятиями данные социальные явления на социокультурные процессы, происходящие в настоящее время в России и мире, сразу можно констатировать следующее.

В современных условиях интеграции, интернационализации и глобализации патриотизм направлен на социальный прогресс, помогает сохранять особенности национальной культуры народов. Одновременно при этом интеграция, интернационализация и глобализация в определенной степени оказывают деструктивное воздействие на особенности национальной культуры народов, а именно на ценностную и регулятивную функции национальной культуры. В результате вышеуказанных деструктивных воздействий патриотизм автоматически доводится до крайнего (абсолютного) состояния и перерождается в национализм, который в свою очередь может принять радикальную, деструктивную форму. В данных обстоятельствах национализм возникает как реакция этноса на деструктивные воздействия внешней среды: будь-то экономические, социокультурные, политические перемены или иноэтнические воздействия, обусловленные глобализацией.

Доведенный до крайнего (абсолютного) состояния патриотизм выражает узкие этнические интересы и смыкается с национализмом и национальным экстремизмом. В этой связи необходимо заметить, что от радикальных форм национализма патриотизм отличается тем, что относится с уважением к национальному сознанию других народов.

В нормальных условиях существования каждый человек своей нации вырабатывает свой собственный патриотизм – «привязанность к родной земле, языку, традициям». Но в периоды экономических, социальных и политических перемен, иноэтнического воздействия возникает национализм, как реакция этноса на указанные деструктивные воздействия, нередко проявляющийся в крайних, радикальных формах. В настоящее время Россия переживает все указанные деструктивные воздействия и особо сильно негативное иноэтническое воздействие. Таким образом, по возникновению, национализм – это здоровая реакция патриотически настроенного индивидуума на инородное вмешательство или какой-либо экономической, социокультурный или другой сбой, хотя в некоторых случаях эта реакция принимает крайние, радикальные формы, оказывающие деструктивное воздействие на общество.²

Если же провести анализ употребления понятий «патриотизм» и «национализм», то оказывается, что понятие патриотизма более конкретно, так как чаще всего Родина и народ, интересам которых подчиняет себя патриот, ассоциируются с государством, которое характе-

¹ Александров А. Национализм и патриотизм в истории и современном мире, полемические заметки, [электронный ресурс] режим доступа: <http://www.dazzle.ru/antifascism/aanipviism.shtml>

² См.: Там же.

ризуется наличием единого государственного механизма в качестве общегосударственного социального института.

Исторический источник патриотизма – веками и тысячелетиями закрепленное существование обособленных государств, формировавших привязанность к родной земле, языку, традициям. В условиях образования наций и образования национальных государств патриотизм стал составной частью общественного сознания, отражающей общенациональные моменты в его развитии.¹ Именно вовлеченность в единый государственный механизм как общегосударственный социальный институт обуславливает наличие у граждан общих целей и задач, общих социальных интересов, которые выражает патриотическое чувство. Националист, исповедующий национализм в крайних, радикальных формах имеет свои конечные цели, отличающиеся от конечных целей патриота:

Во-первых, националисты утверждают, что они заботятся о «духе» нации, её культуре, традициях и так далее. Сам факт такой заботы свидетельствует о том, что значительная часть граждан отнюдь не разделяет представления националистов об идеалах национальной духовности, иначе наличествовал бы консенсус и бороться было бы не с кем, следовательно, националисты отстаивают, по существу, собственное видение национальной культуры.²

Во-вторых, националисты выступают от лица субнациональных групп, то есть этносов. В этой связи называть их было бы правильно «этностами», но слово «национализм» для них самих удобнее, так как позволяет вводить в общественность в заблуждение, делая вид что этнист выступает от лица всей нации. Если при этом он представляет компактное меньшинство, отождествление этноса с нацией служит софистическим оправданием сепаратизма. Сепаратист по определению является антипатриотом. Но также и национализм (т.е. фактически этнизм) «коренного большинства» вносит раскол в нацию и способствует ослаблению государства.³

Применительно к России можно сказать, что патриотизм это апелляция к стране, которая у нас общая, объединяющая своих граждан, а национализм, как апелляция к этносу, которых у нас в стране много.

В XX столетии произошел разрыв социального и культурного циклов, под влиянием мировых социокультурных и экономических процессов, в том числе и глобализации, темпы культурных перемен стали гораздо более быстрыми. Теперь на протяжении одной жизни может чередоваться несколько культурных эпох. В настоящее время стремительно рушится привычный уклад жизни, уходит в прошлое то, что еще недавно составляло основу социокультурной среды. Современная «глобальная» культура стремительно преобразует окружающую среду, общество, быт людей. Ускорение перемен сокращает длительность жизненных ситуаций, современному человеку за определенный отрезок времени приходится переживать гораздо больше разных жизненных ситуаций, чем людям, жившим раньше. Это оказывает разрушительное воздействие на его психику и провоцирует индивидуума на девиантное поведение, именно девиация, доведенная до крайности (экстремизма) превращает патриота в экстремистски настроенного националиста. В итоге причины превращения патриота в экстремистски настроенного националиста можно выявить, ответив на вопросы: «Как чувствует себя личность в глобальном мире, с какими ценностями и моделями поведения соотносит себя? Как воспринимаются социокультурные изменения различными социальными и национальными группами?».

Если же провести аналогию между переходом от экстремальности к экстремизму и переходом от патриотизма к национализму в радикальных, деструктивных формах, то можно обнаружить, что эти социальные процессы схожи.

¹ См.: Александров А. Национализм и патриотизм в истории и современном мире, полемические заметки, [электронный ресурс] режим доступа: <http://www.dazzle.ru/antifascism/aanipviism.shtml>

² См.: Майков А. В. Патриотизм и национализм в системе «свой-чужой» [электронный ресурс] режим доступа: <http://www.russ.ru/layout/set/print/Mirovaya-povestka/Patriotizm-i-nacionalizm-v-sisteme-svoj-chuzhoj>

³ См.: Там же

Понятия «экстремизм» и «экстремальность» происходят от одного латинского слова *extremus* – край, конец. Оба понятия несут значение интенсивности, напряжённости, остроты. Однако экстремальность при этом отличает природный стихийный характер, что проявляется не только в активности человека, но и в активности внешней среды (стихийных бедствиях, природных катаклизмах). В отличие от экстремальности экстремизм всегда несёт с собой личностное начало, и экстремистское поведение всегда отмечено эгоцентризмом и своеволием.¹

Возникновение экстремизма, также как и радикального (ультраправого) национализма является реакцией индивидуумов и отдельных социальных групп на воздействие различных негативных факторов социальной среды: экономическое неравенство и несправедливость распределения собственности; высокая социальная напряженность; конфликтность общественных отношений; падение престижа политической власти; неуправляемость процесса социализации; размывание системы приоритетных духовных ценностей; ослабление регулирующей роли государства; нарастание криминогенности в обществе.

Истоки деструктивного экстремизма, как и радикальных форм национализма базируются на одних и тех же социокультурных и экономических факторах.

Среди объективных причин перерастания патриотических настроений в националистические, которые могут проявляться в радикальных формах, можно выделить следующие: деструктивные социальные процессы и сдвиги; миграция; стихийная урбанизация; обострение экологических и демографических проблем; резкая ломка традиционных стереотипов и социальных ориентиров, образа жизни.

Также среди объективных причин распространения экстремистских и радикальных националистических настроений можно назвать «информационный взрыв», который в условиях глобализации, информатизации, интернационализации в данном процессе играет особую роль. В данных обстоятельствах современная пресса, литература, кино, радио и телевидение выполняют весьма сомнительную функцию, эстетизируя, романтизируя экстремизм различного толка, что отражается на эмоционально-чувственном и нравственно-психологическом состоянии человека.²

Ещё одним аргументом за идентичность процессов перерождения патриотизма в радикальный национализм и экстремальности в экстремизм служат результаты социологических исследований Ю.А. Зубок и В.И. Чупрова, которые проанализировали механизм перерастания экстремальных проявлений в экстремистские взгляды в молодёжной среде.

Крайние формы экстремальности, перерастая в экстремистские проявления, способствуют самореализации молодых людей...В немалой степени перерастание экстремальных проявлений в экстремистские взгляды опосредовано влиянием внешних условий, нарушениями в функционировании институциональных и неинституциональных механизмов социальной регуляции. В условиях социальной неопределенности и при отсутствии четких целей развития общества процесс его воспроизводства принимает стихийный, вероятностный характер. Происходит дисфункция социальных институтов, активизируются неинституциональные механизмы саморегуляции.³ В результате экстремальность приобретает крайнюю форму экстремизма. Этот процесс может быть также следствием влияния внешних по отношению к молодёжи сил, использующих её экстремальность в своих интересах.⁴

Под влиянием тех же самых факторов патриотизм переходит в свою крайнюю форму – национализм, нередко принимающий радикальные, деструктивные формы. Именно национализм как крайняя форма патриотизма является естественным социальным регулятором в условиях дисфункции социальных институтов и кризиса общественного развития.

Теперь необходимо обратиться ко второму вопросу данной статьи и разобраться, почему же толерантность, которую пытаются навязать молодому поколению в рамках официальной

¹ Томалинцев В.Н., Козлов А.А. Введение в социальную экстремологию: Учеб. пособие. СПб., 2005. С.86.

² См.: Там же. С.85.

³ Чупров В.И., Зубок Ю.А. Молодёжный экстремизм: сущность, формы проявления, тенденции. М., 2009. С.19.

⁴ Там же.

молодежной политики, отторгается этой же самой молодежью, а национализм, даже в радикальных формах, наоборот, находит здесь благодатную почву.

Для развития толерантности в России делается очень много, судя по всему, правительство считает толерантность – главным приоритетом молодежной политики. Несмотря на принятые меры, толерантность как антипод национального экстремизма и ксенофобии не может являться качественным показателем поведения молодежи, так как в современных социокультурных и экономических условиях, характеризующихся наличием множества деструктивных факторов, под влиянием которых естественное социальное чувство патриотизма, свойственное каждому индивидууму, гражданину, перерождается в национализм, национальный экстремизм и ксенофобию, что в итоге вызывает органическое неприятие толерантности в любых формах, а тем более толерантности, насаждаемой «сверху» в рамках официальной молодежной политики. В данных социокультурных и экономических обстоятельствах попытки «привить» толерантность современной российской молодежи не могут являться эффективной мерой борьбы с крайними, радикальными формами национализма, а тем более с национальным экстремизмом. В такой ситуации возникает естественный вопрос: а может ли тогда «хороший» патриотизм являться эффективным фактором противостояния «плохому» радикальному национализму и национальному экстремизму?

Патриотизм может быть эффективным фактором противостояния крайним, радикальным формам национализма, национальному экстремизму только том в случае, когда будут в большей степени нейтрализованы социокультурные и экономические обстоятельства, оказывающие деструктивное влияние на естественное социальное чувство патриотизма, превращающие патриота в националистически настроенного экстремиста.

Т.Х. Дебердеева (ВИПКРО, Владимир)

Гражданственность и патриотизм как национальная идея современности

Что такое национальная идея? Философский словарь определяет понятие «идея» следующим образом: «Идея (греч. *idea* – буквально: «то, что видно», образ) – философский термин, обозначающий «смысл», «значение», «сущность». Соответственно национальная идея – смысл, значение, сущность нации. Русская национальная идея – это идея о судьбе и месте России – это смысл существования нации.

Термин национальная идея используется рядом мыслителей для характеристики проблем и представлений, связанных с определением исторической роли России в составе мирового сообщества, особенностями российской истории, русской культуры, народного характера и менталитета, со смыслом существования России во всемирной истории¹. В России наличие национальной идеи подменяет (заменяет) индивидуальный смысл жизни. Ф.М. Достоевский писал: «Без высшей идеи не может существовать ни человек, ни нация»². Как отмечает А.С. Панарин, ценностная неангажированность и аллергия на «большие идеи» – естественная реакция на идеологическую одержимость тоталитарных режимов. Но прозябание вне ценностного смысла, упадок со всеми его приметам – имморализмом, коррупцией, гнетущей скукой бытия – этой агрессией пустоты, способны вызвать острую массовую реакцию. Добавьте к

¹ Барабанов Е.В. Русская идея в эсхатологической перспективе. // Вопросы философии. 1990. №8; Бердяев Н.А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX в. и начала XX в. // О России и русской философской культуре (философы русского послеоктябрьского зарубежья). М., 1990; Бердяев Н.А. Русская идея в контексте мировой истории // Русская идея. М., 1992; Ильин Д. Русская идея на полигоне «демократии» // Наш современник, №3, 1991; Ильин И.А. О России. М., 1991; Ильин И.А. О русской идее // Родина. Русская философия. Православная культура. М., 1992; Карасев Л.В. Русская идея (символика и смысл). // Вопросы философии, №8, 1992; Межуев В.М. О национальной идее // Вопросы философии. 1997. №12; Осипов Г.В. Россия: национальная идея и социальная стратегия // Вопросы философии. 1997. №10; Сагатовский В.Н. Русская идея: продолжим ли прерванный путь? СПб., 1994; Соловьев В.С. Русская идея. // Русская душа. М., 1994; Тулаев П. Русская идея: «Камо грядеши?» // Наш современник. 1991. №11; Янов А. Русская идея и 2000-ый год. // Нева. 1990. №10-12; и др.

² Достоевский Ф.М. Дневник писателя. ПСС. Т. 23. Л., 1981.

этому оскорбленное патриотическое чувство, питаемое бесцеремонностью победителей в холодной войне, экономическое обнищание, повсеместное нарушение принципов социальной справедливости – и получите социальную катастрофу»¹. Безыдейное существование невозможно в принципе. В.Е. Грум-Гржимайло в статье «Русский народ» писал: «Мы легко миримся с недостатками и лишениями жизни, имея всегда впереди мечту, подвиг. Нет подвига, нет цели, – и русский человек опускается. На сцену являются карты, водка, лодырничество»². «Если же русский усомнится в смысле существования, – продолжает его рассуждения Л.П. Карсавин, – то может дойти до крайнего скотоподобия или равнодушия ко всему»³.

Таким образом, национальная идея рассматривается мыслителями как ведущий аспект самосохранения нации, предотвращающий социальные катастрофы. Сущностные черты национальной идеи не были даны заранее, раз и навсегда, а формировались в процессе многовекового творчества народа. Путь развития национальной идеи был неоднозначен, включал и взлеты и кризисы. «Русская идея – это идея бытия, организованного вокруг идеала и получающего благодаря этому высокий духовный тонус»⁴.

Оказавшись в 1990-х гг. на перепутье своего развития, Россия вновь обратилась к поиску национальной идеи особенно необходимой в эпоху перемен. Именно в это время Д.С. Лихачев предложил считать национальной идеей российскую культуру, обладающую как выраженной самобытностью, так и значимостью для развития мира в целом⁵. Один из позитивных образов человека, сформированных в Российской культуре – патриот и гражданин – высочайший духовный идеал, способный организовать пространство ценностей вокруг себя. «Национальная идея (идеология) может сыграть роль духовной скрепы⁶, особенно на переломном этапе развития. Граждан страны можно объединить на основе исторических традиций, фундаментальных нравственных ценностей, которые часто принимают форму идеологических лозунгов и госсимволики. Эти ценности должны быть приемлемы для абсолютного большинства граждан и отражать характерные черты и особенности российского менталитета». Осознавая это, ведущие государственные деятели современной России обращаются к проблеме национальной идеи, определяя приемлемые ценности, отражающие российскую ментальность:

- В 1999 г., будучи еще председателем правительства, В.В. Путин отмечал: «Мне представляется, что новая российская идея родится как сплав, как органичное соединение универсальных, общечеловеческих ценностей с исконными российскими ценностями, выдержавшими испытание временем»⁷. В послании президента РФ Федеральному собранию РФ (26 апреля 2007 г.) Путин подчеркивал: «Убеждён, общество лишь тогда способно ставить и решать масштабные национальные задачи, когда у него есть общая система нравственных ориентиров. Когда в стране хранят уважение к родному языку, к самобытным культурным ценностям, к памяти своих предков, к каждой странице нашей отечественной истории»⁸.
- В первом послании президента Д.А. Медведева Федеральному собранию (ноябрь 2008 г.) говорится: «Патриотизм. При самом трезвом, критическом взгляде на отечественную историю и на наше далеко не идеальное настоящее. В любых обстоятельствах, всегда – вера в Россию, глубокая привязанность к родному краю, к нашей великой культуре. Таковы наши ценности, таковы устои нашего общества, наши нравственные ориентиры. А говоря проще,

¹ Панарин А.С. На рубеже тысячелетий: Россия в поисках цивилизационного и геополитического равновесия // Научный альманах "Цивилизации и культуры". Вып. 3. М., 1996.

² Грум-Гржимайло В.Е. Русский народ. // http://derzava.com/art_desc.php?aid=394

³ Карсавин Л.П. Восток, Запад и русская идея. Пг., 1922. // http://derzava.com/art_desc.php?aid=394

⁴ Панарин А.С. «Вторая Европа» или «Третий Рим» (парадоксы европеизма в современной России) // Вопросы философии. 1996. №10.

⁵ Лихачев Д.С. Русская культура в современном мире // Новый мир, N1, 1991.

⁶ Попов Ю. Россия в поисках духовных скреп // Известия. 2009. 4 мая.

⁷ Послание В.В. Путина к Федеральному собранию РФ (1999) // http://www.ng.ru/politics/1999-12-30/4_millennium.html

⁸ Восьмое послание президента В.В. Путина к Федеральному собранию РФ (2007) // http://www.factnews.ru/article/26Apr2007_poslanie1#25

таковы очевидные, всем понятные вещи, общее представление о которых и делает нас единым народом, Россией. Это то, от чего мы не откажемся ни при каких обстоятельствах». Знаковым стало обращение Медведева к словам П.А. Столыпина, который говорил: «Прежде всего, надлежит создать гражданина, и, когда задача эта будет осуществлена, гражданственность сама воцарится на Руси»¹.

Итак, гражданин и патриот – национальная идея современной России, нравственные ценности, принимающие форму идеологических лозунгов, ценности, приемлемые для абсолютного большинства граждан России. Но все ли граждане России, все ли участники образовательного процесса, адекватно и точно понимают, что включают в себя понятия гражданин и патриот?

Существуют две равноправно принятые трактовки понятия гражданин. Это, во-первых, лицо, которое принадлежит к постоянным жителям данной страны (государства), имеет все права, предоставляемые законами этой страны, исполняет все установленные законами обязанности (в таком смысле определяется гражданин в словаре С.И. Ожегова, в этом контексте мы говорим о себе как о гражданах России). Но гражданин, это (во-вторых) еще и человек, который знает свои права и обязанности и, что самое главное, обладает общественным чувством соучастия в больших и малых делах, понимает свой гражданский долг, у которого есть гражданская ответственность, гражданская совесть. В этом высоком значении понятие «гражданин» вошло в российскую культуру, стало выражением служения родному народу, чувства готовности идти на жертвы во имя Родины. В таком смысле в «толковом словаре» Д.Н. Ушакова определяется: «Гражданин – сознательный член общества, человек, подчиняющий свои личные интересы общественным».

С древнейших времен в России в *политико-правовое* понятие «гражданин» вкладывался особый *нравственный смысл*: быть гражданином – значит занимать определенную моральную позицию, связанную с чувством долга и ответственности по отношению к своему отечеству, народу, национальным ценностям, святыням, культуре.

Гражданин – носитель гражданственности. Понятие гражданственности еще более (чем гражданин) многозначно: активная и сознательная включенность в дела политического сообщества; психологическое ощущение себя гражданином, полноправным членом политического сообщества; способность и готовность выступать в роли гражданина; высшая добродетель свободного и полноправного участника политического сообщества; приверженность интересам политического сообщества, чаще всего государства, готовность идти на жертвы ради этих интересов. «Гражданственность предполагает динамичную ценностно-правовую связь людей (общностей), как граждан, с определенным государством, реализуемую через их отношение к правам и обязанностям, закрепленным в соответствующих нормативных актах (конституция, законы), а также в обычаях и традициях. Гражданственность разворачивается в диапазоне от простого законопослушания до гражданской активности, в критические периоды выходящей за пределы, определяющие устойчивость системы и направленной на ее радикальное переустройство»².

Диапазон реализации гражданственности позволяет вычленивать «этажи» (уровни) гражданственности (или формирования гражданина) по степени активности человека – носителя гражданских качеств:

1 уровень (простой) – гражданские качества: сознательность, общественное чувство соучастия, гражданская ответственность, гражданская совесть.

2 уровень (выше) – гражданская позиция – точка зрения, отношение человека как гражданина к происходящему рядом, вокруг него.

3 уровень (высокий) – гражданская компетенция – механизм, обеспечивающий реализацию

¹ Первое послание президента Медведева Д.А. к Федеральному собранию РФ (2008). // <http://embrus-az.com/157-poslanie-prezidenta-rossii.html>

² Козлов А.А. О патриотизме. Основные понятия и краткий исторический аспект // http://www.npravstvennost.info/library/news_detail.php?ID=2263

прав и исполнение обязанностей, которые обусловлены статусом гражданства. Данные компетенции имеют три аспекта: знаниевый, процедурный и гражданский.

Когнитивный аспект: определенный уровень знаний, а также определенный уровень готовности и способности к овладению этими знаниями, который может считаться необходимым для того, чтобы обеспечить гражданственность, т.е. знания, например, об устройстве политической, экономической и внешнеэкономической систем.

Процедурный аспект: знания и способности, необходимые для активной реализации прав и обязанностей.

Гражданский аспект: наличие способности (навыков) и внутренних установок, необходимых для того, чтобы знания об устройстве политической системы и о реально существующих путях для решения возникающих проблем дополнялось соответствующей практической активностью.

Таким образом, гражданская компетенция включает в себя определенные качества как интеллектуального, так и морального характера, а главное – способность и готовность действовать.

Важнейшей проблемой, волнующей всех, кто профессионально озадачен проблемами формирования гражданских качеств личности и патриотизма является вопрос о разведении смысловых полей двух понятий. Эта проблема до конца не решена современной наукой, а особенно, практикой. Принципиальное различие между гражданственностью и патриотизмом состоит в том, что первое это политико-правовое состояние, а второе – испытываемое чувство. Но интуитивно ощущаемая близость, родственность этих двух понятий не случайна. Гражданственность и патриотизм объединяет то, что они являются общечеловеческими ценностями. Более того, «формирование гражданина» – это социализация, а «воспитание гражданина» напрямую связано с воспитанием патриотизма. Кроме того, гражданственность и патриотизм в содружестве и переплетении составляют суть гражданского воспитания.

Рассматривая патриотизм как самостоятельное явление, следует заметить, что философский словарь трактует его как нравственный и политический принцип, социальное чувство, содержанием которого является любовь к отечеству, преданность ему, гордость за его прошлое и настоящее, стремление защитить интересы родины.

Патриотизм – интегральная характеристика, включающая в себя многие составляющие. Так, патриотизм предполагает формирование активной гражданской позиции личности, гражданского самоопределения, осознания внутренней свободы и ответственности за собственный политический и моральный выбор. Все это требует наличия специфических морально-психологических качеств, таких как гражданское мужество, смелость, честность, порядочность, а также убежденности и умения отстаивать свою точку зрения. Наряду с этим, в условиях демократизации российского общества приобретают большую значимость такие свойства личности, как терпимость и уважение к другому мнению, умение убеждать или принимать другую точку зрения, толерантность, что может выступать в качестве критериев и показателей эффективности в формировании гражданственности.

Явление «патриотизм» включает в себя: почитания места своего рождения и места постоянного проживания как своей Родины, любовь и забота о данном территориальном формировании, уважение местных традиций; уважение к своим предкам; совершение конкретных действий для улучшения состояния своей Родины. Эта структура патриотизма повсеместна, что придает патриотизму характер универсального, всеобщего явления.

Однако российский патриотизм имеет и свои национальные особенности, заключающиеся в следующем:

- сознательный и народный характер, высокая ответственность россиян за судьбу Родины, ее надежную защиту;
- державность, которая отражает тот исторический факт, что в течение большей части своей истории Россия являлась великим государством, оплотом которого была армия;
- в недалеком прошлом патриотизм сводился к военно-патриотической тематике. Эта тенденция (традиция) во многом сохраняется, о чем свидетельствуют различные программы пат-

риотического воспитания граждан. Сегодня необходим перенос акцентов с военно-патриотического воспитания на гражданско-патриотическое, притом в условиях общемировой интеграции;

- российский патриотизм носит интернациональный характер. Ведь наша страна – многонациональное государство. Но люди различных вероисповеданий, культур по праву называют себя россиянами, ибо у них единая Родина – Россия.

Носитель патриотизма – патриот – [греч. *patriotes* – земляк], по мнению В.И. Даля это «любитель отечества, ревнитель о благе его». По В.С. Соловьеву «Нравственная обязанность настоящего патриота – служить народу в человечестве и человечеству – в народе». С точки зрения Д.Н. Ушакова, патриот – это человек, преданный своему народу, любящий свое отечество, готовый на жертвы и совершающий подвиги *во имя интересов своей родины*. Но практика российского патриотизма свидетельствует о том, что интересы Родины подменяются интересами государства. Эта подмена вызывает к необходимости уточнить: патриот, человек любящий не столько государство, сколько Родину (Родина – отечество, отчизна, страна в которой человек родился; исторически принадлежавшая данному народу территория с ее природой, населением, особенностями исторического развития, языка, культуры, быта и нравов). Именно здесь находится главное сущностное разграничение понятий гражданин и патриот.

Патриотизм важен для развития общества, так как выполняет в нем ряд специфических функций¹:

1. Интегрирующую – объединяет большинство нации, ответственное за формирование образа будущего своей страны не только сегодня, но и завтра на основе приоритета интересов общества и государства.
2. Охранительную – осуществляет формирование и развитие того, что определяется как национальная безопасность.
3. Стабилизирующую – придает прочность и устойчивость социальной, этнонациональной и государственной системам во всех их основных звеньях (языке, культуре, стереотипах поведения, нравственных и правовых нормах и т.д.).
4. Регулирующую – определяет характер реакций на внешние воздействия и влияет на характер вновь складывающихся связей и отношений во всем их многообразии.
5. Воспитательную – воздействует на целенаправленную деятельность органов государственной власти и институтов гражданского общества с целью придания им определенного смысла и направленности.

Исследования убедительно показывают, что патриотизм, в содружестве с гражданственностью, выполняет роль скрепляющего общества фактора, который нейтрализует негативные явления и процессы и выступает мощным стимулом позитивного развития личности и общества в целом. А формирование гражданственности будет способствовать становлению в России гражданского общества.

Осознавая потенциал самосохранения и, одновременно, инновационности патриотизма и гражданственности, государство и возводит эти качества в ранг национальной идеи.

Решать задачу формирования гражданственности и патриотизма в подрастающем поколении призвано все общество, но особенно – система образования, которая в прямом смысле слова образует личность, формирует сам образ жизни народа, передает новым поколениям ценности нации.

П.С. Дёмин, к.пед.н.

Проблемы патриотического воспитания военнослужащих

Обеспечение военной безопасности России, модернизация ее Вооруженных Сил невозможны без целенаправленной, рассчитанной на длительную перспективу патриотической работы среди граждан, прежде всего среди военнослужащих.

¹ Козлов А.А. О патриотизме. Основные понятия и краткий исторический аспект. http://www.nravstvennost.info/library/news_detail.php?ID=2263

Патриотизм – одна из наиболее значимых, непреходящих ценностей, присущих всем сферам жизни общества, государства и личности. Он олицетворяет собой любовь к своему Отечеству, сопричастность его истории, культуре, достижениям, составляющим духовно-нравственную основу личности, формирующим ее гражданскую позицию и потребность в достойном, самоотверженном, вплоть до самопожертвования, служении Родине.

В начале 1990-х гг. в обществе и Вооруженных Силах начали нарастать негативные социальные процессы, девальвироваться многие духовные ценности и теряться ориентиры военной службы, размываться понятия «честь», «долг», «Родина», «присяга», «патриотизм» и др. Это было обусловлено целым рядом причин: отсутствием целенаправленной работы по патриотическому воспитанию военнослужащих, коррупцией среди военных чинов разного ранга, их корыстной деятельностью, снижением служебной активности офицеров, массовым увольнением их до окончания установленного срока службы и др.

В настоящее время, как показывают результаты исследований, ситуация хотя и не меняется кардинальным образом, но имеет тенденцию к улучшению. Большинство опрошенных военнослужащих считают, что основные потенциальные возможности возрождения и укрепления патриотизма в нашем обществе заключены во внутренней и внешней политике нашего государства, в способности и готовности Вооруженных Сил обеспечить военную безопасность страны.

В 2004 г. Социологический центр ВС РФ провел комплексное исследование отношения военнослужащих различных категорий к проблеме патриотического воспитания в обществе и Вооруженных Силах¹. Анализ результатов опросов по проблемам патриотического воспитания в Вооруженных Силах показал, что многие озабочены падением патриотических настроений в обществе и Вооруженных Силах и предлагают свое видение решения проблемы. Такой подход можно назвать *активно-деятельностным*. По сути, респонденты рассматривают патриотизм в качестве одного из наиболее значимых чувств, воплощенных в действенную, побудительную силу, реализующую это чувство в процессе целеустремленной деятельности граждан в интересах защиты Отечества.

Патриотами себя считают большинство опрошенных (64%). Две трети респондентов *гордятся и дорожат государственными символами России: флагом, гербом, гимном*. Вместе с тем каждый шестой из числа опрошенных к названным государственным символам относится либо безразлично, либо не гордится ими, либо затруднился высказать свою позицию. По мнению респондентов, патриотизм проявляется наиболее ярко *в исполнении воинского долга в Вооруженных Силах (49%), защите интересов Родины с оружием в руках (37%), успешной боевой учебе, овладении оружием и военной техникой (33%), чувстве гордости за достижения своей Родины (в науке, производстве, искусстве, спорте), за великую историю Отечества (23%), в инициативном выполнении приказов и приказаний командиров и начальников (17%), активном участии в патриотических начинаниях, акциях (10%), духовной сопричастности (сопереживании) триумфам и поражениям Отечества (6%)*.

Результаты исследования свидетельствуют о том, что в патриотизме заключен *огромный воспитательный потенциал*, реализация которого не только способствует формированию добросовестного отношения военнослужащих к выполнению своего воинского долга, но и побуждает их к сознательному подражанию героям Отечества.

Результаты опроса респондентов показали, что для возрождения и укрепления патриотизма в обществе и армии необходимо значительно улучшить патриотическую работу в школах и детских дошкольных учреждениях (56%); улучшить социально-экономическое положение народа (55%); развернуть в стране военно-патриотическую работу по поддержке армии и флота (33%); активизировать патриотическую работу с населением в регионах (27%); систематически оказывать государственную поддержку патриотическим общественным объединениям и организациям (26%); добиваться изменения позиции СМИ в отношении патрио-

¹ Было опрошено 445 офицеров, 569 курсантов ввузов и военнослужащих, проходящих военную службу по призыву (кандидатов на заключение контракта) в частях, соединениях и военных вузах МВО, ЛенВО, ПУрВО, СибВО, ДВО, СКВО, СВ, ТОФ, БФ, 800 студентов военных кафедр гражданских вузов страны.

тического воспитания: от позиции отрицания к активной пропаганде патриотических идей (15%); организовать шефство молодежи над историческими памятниками в честь побед русского оружия (14%); развернуть на государственном уровне подготовку к празднованию исторических юбилейных дат (14%); предоставлять больше возможностей для духовно-нравственного влияния на общество и его граждан Русской православной церкви и другим конфессиям (10%).

Большинство опрошенных военнослужащих (70%) убеждены в том, что одним из основных условий возрождения патриотизма в России является *формирование в обществе единой общенациональной идеи*, способствующей развитию страны, укреплению ее безопасности. В условиях частичной утраты обществом традиционно российского патриотического сознания, отсутствия общенациональной идеи, противоречивости идеологических установок, усиления социальной поляризации многие (78%) высоко оценивают роль патриотического воспитания как фактора укрепления Вооруженных Сил, как одного из основных условий формирования и утверждения единой общенациональной идеи в нашем государстве.

Воспитание патриотизма в нынешних условиях – задача сложная. Ее выполнение зависит от способности руководителей всех рангов правильно оценивать обстановку, определять первоочередные цели, использовать эффективные способы их достижения. Большинство опрошенных военнослужащих (85%) оценивает работу по патриотическому воспитанию в обществе как слабую, не отвечающую требованиям настоящего времени. Такую же оценку состоянию патриотического воспитания военнослужащих в Вооруженных Силах дает каждый пятый респондент (почти 19%). Поэтому подавляющее большинство респондентов (93%) считает необходимым повысить уровень, улучшить содержание и организацию патриотического воспитания в стране в целом и Вооруженных Силах в частности.

Следует отметить, что работа по военно-патриотическому воспитанию молодежи в последние годы была практически свернута, снизилось количество призывников, занимающихся военно-прикладными видами спорта. По данным исследований, проведенных Российской академией управления, слова «патриот», «патриотизм» в общественном сознании стали приобретать негативный оттенок. Если в 1987 г. патриотами своего Отечества считали себя 93% опрошенных, то на сегодня – лишь 23%¹. Наиболее ярко эти настроения проявляются в ходе призыва граждан на военную службу. Многие юноши призывного возраста любыми путями стараются уклониться от исполнения конституционной обязанности по защите Родины. Наблюдается явная деформация духовного мира личности, изменение ценностных ориентаций.

Приоритетными у молодежи становятся ценности меркантильного характера, а духовные (признание в коллективе, уважение друзей, любовь родителей, семейное счастье) заметно вытесняются на второй план. Почти половина опрошенных офицеров (43%) считают, что образцом для подражания у молодых людей являются герои боевиков, преуспевающие бизнесмены и удачливые члены преступных групп. Тем не менее, у существенной части молодежи по-прежнему пользуются большим авторитетом воины-участники боевых действий в «горячих точках» (32%); воины, совершившие подвиг в защиту своего Отечества (22%); воины-профессионалы (20%).

Патриотическое, правовое, нравственное, физическое и другие виды воспитания в Вооруженных Силах являются составными частями воинского воспитания и представляют собой его содержательную сторону. Сделать патриотическое воспитание приоритетным направлением в системе воинского воспитания означает: во-первых, фактически, а не на словах признать важность работы по патриотическому воспитанию военнослужащих, усилить внимание к ней; во-вторых, вменить в обязанность всем без исключения должностным лицам активно участвовать в процессе патриотического воспитания; в-третьих, существенно повысить уровень педагогической и методической подготовки всех категорий воспитателей. Цель патриотического воспитания – развитие в Вооруженных Силах высокой социальной активности военнослужащих, гражданской ответственности, привитие воинам-контрактникам духовных

¹ См.: Актуальные задачи развития Вооруженных Сил Российской Федерации. М., 2004. С.62.

ценностей и высоких моральных качеств, стремления проявить их в процессе военной службы в интересах защиты Отечества.

Л. М. Дробижьева, д.ист.н., (ИС РАН, Москва)

Гражданская интеграция в полиэтническом российском обществе

Современная Россия, преодолевая последствия переходного периода, определяет свою позицию не только по политическому и экономическому (с соответствующими трансформациями в социальной структуре) векторам. Не менее важно и восстановление идеологической системы координат, в соответствии с которой выстраивается пространство меняющихся идентичностей и солидарностей, их ценностно-нормативный и коммуникационный потенциал. В постсоветское время граждане Российской Федерации столкнулись с необходимостью переосмысления пространства страны, в которой они живут: ее новых территориальных очертаний, этнического состава населения, политического устройства, рождающихся и отмирающих ценностей, изменяющейся социальной стратификации. Скорости и масштабы осознания трансформационных изменений, встраивание в новую систему отношений, освоение новых смыслов и значений были разными. Все это определяло многообразие жизненного мира, в котором происходила, с одной стороны, индивидуализация идентичностей людей, а с другой – росла потребность в пространстве, где тебя понимают и разделяют какие-то интересы, усиливалась важность больших, *воображаемых* (термин Б. Андерсона) *сообществ* – областного, республиканского, государственного, гражданского, политической нации.

Когда речь применительно к нашей стране заходит о таком феномене, как *национально-гражданская общность*, не только склонные к преувеличениям СМИ, но и многие представители научного сообщества предпочитают в лучшем случае говорить об этом как о некоем почти недостижимом идеале, а в худшем – как о кризисе идентичности российского социума. Такая логика подтверждается ссылками на различного рода негативные тенденции: нарастание этнонационалистических настроений, популярность великодержавно-шовинистических концепций, усиление социально-классовой розни и пр. Споры нет, подобные явления – часть нынешней социальной реальности. Однако хотелось бы обратить внимание и на наличие иной тенденции – процесса постепенной, может быть пока еще не столь значимой, как хотелось бы, гражданской интеграции полиэтнического российского общества.

Категория *гражданско-государственная (национально-гражданская) идентичность* включает не только лояльность государству, но и отождествление индивида со своими согражданами, представления об этом сообществе, ответственность за судьбу страны и сопутствующие этому чувства (гордость, обида, разочарование, пессимизм или энтузиазм). Так же, как и в республиканской, локальной, этнической идентичности здесь присутствуют когнитивные, эмоциональные и регулятивные элементы (готовность к действию во имя этих представлений и переживаний).

Прошедшие с 1991 г. годы – срок исторически небольшой, но не случайно социологи во всем мире выделяют один тренд: *сжатие времени и фрагментация пространства*. За истекшее время существования новой России ныне живущее поколение пережило немало последствий распада СССР: взрыв этничности и национальные движения, суверенизация в республиках и сепаратизм регионов, укрепление вертикали власти и переосмысление демократизации первого этапа трансформации. Помимо смены политического устройства общества, это был период кардинальных социальных изменений: формирования новых слоев, новых стилей жизни, ценностей, ориентаций в экономической и социально-культурной сферах. Такого рода масштабные трансформации отразились на самосознании людей, их идентичности.

Понятие *«государственно-гражданская»*, или *«национально-гражданская»* идентичность достаточно новое для нашей публичной сферы, да и для российской научной литературы, ибо в России исторически сложилось понимание нации как этнокультурной общности. И только в постсоветское время стали употребляться такие понятия, как *«государственная идентичность»*, *«россияне»*, *«российская идентичность»*. В общественный дискурс вошло

понимание нации как граждан государства, по аналогии с Францией, Великобританией, США¹.

За этими новациями был политический смысл, а не стремление российских ученых адаптировать свой понятийный аппарат к нормам, принятым в мировом сообществе. Если под нацией понимается государственная общность, то снимается или, как минимум, редуцируется право наций как этнокультурных, этнических образований на самоопределение вплоть до образования самостоятельного суверенного государства. Ибо категория «суверенитет» закрепляется за государственной общностью. Для России это особо важно, поскольку в начале 1990-х гг. республики в ее составе приняли Декларации о суверенитете. Поэтому не случайным стало употребление в публичном пространстве, особенно в выступлениях Президента РФ, понятия «нации» не в традиционном этнокультурном смысле, а в смысле государственной, гражданской общности – «политической нации». Это находит выражение через такие определения, как «российская нация», «граждане России», «мы как нация», «мы – народ России», «единый народ России» и т.д.

В таком значении «нация» и производное от него определение «национальный» (интересы и т.п.) в посланиях Президента РФ Федеральному собранию в 2000 г. употреблялось 10 раз, в 2005 г. – 15 раз, в 2007 г. – 18 раз². Но одно дело политический дискурс, а другое – его преломление во мнении общества. Современная идентичность населения России – сложный конгломерат новой российской, ностальгической советской, социальной, региональной, локальной, этнокультурной, религиозной идентичностей. Естественно, все политические, социально-культурные, экономические трансформации общества находят отражение в государственно-гражданской идентичности, поэтому по изменениям в ней судят о направлениях в развитии социума, но и она сама, ее характер, масштабность, интенсивность, способствует ориентации и мобилизации людей, становится социальным ресурсом в общественном развитии. Именно с этой точки я постараюсь рассмотреть *идентичность россиян как ресурс государства и общества*.

Здесь, однако, уместно небольшое отступление. Все исследовательские центры, отслеживающие динамику общероссийской идентичности, фиксируют ее устойчивость и приближение к условно называемым базовым идентификациям (семья, профессия и др.). По данным Всероссийского центра трансформационных процессов Института социологии РАН в 2002 г. 63% респондентов солидаризовались с образом «мы – россияне»³. Институт комплексных стратегических исследований РАН в 2004 г. зафиксировал российскую идентичность у 45% жителей мегаполисов и 51% у провинциалов⁴. Согласно исследованию по проекту РМЭЗ (RLMS) гражданами России ощущали себя «часто» и «иногда» 65% опрошенных (68% горожан и 59% селян)⁵.

Отдавая должное важности статических замеров общероссийской идентичности, хотелось бы указать на целесообразность более глубокого исследования ее содержания и динамики процесса ее складывания. В этом контексте необходимо, как минимум:

- дать реальную оценку и перспективность интегрирующих общество ценностей;
- определить, какой тип идентичности (государственно-гражданский, региональный, этнический и т.д.) будет доминирующим, какие факторы станут влиять на российскую ментальность в перспективе;
- оценить модернизационные, традиционалистские и амбивалентные тенденции применительно к регионам и стране в целом и выявить доминирующие перспективные направления.

¹ Инициатива принадлежала члену-корреспонденту РАН В. Тишкову, но споры с ним вели и Р.Абдулатипов, и Э. Баграмов, и член-корреспондент РАН Ж. Тощенко, и В. Козлов, и др.

² Подсчеты произведены с помощью поисковой функции в программе Microsoft Word - Ctrl + F. Тексты президентских посланий размещены на сайте www.kremlin.ru.

³ Данилова Е. Н. Через призму социальных идентификаций // Россия реформирующаяся. М., 2005. С.226.

⁴ Российская идентичность в условиях трансформаций. М., 2005.

⁵ Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения проводится Институтом социологии РАН совместно с Университетом Северной Каролины (США) и Институтом питания РАМН. Руководители с российской стороны П. Козырева и М. Косолапов.

Ответы на эти и аналогичные вопросы могут дать материалы совместной работы ресурсной группы Института социологии РАН с Межрегиональными институтами общественных наук в 2006 - 2007 гг.¹, а также данные социологических исследований в Республике Саха (Якутия) – в 2006 и 2007 гг.²

Итак, по результатам опросов в регионах с доминирующим русским населением гражданами России ощущали себя 86% респондентов. В Свердловской, Томской и Воронежской областях этот показатель был выше (около 90%), в Саратовской и Калининградской областях и Приморье ниже (порядка 77%). При этом не менее половины опрошенных составили группу тех, кто ощущают себя гражданами России в значительной степени. Эти индикаторы интересно сравнить с данными по этнически гетерогенной Республике Саха (Якутия), где ситуация в 2007 г. выглядела так: национально-гражданскую идентичность – ассоциирование себя в значительной мере с гражданами России – предпочли 63% якутов и 81% русских. Кроме того, почти 30% якутов и 15% русских отождествляли себя с гражданами России «в некоторой степени». В целом же в той или иной степени положительно отвечали на вопрос более 90% населения республики. Если сравнить эти показатели с их аналогами 1990-х гг. (20% и 79%, соответственно), то легко заметить, что представление «мы – россияне» укрепились у обеих референтных групп, причем у якутов даже значительно больше, чем у русских. Это – серьезная подвижка, но необходимо учитывать, что оба этноса вкладывают в данное понятие несколько разное содержание. При перенесении соответствующего вопроса в административно-территориальную плоскость («кем вы себя больше чувствуете: якутятином или россиянином, или и тем и другим в равной степени?») в 2007 г. доля представителей титульного этноса, ассоциирующих себя только россиянами, оказалась в административном смысле невелика – около 5%, но и россиянами, и якутянами чувствовали себя 67%; среди русских – 47%. Следовательно, респонденты, представляющие титульный этнос, по-видимому, отождествляли себя с россиянами, в основном, по критерию территориально-пространственного, а не гражданского единства. А это, в свою очередь, свидетельствует о том, что национально-гражданская общность, позволяющая редуцировать этническую рознь и социальную дифференциацию, у нас пока только складывается³. Что, впрочем, не снижает позитивную оценку данной тенденции, особенно с учетом того обстоятельства, что историко-культурная константа в самосознании населения нашей страны была иной, чем в странах Запада.

Не менее важна и содержательная сторона проблемы. Так, данные наших опросов показывают, что большинство людей уже считают, что быть гражданином России значит «чувствовать ответственность за страну»: от 62 до 76% респондентов в Приморье, Томске, Екатеринбурге, Саратове, Воронеже, Калининграде считают это «очень важным». Более детальный анализ материалов опросов по Саха (Якутии) о восприятии русскими и якутами своего места в гражданском сообществе России также дает основания утверждать, что за этим реально стоит большее, чем ощущение себя россиянами, так сказать, просто по территории. Среди факторов, которые консолидируют якутян с гражданами страны, треть якутов и четверть русских назвали именно «ответственность за ее судьбу». По рейтингу консолидирующих факторов гражданская ответственность оказалась на втором месте, конкурируя с такими представлениями, как «родная земля, природа» и «общее историческое прошлое». Хотя доминирует, конечно, в том числе и в силу этого исторического прошлого, категория «единое государство» – административно-территориальный фактор.

¹ В ресурсную группу Института социологии РАН, создавшую программу исследования, входят Л. Дробижева, М. Черныш, А. Чирикова.

² В опросный лист этих исследований были включены блоки вопросов, фиксировавшие «мы-образы» и корреспондировавшие с такими же вопросами в исследованиях 1990-х гг. Это давало возможность провести сопоставления

³ Отсюда – и заинтересованность в формировании гражданского общества, его ценностей и норм не только среди демократически ориентированной части российской общественности, но и у представителей власти.

Интересно отметить и то, что якуты не меньше, а даже чуть больше, чем русские, консолидируются с гражданами России через чувство ответственности за судьбу страны и особенно через единое государство (свыше 70% против примерно 57%, соответственно). Полученные в ходе исследования данные делают очевидным факт: пусть якуты и реже, чем русские, ощущают тесную связанность с Россией как с территориальной общностью, для них при этом отнюдь не меньшую, а даже несколько большую важность представляют категории «государственное единство» и «ответственность за судьбу страны».

Тенденция к гражданской консолидации проявляется и через *соотношение региональной и общероссийской идентичности*: опросы показывают, что, в целом, первая начинает уступать второй, хотя и ненамного. Так, в Калининграде в 2006 г. практически одинаковая доля населения (77%) считали себя россиянами и жителями города (области). В Воронежской и Томской областях российская идентичность несколько превосходила региональную. Что примечательно, в Приморье в значительной степени ощущают себя россиянами 57%, а земляками и жителями локусов – 39%, а ведь именно относительно этого региона досужие политики высказывают опасения по поводу его дистанцирования от России.

Наконец, есть основания говорить о том, что в отличие не только от 1990-х гг., но и от начала 2000-х гг. *гражданская идентичность стала даже более значимой, чем этнонациональная*. Это иллюстрирует соотношение тех респондентов (в массиве опрошенных доминирующее большинство – русские), кто не ощущают близости с людьми своей национальности (минимальное количество таких в Томске 9%, максимальное – в Калининграде 26 - 27%¹), с теми, кто в значительной степени ощущают связь с представителями только своей национальности – их было по регионам не более одной трети². Это, скорее всего, дает основания говорить не просто о преодолении кризисных элементов в русском самосознании, но и о выстраивании новой российской идентичности, восходящей отнюдь не только к этническому происхождению индивида.

Чтобы адекватно оценить подобные показатели, необходимо вернуться в наше недавнее прошлое. В 1990-е гг. в субъектах РФ наблюдался действительно высокий уровень и региональной, и этнической идентичности, значимо превосходящий общероссийскую идентичность. В той же Саха (Якутии) преимущественно якутянами в 1999 г. считали себя 77% городских якутов и 85% сельских, а россиянами, как уже упоминалось, около 20%, да и русских, считавших себя в основном россиянами, было в республике около 50%. Надо сказать, что и в других республиках (Татарстане, Башкортостане, Северной Осетии-Алании) региональная/республиканская идентичность населения была не менее высока. Да что и говорить, если и в Москве – столице государства – лишь четверть москвичей идентифицировали себя как россиян, а остальные еще чувствовали себя гражданами СССР или не могли определиться со своей идентификацией. Многие люди тогда еще не оправались от шока, связанного с распадом СССР, другие ожидали его восстановления, территориальные границы представлялись нечеткими, новые социальные отношения еще только формировались и выглядели фрагментарными. В тех условиях идентичность русских ученые оценивали как кризисную.

Граждане российских республик, особенно представители титульных этносов, тогда были в более комфортном положении. Местные элиты развернули деятельность по формированию локальной идентичности: создавались гимны, флаги и гербы республик, в них происходили выборы своих президентов и т.п. Так у людей воспитывалась гордость за свою республику, ощущение чувства регионального единства.

И это не следует, как принято часто делать, относить исключительно к проявлениям этнонационализма. В ситуации трансформаций во всех сферах жизни, нечеткости директив и дискуссий в Центре локальная идентичность, стимулируемая провозглашенными суверенитетами, представлялась людям более определенной и надежной. Ведь в 1990-е гг., когда

¹ Возможно, в Калининградском регионе в массив опрошенных попало большое число маргиналов.

² Только в Свердловской области их больше, что связано, видимо, с повышенной «русскостью», стимулируемой как сильным притоком мигрантов, так и более высокой идентификацией по критериям «русскости» (95%) и приверженности к европейским ценностям (57%).

Центр строил отношения с субъектами Федерации по принципу передачи льгот в обмен на лояльность, падающая легитимность федеральной власти, по сути, компенсировалась ростом региональной солидарности, в том числе республиканской. Суверенитеты воспринимались и как некая компенсация за нереализованные интересы народов в советское время. Местные элиты успешно использовали возможности, открытые демократизацией политической системы, и немало сделали не только для изменения идеологии, но и для использования местных экономических ресурсов. В результате слово «суверенитет» стало значимым не только для горожан, но и для сельских жителей республик, в чем легко убедиться, обратившись к опросам 1994 и 1997 - 1999 гг. Элементы суверенитета, полученные в постперестроечное время, высоко оценивались и элитой, и всем населением республик. В 1999 г. практически 60% якутов и четверть русских жителей республики (в основном старожилы) полагали, что «республика должна быть суверенным государством в составе Российской Федерации», а не просто республикой. Аналогично 70% якутов и более 50% русских соглашались с мнением, что «только республика должна распоряжаться своей землей и природными ресурсами». Среди перемен, положительно повлиявших на жизнь российского общества, установление республиканского суверенитета получило среди якутов столь же высокую поддержку, как и свобода СМИ, многопартийные выборы и расширение отношений с Западом, и практически равную с оценкой русскими свободы СМИ и расширением отношений с Западом.

Когда решение Конституционного суда РФ отменило право республик считаться суверенными, ликвидация этого статуса и приведение законодательных норм и положений местных конституций в соответствие с Конституцией РФ и всей законодательной базой Российской Федерации стали очень нелегким процессом. Иногда законодатели в республиках прибегали к каким-то компромиссным, с их точки зрения, решениям, или «уловкам» с точки зрения законодателей Центра. Например, в Конституции Башкортостана говорится о государственности, которой, как известно, без суверенитета не бывает. Не менее психологически трудным был отказ и от каких-то, пусть и символических, знаков достижений в данной области, в частности, празднования Дней провозглашения суверенитетов. Например, в Саха (Якутии) 27 сентября по-прежнему проходят праздничные мероприятия, посвященные годовщине принятия Декларации о государственном суверенитете республики. Теперь в выступлениях руководителей республики акцентируется внимание на значимости этих событий для социально-экономического развития территории, а не для возрождения культуры титульного этноса, как это было в 1990-е гг.

Рассматривая возрастание значимости гражданской идентичности как позитивную в целом тенденцию, хотелось бы указать на некоторые связанные с этим проблемы. Сильная национально-государственная идентичность может быть тревожным симптомом назревающих изоляционистских и даже националистических настроений. Но на данном этапе это, скорее всего, компенсаторное изменение в самосознании российских граждан после переживания распада Союза и огульной критики прошлого. К тому же, возможно, это – результат активного идеологического воздействия администрации Президента РФ по конструированию представлений о принадлежности к общей идентичности граждан России и солидарности.

Ибо борьба за номинацию, за наименование признается в современном мире одним из важных ресурсов, способных обеспечить социальное доминирование. Слова, по П. Бурдье, «в значительной мере делают вещи»¹. В этом отношении президентский дискурс – важный стимулятор формирования «мы-образа», транслируемый при помощи образования, СМИ и т.д. Проблема для определения будущего России – содержание этого дискурса.

И здесь приходится констатировать, что важнейший смысловой его конструкт – *дихотомия «мы-они»* – выглядит следующим образом: сильное государство, солидаризирующееся вокруг него общество, которые противостоят внутреннему и внешнему врагу, намеренному разрушить нашу страну, использовать наши ресурсы. В роли «они» были: и «террористическая интервенция», нарушающая целостность страны; и «олигархические группировки, ко-

¹ Бурдье П. Практический смысл. М., 2001. С.111-112.

торые... обслуживают исключительно собственные интересы»; и коррупция российских государственных институтов; и некий неопределенный, но вполне понятный враг, который «самыми грязными технологиями пытается разжечь в нашей многонациональной, демократической стране межнациональную и межконфессиональную рознь»; и даже «наши партнеры», которые «ведут себя некорректно, добиваясь односторонних преимуществ».

Центром позитивного «мы-образа» стало сохранение за Россией роли «крупнейшей европейской нации», чья «цивилизаторская миссия на Европейском континенте должна быть продолжена», поскольку наша страна опирается «на базовые морально-нравственные ценности, выработанные народом России, за более чем тысячелетнюю свою историю». В этой связи «подавляющее большинство граждан страны» должны стать «реальными соучастниками общего созидательного процесса», и каждый из них – «гордиться своей страной» и «чувствовать свою сопричастность с судьбой государства». На этих идеях, типологически близких дискурсу лидеров национально-патриотического направления, и формируется реальная российская идентичность, чьей доминантой становится государство как институт.

Естественно, в современных условиях люди не обязаны, как это было в недавнем прошлом, повторять то, что есть в президентских посланиях, но их идеи транслируют СМИ, они выходят в публичную, образовательную сферы, формируя представления. А если они есть, то будут иметь, согласно теореме Томаса¹, реальные последствия. В этой связи неудивительно, что глубинные интервью показывают: *отождествление себя с гражданами России у респондентов часто происходит по линии «государство – институт», а не «гражданство-сообщество».* Впрочем, следует помнить, что переходное общество несет в себе стереотипы прошлого, а в истории нашей страны институты власти были распорядителями судеб людей, инициаторами модернизационных перемен. Так что *западная модель ранжирования государства и общества, в рамках которой граждане – политическая нация, сообщество, а государство – совокупность институтов, служащих ему, у нас еще не утвердилась.*

Тем не менее ситуация в этой области стала понемногу меняться. Уже упоминавшийся факт, что значительная часть респондентов ассоциирует свою принадлежность к россиянам с чувством ответственности за страну, говорит о пусть не до конца отрефлексированном чувстве солидарности – не может же рядовой гражданин ощущать нечто подобное относительно должностного лица или госучреждения. С этим коррелируют и представления о том, что «важно быть российским патриотом, любить Россию». Такого мнения ныне придерживаются свыше 90% опрошенных в Воронежской, Калининградской, Саратовской, Свердловской областях и более 80% в Приморье и Томской области (во всех регионах свыше 60% считают, что это очень важно). Патриотические чувства – вид эмоциональных ощущений, не соотносимых с государственными структурами. Их вряд ли у нас кто-то любит, чаще их ругают, а реально к ним проявляют большую или меньшую лояльность. Тогда как любить страну, живущих в ней людей можно, поэтому данный индикатор следует интерпретировать как эмоциональный элемент именно гражданской идентичности. Другой проблемный аспект становления национально-гражданской идентичности – вопрос о ее векторе: модернизационном или же традиционалистском (в смысле роста великодержавных настроений и/или этнического национализма как идеи преобладания этнических интересов над всеми другими, в том числе интересами личности, граждан). Наши исследования, в которых были предусмотрены блоки вопросов, сформулированные так, чтобы выявить индикаторы этих процессов, показывают в данной связи следующее. Достаточно очевидно, что за общероссийской идентичностью скрываются, как минимум, различия социально-политических ориентаций и установки «разных скоростей» модернизационного процесса. При том, что 85% по всему массиву опрошенных считают себя гражданами новой России, 49% еще в разной мере чувствуют себя советскими людьми. В большинстве регионов ими ощущают себя 15-26% населения, это, главным

¹ Теорема Томаса – описание феномена социального взаимодействия, данное американским социологом У. Томасом: «Если человек определяет ситуацию как реальную, то она станет реальной по своим последствиям». Например, если вкладчики, боясь, что их банк прогорит, заберут оттуда свои деньги, он действительно прогорит.

образом, старшее поколение¹. Но если какая-то часть россиян еще и ностальгируют по прошлому, то уже немало и тех, кто ассоциируют себя с людьми, разделяющими европейские ценности. Таких в целом по массиву 36% (в Приморье их 22%, в Воронежской и Саратовской областях – 29%, в Томской и Свердловской – 57%). Наконец, практически половина граждан в изучаемых регионах – 48% (в том числе порядка 21% в значительной степени) ассоциируют себя с теми, кто добились успеха в современных условиях. Памятуя о российской привычке больше критиковать себя, а не хвалить («не высовывайся!»), это очень неплохие показатели.

Тем не менее *идентичность россиян в современных условиях достаточно противоречива*. Упомянутым оценкам сопутствуют и традиционалистские ценности, причем не как дань уважения к традиции, к прошлому, а в виде представлений, тормозящих переход к пониманию современного образа жизни в глобализирующуюся эпоху. Об этом, например, говорит убежденность 78% респондентов в том, что «надо родиться в России», чтобы быть россиянином, а 84% полагают, что для этого надо «прожить в России большую часть жизни» (свыше 50% считали и то и другое очень важным). Между тем представление о свободном перемещении и мобильности – один из важных показателей современной жизни, модернизации. Конечно, возможно, что на позицию респондентов по данному вопросу влияет факт усиливающегося потока иноэтничных мигрантов: далеко не все россияне привыкли к таким процессам. Но это обстоятельство не должно скрывать традиционалистскую подоснову подобных представлений – ориентацию на этническую замкнутость. Об этом свидетельствует коррелирующая ориентация на то, что россияне должны быть русскими (46% респондентов) или православными (58% по массиву в целом).

В самом обобщенном виде характеристика формирующейся гражданской идентичности жителей России может быть дана так. В настоящее время она, во-первых, достаточно противоречива: *в ней соединены традиционалистские и модернизационные тренды*, а во-вторых, *отягощена государственническими (в институциональном смысле) стереотипами*, которые – пока, правда, больше на эмоциональном уровне – начинают трансформироваться в представления о подлинном гражданско-национальном единстве.

Говоря о перспективах гражданской интеграции россиян, можно утверждать, что в ближайшем будущем здесь не должно произойти существенных подвижек. Система властных отношений вряд ли изменится, так что существующее направление идеологических воздействий на общество сохранится. Демократические оппозиционные силы в настоящее время достаточно слабы, чтобы изменить вектор идеологического влияния. Что же касается национально-патриотического течения оппозиции, то, как показывает анализ соответствующих Интернет-сайтов, публикаций в газете «Завтра» и журнале «Наш современник» и т.п., его представители в основном склонны считать, что власть прислушалась к их голосу (о том же говорят и евразийцы в лице А. Дугина). В таком контексте можно предполагать, что консолидация основной части населения будет происходить на основе оборонного сознания. Ведь 63% респондентов в целом по массиву считают, что «западные страны ставят целью ослабить Россию». Различия по регионам вокруг этой доли очень небольшие, лишь в Воронежской области эти настроения заметно сильнее (74%). Скорее всего, это связано тут с значительной долей сельского населения и худшим, чем в ряде других регионов, экономическим положением. Правда, одновременно пойти на снижение жизненного уровня во имя сохранения военной мощи готовы совсем немногие – 12% (от 7 - 11% в Калининграде, Приморье, Саратовской области, до 21% – в Свердловской области, возможно, в связи с тем, что здесь особенно пострадала значимая для региона военная промышленность).

Рецидивы психологии «осажденной крепости» придадут процессам формирования национально-гражданской идентичности изоляционистский и антимиграционный оттенок. Ведь в настоящее время 44% граждан полагают, что «проникновение другой культуры и языка вредит населению» (различия по регионам незначительны). Примерно такое же коли-

¹ Общественное мнение - 2006. Аналитический Центр Юрия Левады. М., 2006. С.18.

чество респондентов – 43% – во-первых, придерживаются в той или иной мере позиции, что Россия должна быть страной для русских, а во-вторых, согласны с мнением, что «национальность всегда будет разъединять людей». Около 90% во всех регионах не желают принимать у себя людей другой этнической принадлежности, не хотят видеть в мигрантах потенциальных граждан страны. Причем такие настроения имеют место как в центральных (Саратовская и Свердловская области), так и в пограничных (Калининград, Приморье) районах. Подобные данные иногда упрощенно трактуются как нарастание националистических настроений в противовес мотивам гражданской интеграции. Для такой оценки, конечно, есть основания. Пережитые в поздне- и постсоветское время этнические вызовы, массовые национальные движения в СССР и в Российской Федерации, военные действия и постконфликтная ситуация в Чечне и другие события травмировали этнонациональное сознание русского населения. Тем не менее более детальный анализ взглядов респондентов позволяет говорить о том, что *за негативными подходами к консолидационным процессам стоят преимущественно либо сугубо констатационные, либо антииммигрантские установки.* Подтверждение тому:

- готовность большинства респондентов работать с коллегами иной национальности: такого мнения придерживаются порядка 53-65% по стране;
- позитивное отношение к межнациональным супружеским союзам, которые в целом одобряют 56% россиян, а с какими-то оговорками – 18%;
- достаточно высокая доля тех, кто просто готов контактировать с иноэтничными соседями и иметь среди них близких друзей (порядка 38%).

Наконец, характер претензий к мигрантам большинства населения также говорит об их в первую очередь социально-экономическом, а не этническом характере. Главные проблемы с приезжими ассоциируются у большинства опрошенных с конкуренцией на рынке труда (свыше 80%) и жилья (50-60% и выше), а также с трудностями адаптации мигрантов (50-70%). В наибольшей мере такого рода проблемы волнуют жителей Воронежской и Свердловской областей и Приморья, т.е. там, где миграционное давление ощущается сильнее.

В настоящее время и федеральный Центр, и субъекты Федерации принимают меры по урегулированию миграции, но общественные настроения быстро изменить не удастся. Поэтому ощущение недружелюбия к мигрантам, усиливаемое реальными потребностями развития сферы обслуживания и экономики, будет подпитывать общественную фрустрацию, которая, естественно, найдет отражение в травматических формах групповой идентичности.

Наконец, следует сказать, что региональные консолидации на данном историческом этапе станут не столько противостоять, сколько подпитывать национально-гражданскую идентичность. Регионы становятся значимым ресурсом корректировки социальных взаимодействий. Чем больше будет доверия к федеральной и региональной власти, ощущения, что люди на местах участвуют в принятии важных для них решений, тем надежнее окажется совместимость этих идентичностей у широкого круга граждан.

Б.В. Дубин (Левада-Центр, Москва)

Координата будущего в общественном мнении

Проблематизацию категории «будущее», возникновение проблемы будущего в поле интеллектуальной работы, а затем и в массовом сознании, коллективном образе чувств и мыслей в ряде «передовых», «продвинутых» обществ Запада (потом их назовут «развитыми») правомерно связывать с глубокой перестройкой механизмов социальной и индивидуальной регуляции. Речь идет о растущей значимости, даже о приоритетности механизмов целеполагания и целедостижения в структурах социального действия и взаимодействия. В этом смысле отмеченный процесс сосредоточения на перспективных координатах поведения как социальный, более того – массовый феномен характерен прежде всего для Нового времени, а может быть, и еще уже – для модерной эпохи¹. Условное начало группового осознания этого проблематического момента можно датировать, с одной стороны, активным обращением к

¹ См.: Zarifian Ph. Temps et modernité: le temps comme enjeu du monde moderne. P., 2001.

идеи и жанру утопии в европейской словесности Возрождения, барокко, романтизма, а позднее, уже в буржуазную эпоху, – с развитием жанра научной фантастики и, еще позже, фэнтези. С другой – отмеченной точкой в данном плане рассуждений выступает теоретическая разработка категории «воображение» у Канта, Шиллера, йенских романтиков, Колриджа, Э. По в связи с проблематизацией центральной для модерна категории человеческой субъективности¹. Утопия при этом заступает место традиции, значение которой в регуляции поведения и организации коллективного опыта, напротив, слабеет². Впрочем, столь же активной и последовательной рационализации средствами письменной культуры и примерно в тех же хронологических и географических рамках подвергается и традиция, прошлое. Одним из специализированных инструментов этой рационализации становится история как научная дисциплина, а затем, вслед за ней и по ее образцу, этнография и археология традиционных обществ и культур; взаимовлияние форм письма и форм истории – отдельная тема ретроспективного исследования³.

Данный процесс движется и многократно ускоряется по мере рационального осознания и последовательного артикулирования элитами, а затем и на массовом уровне гетерогенности социальной реальности, разнохарактерности обществ, как современных, так и архаических, экзотических и др. В данном конкретном случае речь идет о фиксации и выражении разновременности, наличия и взаимодействия в социальном и индивидуальном опыте нескольких различных планов или типов времени (времени ритуала, повседневной жизни, праздника, воспоминания, ожидания, ностальгии, фантазии, сна). С пониманием упомянутой разнородности коррелирует растущее значение субъективности в обществах Нового времени – в познании, социальном действии, экономике, политике, законодательстве, искусстве и проч.

Сферой условной, игровой реализации способностей автономного и вместе с тем социального субъекта выступает при этом воображение, относимое как к прошлому (память), так и к будущему (надежда). Короче говоря, здесь фиксируется сознание социальных и культурных перемен (изменчивости) и значимой категории выбора (альтернатив), а соответственно, – ключевая инстанция (фигура) сознательного и деятельного, свободного, самоответственного и социально-ориентированного субъекта.

Социальное время я вслед за Ю.А. Левадой буду трактовать как последовательность социальных действий или фаз социального действия (циклы, ритмы); культурное время – как соотношение значений типов (слоев, пластов) этих действий⁴. Развитость категорий времени и, в частности, будущего времени в этой логике – выражение сложности социальной морфологии общества, ее «глубины», устойчивости и одновременно гибкости, динамизма. Будущее (как и прошлое) выступает областью мысленного обобщения координат и оценок социального действия, генерализации и универсализации коллективного опыта, в том числе и в первую очередь – согласования интересов, идей, значений, относимых в рефлексии к прошлому, настоящему и будущему: фиксация и измерение времени – это фиксация и измерение согласованности/рассогласованности времен, отмеченной точкой которых так или иначе выступает настоящее⁵. При этом в сфере настоящего действие институциональных и ролевых структур для массового сознания как бы скрыто, выделяется лишь зона «своего» поведения. Здесь каждый, можно сказать, «меряет по себе». Собственное действие, программа поведения ясны, очевидны актору либо потому, что рационализированы и учтены им, либо –

¹ См.: Старобинский Ж. К понятию воображения: вехи истории // Он же. Поэзия и знание: История литературы и культуры. Т. 1. М., 2002. С. 69–84.

² Подробнее см.: Шацкий Е. Утопия и традиция. М., 1990; Утопия и утопическое мышление / Под ред. В. Чаликовой. М., 1991.

³ См.: Certeau M. de. L'écriture de l'histoire. Paris: Gallimard, 1975, в частности вводную главу этой книги «Разновидности письма, разновидности истории» (http://www.ruthenia.ru/logos/number/2001_4/02.htm#_ftn6).

⁴ См.: Левада Ю. Статьи по социологии. М., 1993. С.41 и далее; Он же. Исторические рамки «будущего» в общественном мнении // Он же. Ищем человека: Социологические очерки, 2000–2005. М., 2006. С. 62–75.

⁵ Реконструируя этот механизм обращения и приурочивания времен, Августин («Исповедь». XI, XX. 26) говорит про «три времени – настоящее прошедшего, настоящее настоящего и настоящее будущего». Августин А. Исповедь / Пер. с лат. М.Е. Сергеев. М., 2000. С.222.

и гораздо чаще – потому, что они для него привычны. Так или иначе, они воспринимаются им как индивидуальные, свои.

В сферах же воображения (отнесения в прошлое или будущее) рамки для массового сознания задаются действием ролевых структур и базовых институтов, прежде всего – репродуктивных, связанными с их взаимодействием конструкциями значимых и общезначимых «исторических» событий, а с другой стороны, с переводящими, транспонирующими их в категории опыта нормативными (по преимуществу аскриптивными) схемами типового жизненного сценария, выстроенными по осям «детство – юность – зрелость – старость», «мужское – женское». Соединение таких стандартных жизненных сценариев с предписаниями базовых институтов (универсальными требованиями ролей, дифференцированными фазами действия, ритмами их смены и повторения) собственно и задает динамику индивидуальных жизненных проектов (биографий), коллективных действий тех или иных социальных групп, движений и т.п.

В этих рамках я бы аналитически выделял несколько конструированных типов будущего по формам и модусам их соотносительности с настоящим:

- *будущее как ухудшение – готовность к худшему, порча.* Предлагается видеть за этим установки и оценки маргинализируемых, стигматизируемых групп;
- *будущее как продолжение «такого же» – инерция.* Можно трактовать это как расчет на нормальную, так или иначе привычную работу основных институтов в модальности либо улучшения, либо опаски и предупредительной осторожности («Лишь бы не было хуже»). Для сравнительно-типологического анализа важны различия в характере этих основных институтов (в их основе и повседневной деятельности преобладают значения мобилизационные, адаптивные, консервативные, достижительские, неотрадиционалистские, самоорганизующиеся и саморегулирующиеся) и в инстанциях, наделенных способностью инициативы и ответственности, либо, напротив, приспособления и ускользания от ответа. В целом так можно характеризовать сознание «среднего среднего» большинства;
- *будущее как сфера решения проблем прошлого* (в том числе – настоящего, но ретроспективно представленного уже как прошлое), т. е. ориентация на достижение и проекция связанных с этим проблем в зону неопределенности, будь то в позитивном или негативном залоге. Так можно характеризовать сознание новых и восходящих социальных групп;
- *открытое будущее – сфера нового*, неожиданного, неопределенного, ей соответствует категория выбора, способность к сознанию перемен, переломов и к рационализации их характера, глубины, последствий (собственно, сознание модерности). Способность выбора между различными альтернативами определяется ключевыми установками на самостоятельность, состязательность, солидарность (но прежде всего – активность, «В начале было дело» – гётевского Фауста), которые лежат в основе современных обществ, их базовых, модельных институтов.

В концептуальном плане я бы предложил связывать наличие/отсутствие, развитость/слабость представлений о будущем в сознании и действиях различных групп социума, в том числе – его предсказуемости/непредсказуемости, со следующими комплексами значений и обстоятельств как независимыми переменными анализа:

- со степенью дифференцированности социума, нарастанием в нем многообразия самостоятельных, специализированных институтов и существованием независимых, конкурирующих элит (включая художественные), вырабатывающих и выносящих в публичное поле различные сценарии будущего, создающих и рационализирующих, рафинирующих «языки» обсуждения будущего, а соответственно, с наличием различных, независимых, конкурирующих каналов коммуникации между различными группами и слоями социума;
- со степенью плотности внутри- и межгрупповых коммуникаций в актуальном обиходе различных групп и слоев, иначе говоря, со степенью их открытости/закрытости;

- с уровнем институционального или системного доверия в различных группах социума¹;
- со степенью аскриптивной жесткости или принципиальной вариативности типового жизненного сценария (обобщенно говоря, значимостью «игры») в различных группах социума, в коммуникациях между ними, между поколениями и т.д.

Социологи, как правило, имеют дело с эмпирическими свидетельствами о первых трех из перечисленных выше аналитически выделяемых типах будущего – действием на массовое сознание, соответственно, механизмов порчи, инерции, проекции. Область «открытого», непредсказуемого будущего крайне редко становится актуальной для обычного сознания – разве что в детстве, отрочестве, юности. Чаще ее появление сопровождается экстраординарные состояния общего перелома (катастрофа, война) либо выносятся в область фантазирования (сны, игра, искусство). В этом последнем случае художник, подчеркивая смысловые дефициты и напряжения в настоящем, нередко оказывается указчиком и отгадчиком будущего.

Про массовое сознание современной России допустимо сказать, что в своем большинстве россияне придерживаются представлений о времени и о будущем времени как о механизме инерции или результате порчи. Излагая свои прожективные представления о российском обществе через десять лет, россияне прежде всего сосредотачиваются на характеристиках ухудшения и на моментах коллективной (государственно-национальной, семейной) идентичности, способных, по их оценкам, хоть как-то сдержать, смягчить или снизить разрушительное воздействие времени. Преобладающая часть – в среднем, около трех пятых – взрослых россиян год за годом не чувствуют уверенности в завтрашнем дне. Опять-таки до трех пятых российского населения, по их свидетельству, могут представить будущее себя и своей семьи не далее чем на ближайшие месяцы.

Таблица 1

Каким вы представляете себе российское общество через 10 лет? Что из перечисленного в этом списке может соответствовать тому, что будет тогда в России? (в % от числа опрошенных; приводятся лишь наиболее значимые позиции) (2008, N=1600).

Возможные тенденции	%
Богатые станут богаче, а бедные – беднее	38
Деньги будут играть всё большую роль, люди будут более расчетливыми	34
Россия будет играть все большую роль в мировом сообществе	30
Возрастет значение семьи	25
Людам старших поколений станет всё сложнее понимать общество	24
Возрастет число людей, неспособных поддерживать свое материальное и социальное положение	24
Общество станет более холодным, эгоистичным	23

Таблица 2

На какой срок вы в состоянии ясно представить себе будущее своей семьи, свое собственное будущее? (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	1997, 2400 чел.	1998, 2400 чел.	1999, 1600 чел.	2009, 1600 чел.
Не более чем на один день	17	23	26	13
На ближайшие недели	19	24	21	17
На ближайшие месяцы	25	23	21	25
На год-два	16	14	15	22
На три-пять лет	5	4	4	10
На шесть-десять лет	2	1	1	2
Более чем на десять лет	1	2	2	2
Затрудняюсь ответить	15	9	10	9

¹ Подробнее об этой важнейшей категории см.: Eisenstadt S.N. Power, Trust, and Meaning. Chicago, 1995; Luhmann N. Trust and Power. Ann Arbor: UMI, 2007; Селигмен А. Проблема доверия. М., 2002; Левада Ю.А. Механизмы и функции общественного доверия // Он же. Ищем человека. М., 2006. С. 177–186.

Таблица 3

На сколько лет вперед вы можете планировать свое будущее? (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	1991, 2000 чел.	2001, 1600 чел.	2006, 1600 чел.	2007, молодежь, 2000 чел.
На много лет вперед	2	2	2	5
На ближайшие пять-шесть лет	3	6	10	15
На ближайшие год-два	16	34	34	48
Не знаю, что будет даже в ближайши е месяцы	62	53	48	29
Затрудняюсь ответить	17	5	6	3

Ощущение стабильности, всегда ненадежной и быстро сменяющейся напряжением, конфликтами, ухудшением ожиданий, в лучшем случае увеличивает среди респондентов долю тех, кто может планировать свое будущее на год-два вперед и не более того; в подобных случаях особенно заметен рост данного показателя у молодежи.

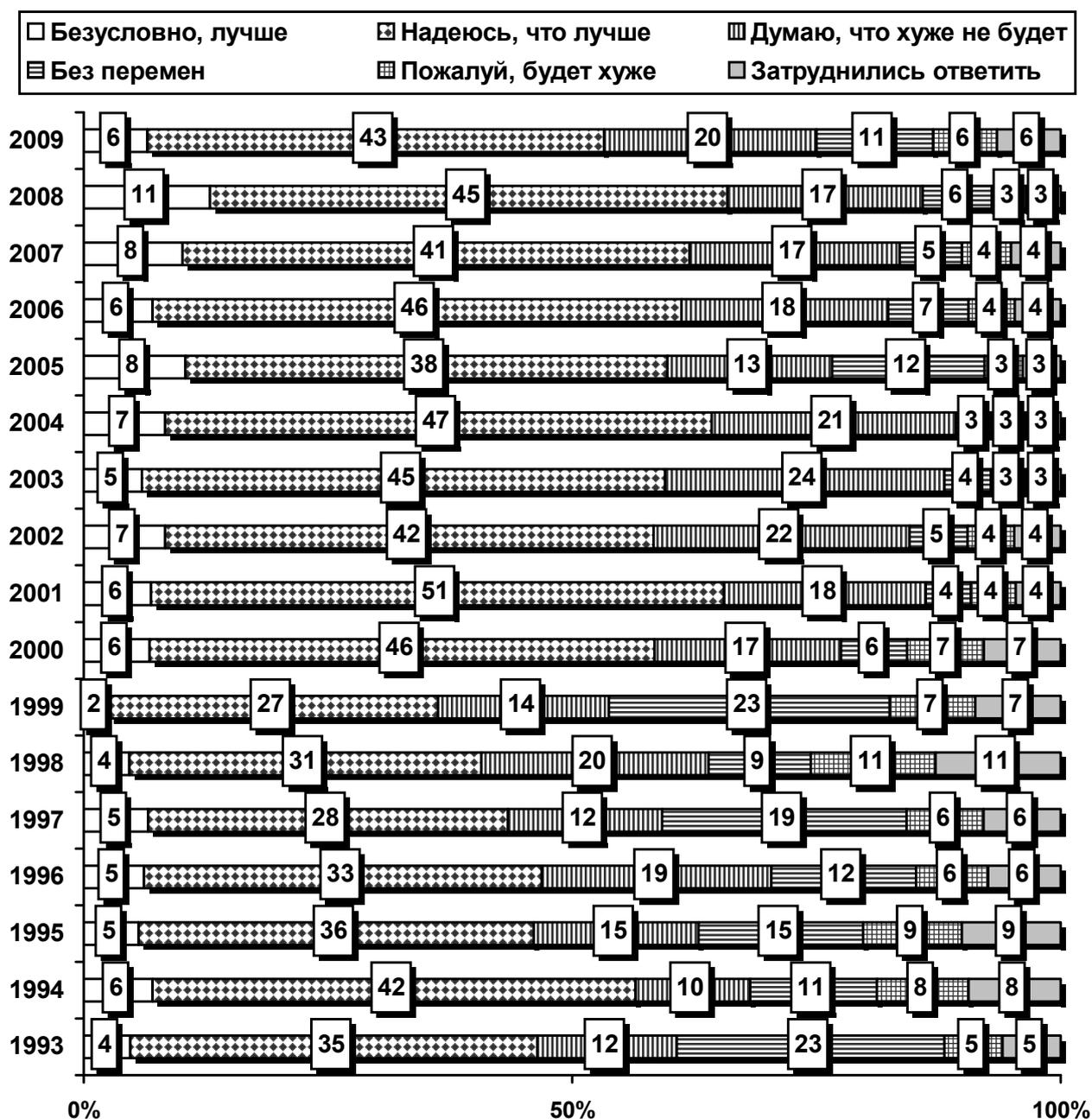
Так относительная стабилизация материального положения в большинстве российских семей и даже известное улучшение его накануне последних парламентских и президентских выборов в стране привели к некоторому укреплению веры в будущее. Больше того: поскольку источником стабильности в настоящем и уверенности в будущем для большинства россиян выступает исключительно верховная власть, относительное улучшение ожиданий на предстоящий год вообще чаще всего связано для наших респондентов с электоральными циклами. Однако подобное улучшение, как правило, длится недолго (См.: Рис.1). К примеру, относительно благополучная ситуация 2007 – начала 2008 гг. начала заметно ухудшаться с осени 2008-го после объявления о наступлении экономического и финансового кризиса в мире и в стране. Соответственно, с октября-ноября 2008 г. у большинства россиян стало укрепляться ощущение, что тяжелые времена – как казалось большинству еще весной 2008 г., уже пройденные – напротив, еще только предстоят. Иными словами, большинство вернулось к стандартным ожиданиям и оценкам будущего как области ухудшения.

При этом россияне, более уверенные в своем будущем, чаще других выступают за сохранение нынешнего положения дел, и наоборот. Иными словами, будущее даже наиболее успешными россиянами рассматривается по преимуществу как продолжение настоящего, инерция, в лучшем случае – удержание нынешнего состояния. Характерный пример: за теперешнюю партию власти на последних выборах в московскую городскую Думу 2009 г. активнее голосовали именно те, кто сумел улучшить свое положение к настоящему времени и, как можно полагать, надеется подобным голосованием гарантировать сохранение статус-кво.

Интерпретация материала. Как представляется, решающие факторы того, что массовые представления россиян о будущем, как правило, настолько негативны, а улучшения в данной сфере оказываются ненадежными и краткими, определяются всем ходом социальной жизни и принципиальной структурой российского социума последних десяти-пятнадцати лет. В частности важную роль здесь играет отсутствие сколько-нибудь самостоятельных, конкурирующих и влиятельных элит, последовательное упрощение и фрагментация общества, неавторитетность средств массовой коммуникации (при регулярном и продолжительном телесмотрении). Сознание разрыва – и ширящегося разрыва – между «верхами» и «низами», между успешным, богатым меньшинством и привыкшей к мало- или среднеобеспеченному существованию массой укоренилось в населении, однако авторитетности власти, богатства, способностей, интеллекта в обществе по-прежнему нет. Соответственно, нет и образцов поведения, сколько-нибудь влиятельных для больших социальных групп, слоев россиян. Опросы о героях года, влиятельных политиках, журналистах и массмедиаальных фигурах, художественной интеллигенции и т. д. демонстрируют абсолютное лидерство властного тандема, на фоне которого любые другие, всегда разрозненные имена собирают не более нескольких процентов опрошенных. Такая же ситуация – в потреблении периодической печати: влия-

тельных общенациональных газет, тем более журналов, в стране нет, преобладает интерес исключительно к местной еженедельной прессе.

Рис.1. Каким для вас будет наступающий год в сравнении с минувшим?

О слабости институционального и системного доверия в российском обществе последних десятилетий не раз писали социологи, включая автора настоящих строк. Россияне не рассчитывают (в обоих смыслах – не могут ни рационально калькулировать, ни полагаться на основании предшествующего опыта) на позитивное взаимодействие с представителями каких бы то ни было институтов нынешнего российского социума. Характерные для большинства россиян представления о тотальной коррумпированности этих институтов от ЖКХ до высших чиновников – оборотная сторона недоверия к ним.

В подобных условиях общей и устойчивой стратегией большинства населения, наиболее крупных социально-демографических групп остается адаптация от противного со всегдашней установкой на возможное понижение («Как бы не было хуже»).

Таблица 4

Как изменилась за минувший год ваша уверенность в будущем?
(в % от числа опрошенных) N=1600

Год оценки	Укрепилась	Осталась такой же	Ослабла	Ее не было и нет	Затруднились ответить
2004	13	44	26	14	2
2005	13	52	21	12	2
2006	16	57	17	9	2
2007	24	56	14	4	2
2008	11	51	32	6	1
2009	13	52	24	9	2

Таблица 5

Мы переживаем сейчас самые тяжелые времена, или они уже позади, или еще впереди? (в % от числа опрошенных) N=1600.

Вариант ответа	1992	1998	2008			2009
	янв.	сент.	апр.	нояб.	дек.	март
Переживаем их сейчас	21	27	15	25	24	23
Они уже позади	1	6	43	18	16	11
Они еще впереди	73	58	27	45	52	55
Не знают, затруднились ответить	5	9	15	12	8	11

Соответственно, преобладающая часть (от двух третей до четырех пятых) россиян раз за разом признается социологам в неспособности влиять на положение дел у себя на работе, в районе, городе, стране, где они живут, – в невозможности позитивно рационализировать собственное поведение, улучшить условия жизни, повысить результативность своих действий, оптимизировать ситуацию в целом.

Невозможность влиять на положение дел, причем в немалой степени – даже в рамках семьи и ближайшего круга родных-близких (разрыв поколений и др.), – демпфируется и компенсируется в массе россиян за счет усиления жесткости нормативного жизненного сценария, подавления механизмов достижения, дифференциации, увеличения многообразия. Отсюда – преобладающая в российском социуме установка на понижающую адаптацию, принятая большинством россиян эскапистская конструкция социального «алиби» (жизни как бы вне актуального пространства и времени), чувство зависти к социальным «другим» и мера по привычному для «всех» скромному, а то и скудному уровню как средство коллективного контроля и самоконтроля (самоконвоирование).

Положение и роль молодежи, в том числе более успешной молодежи, в социуме подобного устройства, ее несколько большие возможности и некоторые реальные достижения принимаются большинством соотечественников разве что как аскриптивные допущения в рамках данной фазы жизненного цикла (по традиционалистской модели – «перебесятся»). Характерно, что у самой молодежи, даже наиболее благополучной, успехи, если они есть, сопровождаются привычным ощущением неуверенности и незащищенности¹. Это, конечно, предельно далеко от самочувствия и социальной практики, скажем, европейской молодежи начальных периодов модернизации – например, членов обществ типа «Молодая Германия», «Молодая Польша», «Молодая Венгрия» и тому подобных на протяжении XIX в. (ср. их самосознание, еще в начале модерна афористически выраженное Новалисом: «В наших силах сделать мир другим»²).

¹ Подробнее см.: Гудков Л., Дубин Б., Зоркая Н. «Средний класс» as if: мнения и настроения высокодоходной молодежи в России // Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии. 2008. № 3. С. 27–41.

² Сегодня подобное ощущение избранных ушло по преимуществу в типовую рекламу с ее самоподбадриванием: «Будущее – в твоих руках», «Все тебе подвластно» и т. п. Оба эти контрастных смысловых плана ежедневно сосуществуют в реальности теперешней России

Сегодняшнюю Россию скорее можно назвать страной без будущего – без сколько-нибудь артикулированной авторитетными элитами и принятой основными группами перспективы. После конца больших утопий XX в. и связанного с ними мессианистского подъема в массе населения и большинстве «продвинутых» групп страны преобладают установки на самозащиту, социальную консервацию, символическую компенсацию – образы «врагов», идеи «особого пути», ностальгия по воображаемому державному прошлому и т. п. Хронические проблемы социокультурного устройства России – задачи системной инновации, gratification достижений, репродукции качественного уровня – остаются нерешенными. Эту ситуацию многократно осложняет продолжающееся сохранение большей части огромной страны в статусе гигантской периферии, которая, с одной стороны, в изобилии поставляет во властный и богатый ресурсами центр соответствующий социализированный «человеческий материал», а с другой – гасит либо трансформирует «с точностью до наоборот» какие бы то ни было императивы и импульсы, идущие из центра.

Т.А. Дубровская, д.ист.н.; В.Е. Макаров, к.воен.н. (РГСУ, Москва)

Патриотизм как фактор Победы, безопасности и устойчивого развития России

Так что же это за феномен «патриотизм»? Под патриотизмом принято понимать любовь к своему Отечеству. Как всякое общественное отношение, патриотизм реализуется в деятельности, представляющей собой определенную социальную ценность, в деятельности, отвечающей интересам общества, которые чаще всего формулируются государством и его институтами. Носителем патриотизма как деятельности является народ и составляющие его люди. Поэтому патриотизм в деятельностном смысле часто персонифицируется как характеристика личности, что, конечно, не исключает коллективной патриотической деятельности. Более того, патриотизм – всегда коллективное действие или действие в коллективе, общественности, – ведь, как говорят, – «Один в поле – не воин». Поэтому патриотизм всегда общественное социальное явление.

Заметим, что патриотизм иногда не вполне правомерно отождествляют с героизмом, т.е. с отдельным или несколькими поступками, входящими в разряд необычных, совершаемых опять же во имя высоких социально-одобряемых целей. Возможен и массовый героизм, но чаще речь идет о героизме индивидуальном. Конечно, героизм есть следствие патриотизма, если в патриотизме видеть не поведение, а мотивы. В одной из песен советских времен были такие слова: «Когда страна стать прикажет героем, у нас героем становится любой». Ситуация, когда героизм проявлялся при исполнении приказа, не была редкой, но быть героем когда прикажет страна, или стать героем может любой – это совсем не одно и то же. Были, конечно, на войне случаи, когда Звезду Героя Советского Союза получали люди, которые по своей биографии, поведению мало соответствовали общественным представлениям о личности героя. Но это были исключения. Помнится, один литературный персонаж советского времени говаривал: «Героизм состоит в том, чтобы хотя бы один день прожить честно».

В своем первичном семантическом значении патриотизм (от позднелат. *patrios*) означает принадлежность к отцам, что указывает на совпадение смыслового наполнения данного термина с чувствами и отношениями, которые складываются внутри семьи между родителями и детьми. Первичный патриотизм племени или рода, живущего собирательной кочевой жизнью, основывался на кровном родстве между членами небольших общинных групп и получал свое активно-деятельностное воплощение в родительской заботе о безопасности и благополучии своих детей. При переходе к оседлому образу жизни понятие «патриотизм» существенно расширяется, приобретая новое специфическое значение, – любовь к родной земле, родному дому, месту, где рождались, жили и умирали целые поколения представителей той или иной общины. С появлением и активным ростом городов значение патриотизма как любви к родной земле начинает ослабевать. Однако в городском быту развивается новый элемент патриотизма – привязанность к определенной этнокультурной среде, ощущение сопричастности с жизнью крупного социального организма. Вместе с тем с XVIII в. понятие

«патриотизм» приобретает современное значение – любовь к Родине, которое определяется неизбежным семантическим давлением латинского корня *patría*, и последовательно привязывается к понятиям «нация» и «гражданство». Проявление государственного патриотизма было востребовано в связи с необходимостью консолидации усилий для создания национальных государств, укрепления различных форм государственной власти. На базе национального патриотизма стало возможным объединение в единую общность людей с разными религиозными и социально-политическими представлениями, этнической и расовой принадлежности. Теоретические основания государственного патриотизма были разработаны в трудах Г. Гегеля. Гегелевское понимание патриотизма означает, что государство как высшая форма организации и высшая ценность выступает главным объектом возвышенных чувств и помыслов личности и общества. Осмысление патриотизма в русле создания национальных государств предполагает проявление его субъектами чувства национальной гордости за Родину, активное участие в укреплении государства и государственности как первоочередного условия развития общества и личности, эффективного санкционирования социальных институтов. Таким образом, патриотизм в современном мире становится той идеологической основой, на которой множество индивидуумов с различными интересами объединяются вокруг смыслообразующей идеи государственности и формируют ядро национального государства – нацию.

Следовательно, исходя из исторической и психосемантической природы исследуемого феномена можно сделать вывод, что патриотизм – это социально-психологическое свойство личности, сформированное на архетипических образах, заложенных в исторической памяти нации и получающее свое сущностное развитие в процессе социальной самореализации человека, идеологическая основа объединения людей различной этнокультурной принадлежности с различными религиозными, социально-политическими взглядами вокруг смыслообразующей идеи национальной государственности.

Таким образом, в мировоззрении российской нации понятие «патриотизм» формируется на основе таких устойчивых архетипов, как:

- коллективизм, выраженный в подчинении личных, индивидуальных интересов интересам народа, готовности к самопожертвованию во имя общего блага;
- служение персонифицированному образу сильной централизованной власти;
- воинская доблесть, аккумулированная в образе воина-защитника;
- самоуважение, гордость за свой народ, обусловленные идеями мессианства.

Все вышеперечисленные архетипы составляют идеологическую основу формирования российской нации вокруг тех или иных смыслообразующих идей государственности. При этом следует учесть, что для нации, сформированной при приоритете этнокультурных особенностей, гораздо более серьезной угрозой является не утрата рациональных политических идей государственности, но потеря ценностного стержня ее существования. Иными словами, российская нация сможет пережить потерю политических причин существования государства, как это не раз происходило в отечественной истории. Однако если сохраняется преемственность ценностно-культурных ориентиров, аккумулированных в исторической памяти, то сохраняется скрепляющая основа российской нации, которая, будучи адаптирована к изменяющимся историческим условиям, создаст необходимую идеологическую базу для нового государственного устройства. Патриотизм, таким образом, служит интегральным показателем, который отражает основные ценностные параметры самоидентификации российской нации. Следовательно, уровень патриотических чувств населения России как социально-психологического качества каждой личности является своеобразным мерилем жизнеспособности российской нации в конкретных исторических условиях внешних цивилизационных и внутренних субъективных вызовов.

Итак, патриотизм в его активно-деятельностном проявлении возникает в виде поведенческих установок. Патриотические чувства воспитываются и развиваются в процессе получения знаний по истории, культуре своей Родины и преломляются через личное восприятие человека, создавая устойчивый образ, формируя мировоззрение по отношению к тем или иным

событиям прошлого, а значит настоящего и будущего. Основывается личное восприятие на тех мнениях, оценках, духовных и этических истинах, которые человек может почерпнуть из доступных внешних источников информации и коммуникации. Все познается в сравнении – в сравнении с обобщенным опытом исторического прошлого, опыта окружающих людей, собственными теоретическими знаниями.

С.Н. Ермоченко, канд. культурологии (СГТУ, Саратов)

Генезис патриотизма в контексте российской воинской культуры

Сегодня в России имеет место противоречие между интересами и требованиями военной службы (как одного из видов государственной службы) к личности и существующим уровнем подготовки граждан к служению Отечеству. Но в современной исследовательской литературе вопросам изучения воинской культуры, вопросам использования огромного потенциала воинской культуры на службе развития личности не уделяется достаточного внимания. Чаще в историческом контексте рассматриваются становление традиций воинского порядка, военного дела, военного искусства, военно-экономического потенциала, а анализ современного состояния проблемы практически отсутствует.

Боевая мощь армии не может ограничиваться лишь техническим развитием вооружений. В сражениях и битвах, боях и специальных операциях победу завоевывают люди. Они управляют техникой, от их боевого духа и отношения к долгу, патриотизма и самоотверженности, профессионализма и самоотдачи зависит решение поставленных задач. Высокий боевой дух и моральная сила военнослужащих формируются в течение долгого времени и связаны со многими сегментами социокультурной жизни страны. Они представляют собой результат сознательного целенаправленного воздействия социальных и культурных институтов на мировоззрение, интеллект, мораль и психику человека. Результаты призывных кампаний последних лет и проводимых мероприятий по переходу к комплектованию должностей солдат и сержантов военнослужащими, проходящими военную службу по контракту, показывают на изменение ценностных ориентаций призывников и военнослужащих. Размываются понятия «патриот», «воинский долг», «воинская честь». Недостаточно эффективно работает система патриотического воспитания в целом и военно-патриотического воспитания в частности. Это можно объяснить функциональной некомпетентностью многих современных общественных институтов, чья деятельность связана с осуществлением патриотического воспитания. Но самым главным препятствием на пути развития стратегий патриотического и военно-патриотического воспитания является отсутствие фундаментальной основы, которая объединила бы различные процессы усвоения, сохранения, развития и воспроизводства компонентов, составляющих российскую воинскую культуру. Несомненно, такой фундаментальной основой может выступать система многоуровневой подготовки граждан к служению Отечеству.

В государственной программе «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2006-2010 годы», утвержденной постановлением Правительства Российской Федерации 2005 г. № 422, подчеркивается актуальность и отмечается необходимость продолжения работы, направленной на решение всего комплекса проблем патриотического воспитания программными методами.

Исследования, посвященные возможностям воспитания человека-патриота, практически не учитывают влияния российского социокультурного процесса на интериоризацию ценностей патриотизма. Определенность и конкретность иерархии ценностей в сознании человека зависят от духовной атмосферы общества, его традиций, коллективных представлений и особенностей включенности различных групп населения в культурно-исторический процесс. Если в советское время патриотизм реализовывался в качестве идеи безальтернативного принятия идеала советской Родины и ненависти к ее врагам, то вряд ли возможно сегодня конституировать безальтернативное принятие современной России как идеала, и патриотизма как любви к России на этой основе.

Поэтому комплексное рассмотрение российской воинской культуры и формирование структурно-содержательных моделей многоуровневой подготовки граждан к служению Отечеству, бесспорно, актуально.

Патриотизм, как духовно-нравственная основа народа, рассматривается в работах философов Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова, И.А. Ильина, Л.П. Карсавина, Н.О. Лосского, Ф.А. Степуна, Е.Н. Трубецкого, Г.П. Федотова, П.А. Флоренского, Г.В. Флоровского, С.Л. Франка. В понимании нравственного смысла военных действий отечественные религиозные философы полемизировали со взглядами на нравственное содержание войны Л.Н. Толстого и его последователей. В целом можно заметить, что размышления русских религиозных философов о войне и воинской культуре являются частью христианской этики, ищущей нравственное равновесие между универсальными христианскими ценностями и государственным патриотизмом.

Исторический контекст воинской культуры разрабатывается такими авторами, как О.А. Митько, А.Е. Мусин. В литературе широко представлен анализ составляющих частей воинской культуры: воинских ритуалов (К.Б. Раш, В.Д. Серых, В.Н. Ягодинский) и военного костюма (В.М. Глинка, Л.Е. Шепелев). В работах В.Н. Гребенькова и А.Б. Григорьева предпринимается попытка дать определение и выявить специфику современного состояния российской воинской культуры.

В отечественной литературе сложилась традиция рассмотрения военных действий в рамках философии и социологии войны. Сложная морально-нравственная перспектива, возникающая в ходе военных действий, т.е. проблемы насилия, формирования образа врага, вопросы войны и мира, является объектом исследования философии войны (А.Г. Дугин, В.С. Заболотный, А.Е. Снесарев). Социология войны уделяет большое внимание объяснению места и роли войны в системе социальных отношений, ее специфики как особого рода отношений между людьми, различными социальными общностями, государствами (В.В. Серебрянников). Вопросам взаимодействия различных социальных групп в армии, проблемам насилия и дискриминации в армии посвящены работы представителей саратовской социологической школы (И.Ю. Суркова, В.Н. Ярская).

Важным теоретическим направлением для диссертационного исследования являются анализ и разработка моделей военно-патриотического воспитания. Проблема формирования ценностных ориентаций и социальных установок военно-патриотической направленности у молодежи призывного возраста носит комплексный и междисциплинарный характер. Основы в разработке проблемы подготовки молодежи к защите Отечества были заложены А.В. Барабанщиковым, А.Н. Вырщиковым, В.Ю. Микрюковым, Е.Г. Радионовым, Н.С. Рейнгардт, М.И. Рожковым, Н.А. Савотиной. Специфику военно-патриотического воспитания раскрывают П.Ф. Агинов, В.Н. Гребеньков, М.Б. Кусмарцев, Т.С. Колябина, В.И. Лутовинов, В.К. Новик, А.И. Пятикоп. Однако необходимо отметить, что в работах данных авторов военно-патриотическое воспитание лишь номинально связано с общим культурным развитием. Важность ориентации военно-патриотического воспитания на культурные традиции в целом лишь констатируется, но не получает должной теоретической разработки.

Воинская культура социума как система складывалась исторически. Она выработала относительно устойчивые отношения между деятельными объектами в армии, которые призваны поддерживать в обществе такие важнейшие символические конструкции, как патриотизм, честь, служение, долг, подвижничество, преданность. Воинская культура предстаёт человеческим творением, поскольку воплощает опыт предшествующих поколений, включает в себя процессы усвоения, сохранения, развития и воспроизводства составляющих ее компонентов.

Одним из важных компонентов российской воинской культуры является базовое понятие – патриотизм. Без определенного уровня патриотизма невозможна и профессиональная мотивация военнослужащего.

Генезис патриотизма в России связан с представлением о служении народу и, прежде всего, служении воинском, при этом содержание понятия патриотизма в историко-

культурологическом контексте неоднородно и неоднозначно. В рамках отечественной религиозной философии существует традиция осмысления войны и военной службы в морально-нравственном контексте; война в ее интерпретации – не столько способ изменения политической реальности, сколько способ утверждения моральных и общекультурных ценностей. Воспитание патриотизма и воинских доблестей в мирное время есть условие сохранения нации и государства.

Эффективное военно-патриотическое воспитание невозможно без уважительного и бережного отношения к воинской культуре в обществе. В повседневной жизни военно-патриотическое воспитание и воинская культура не всегда взаимосвязаны, не носят социальной и культурной значимости, воспринимаются, скорее, как сегменты специфической военной профессиональной деятельности. Гуманистический пафос идеи служения Отечеству, лежит в основе и воинской культуры, и военно-патриотического воспитания. Воинская культура и военно-патриотическое воспитание — это два взаимозависимых и взаимоопределяемых элемента социокультурной среды.

В основании типологии современной отечественной воинской культуры лежит субкультура воинов или (как требует современное российское законодательство) военнослужащих. Носителями воинской культуры являются офицеры, прапорщики и мичманы, курсанты военных образовательных учреждений профессионального образования, сержанты и старшины, солдаты и матросы, проходящие военную службу по контракту, а также сержанты, старшины, солдаты и матросы, проходящие военную службу по призыву. Отдельные группы общества в определенные жизненные периоды могут становиться носителями воинской культуры. Наличие разнообразных групп общества, являющихся носителями воинской культуры, влечет деление воинской культуры на *официальный и неформальный виды*.

Основанием для типологизации официальной воинской культуры является место службы военнослужащего:

- а) в видах Вооруженных Сил;
- б) в родах войск;
- в) в войсках, не входящих в виды Вооруженных Сил;
- г) в других войсках, воинских формированиях и органах.

Дополнительным основанием для типологизации официальной воинской культуры является детализация места службы военнослужащего. Например, штабная культура, культура военного образования и науки, воинская культура в войсках (войсковая культура), воинская культура в военных комиссариатах.

Неформальная воинская культура существует как в армии, так и вне её. Так, до перехода на годичный срок службы, коллектив военнослужащих, проходящих службу по призыву, неформально делился на группы в зависимости от срока службы, с вытекающим от такого деления социальным статусом внутри воинского подразделения. Зачастую такое неформальное деление и неформальные (неуставные) взаимоотношения между военнослужащими приводят к так называемой «дедовщине» (издевательствам, унижению, выполнению работы за старослужащего и т. д.), что можно отнести к проявлениям воинской контркультуры, смыкающейся с преступной субкультурой. Вне армии неформальные элементы воинской культуры можно найти в ветеранских организациях и общественных объединениях.

Можно выделить следующие особенности (черты) официальной воинской культуры:

- высокая степень готовности к выполнению должностных (профессиональных) обязанностей;
- официальность в межличностных отношениях;
- высокий уровень требовательности и контроля со стороны командиров и начальников;
- высокий уровень профессионализма и ответственности;
- директивность в повседневной деятельности.

С точки зрения отношения к преобразованиям, российскую воинскую культуру можно охарактеризовать как замкнутую и традиционную в материальных и духовных символах.

Детальный анализ составляющих воинской культуры демонстрирует многомерность этого понятия, его связь с разнообразными сегментами общественной системы.

Для эффективного выполнения такой важной культурной функции, как воспитание, общество и армия нуждаются в определенных символах и знаках, составляющих основу воинской культуры в целом. Условно воинскую культуру можно подразделить на материальные основания и культурные символы. Особенность отечественной воинской культуры заключается в том, что и материальные основания и культурные символы неразрывно связаны между собой. Рассуждая о Боевом знамени или военной форме, невозможно оставить без внимания вопросы воинской чести и доблести, профессиональной подготовки и т.д. Материальные ценности воинской культуры являются воплощением духовных принципов служения Отечеству. Это тот случай, когда материальное прорастает духовным.

Итак, воинскую культуру социума можно определить как систему исторически сложившихся, относительно устойчивых отношений между деятельными объектами в армии, которая призвана поддерживать в обществе такие важнейшие символические конструкции как патриотизм, честь, служение, долг, подвижничество, преданность. Воинская культура предстаёт человеческим творением, поскольку воплощает опыт предшествующих поколений, включает в себя процессы усвоения, сохранения, развития и воспроизводства составляющих ее компонентов. Принципиально важной функцией воинской культуры является производство и воспроизводство составляющих ее элементов в ряде сменяющих друг друга поколений¹. В России подобную функцию может и должно выполнять военно-патриотическое воспитание, основанное на отечественной воинской культуре.

Во все времена смысловое поле патриотических ценностей пересекалось со смысловыми полями религии, морали войны и мировоззренческими идеями современников. Война – сложное социально-политическое и непростое нравственное явление, затрагивающее фундаментальные ценности и принципы развития культуры. Является ли война абсолютным злом? Как, убивая на войне, не стать убийцей? Воину необходимы такие эмоции, такая нравственная система человеческих и воинских добродетелей и ценностных ориентиров, которые переломят все ужасы и страхи войны. Найти их, обосновать, построить систему воспитания, найти механизмы передачи ценностей и, прежде всего, ценностей патриотизма, передать их воину воспитанием в мирное время – задача гуманитарных наук, задача общества.

Можно выделить три основных мировоззренческих подхода к войне – пацифизм, апологетика и плюрализм. Первый подход категорически отвергает войну, считая ее пережитком варварства. Такое отношение характерно для гуманистической традиции Возрождения (Эразм Роттердамский), для эпохи Просвещения (Гольбах, Гельвеций, Руссо), для Канта, и было выражено в популярном жанре трактатов о вечном мире. В рамках этого же направления можно указать теории ненасилия и пацифизма, положенные в основу многочисленных антивоенных организаций и движений.

Апологетика считает, что война сыграла исключительно благоприятную роль в становлении человеческой культуры, способствовала прогрессу, воспитывала сильные жизнеспособные поколения и помогала людям развить перед лицом смертельной опасности многие творческие способности. Так полагал и полагает милитаризм всех разновидностей: древнеримская историография, Макиавелли, идеологи колониальных завоеваний (Гоббс), «философия войны», выросшая из германской военной стратегии (Клаузевиц, Мольтке), Ницше, социал-дарвинизм и др.

Наконец, сторонники третьей точки зрения – плюрализма – рассматривают войну как большое зло, но признают ее в некоторых случаях необходимой и имеющей благотворные последствия. Это наиболее распространенная точка зрения, т.к. она преодолевает радикализм первых двух. Ее защищали философско-правовая мысль конца Возрождения – начала Нового времени с Гуго Гроцием во главе, классический рационализм – Бэкон, Локк, эволюционистские теории, марксизм, отвергавший международные войны, но призывавший к классовой

¹ Гребеньков В.Н. К проблеме оснований анализа военной культуры общества. URL: http://www.conf.stavsu.ru/_WordDocs/391.doc (дата обращения: 07.12.2008).

борьбе, наконец, современная правовая мысль, допускающая войну как «последнее средство» в деле достижения мира¹.

Мировоззренческие различия в отношении к войне, к подготовке к войне государства, к подготовке к войне военнослужащих напрямую связаны с отношением к патриотизму в социуме и представлениями патриотизма политическими партиями, религиозными конфессиями, движениями и группами – от религиозного патриотизма до полного отрицания оборонной составляющей патриотизма, к государственному патриотизму, далее – милитаризм-патриотизму и, наконец, – национал-патриотизму.

Сложная природа, многомерная структура и многоаспектность патриотизма получают в исследовательских работах (В.И. Даль, Н.М. Карамзин, В.И. Лутовинов) разнообразные и неоднозначные толкования этого понятия, что подтверждается многовариантностью его проявления и использования. Кроме того, проблема патриотизма рассматривается различными авторами в разных исторических, социально-политических и экономических условиях, в зависимости от сформировавшихся под влиянием полученных знаний взглядов и выработанной под воздействием различных факторов, и, прежде всего, фактора понимания и принятия воинской культуры, мировоззрения, личной гражданской позиции, в т.ч. и в отношении к своему Отечеству (Н.А. Бердяев, И.А. Ильин, В.К. Левашов).

Краткий историко-культурный экскурс понимания патриотизма в российском обществе показывает: патриотизм как любовь к Отечеству является мощным мотиватором социального поведения и, одновременно, представляет собой основу мировоззренческой позиции как отдельного человека, так и нации в целом². В зависимости от социально-культурных условий социальные связи между людьми модифицируются, способствуя привнесению специфических, свойственных тому или иному историческому периоду особенностей патриотического сознания населения. В целом патриотические движения в России развивались и развиваются под знаком фундаментальной политизированности. При этом:

- патриотизм является неотъемлемым компонентом отечественной культуры, одной из основ культурного единства и играет первостепенную роль в становлении культурной идентичности;
- идеи патриотизма в России имеют глубокую философскую основу, что свидетельствует о том, что общество не принимает суггестивно концепцию патриотизма, а переосмысливает эти идеи, открывая в них, в зависимости от исторического контекста, новые коннотации;
- патриотизм является базовой ценностью российской воинской культуры;
- степень распространения патриотических идей и их содержание напрямую зависят от особенностей воинской культуры того или иного общества. Специфика материального и символического компонентов воинской культуры, восприятие обществом ценностей воинской культуры определяет систему патриотических установок;
- воспитание патриотизма в мирное время есть условие сохранения нации и государства в любых условиях современной реальности;
- основным механизмом передачи и сохранения патриотической концепции и воинской культуры в обществе является военно-патриотическое воспитание.

Составной частью патриотического воспитания является военно-патриотическое воспитание, направленное на формирование готовности к военной службе как особому виду государственной службы. В практике работы социальных институтов при реализации стратегий военно-патриотического воспитания выделяются два его составляющих компонента. *Первый* компонент условно можно обозначить как социокультурный, который включает в себя все многообразие культурных установок, определяющих общественные приоритеты в конкретный исторический период. Социокультурный компонент военно-патриотического воспитания во многом является главенствующим, составляя концептуальную основу военно-

¹ Скворцов А.А. Этические проблемы войны в русской религиозной философии XX века // Этическая мысль. Вып. 2. М., 2001 URL: <http://ethics.iph.ras.ru/em/em2/13.html>

² Колябина Т.С. Патриотизм и гражданственность как комплекс социокультурных и духовных ценностей (концептуальный анализ) // Общество и право. № 2 (12). Краснодар, 2006. С.106-117.

патриотического воспитания. Только сформировав личность гражданина и патриота России с присущими ему ценностями, взглядами, ориентациями, интересами, установками, мотивами деятельности и поведения, можно рассчитывать на успешное решение более конкретных задач по подготовке к реализации функции защиты Отечества, к военной и другим, связанным с ней, видам государственной службы.

Социокультурный компонент – объединяющее звено между военно-патриотическим и патриотическим воспитанием.

Второй специфический (профессиональный) компонент связан с получением конкретных знаний и умений, необходимых для выполнения гражданского долга и конституционной обязанности по защите интересов Родины. Этот компонент дополняет социокультурную составляющую военно-патриотического воспитания.

Однако эти два компонента на практике могут противоречить друг другу. Узкопрофессиональные ценности и установки зачастую оказываются не востребованными в рамках целого сообщества. Особенно эта тенденция характерна для профессиональных военных интересов, которые в условиях мирного времени могут трактоваться как «милитаристские», «имперские» и пр. Кроме того, в качестве устойчивой тенденции в русле функционирования и развития духовного потенциала современных Вооруженных Сил следует отметить углубление разрыва связей военно-политического сознания призывников и военнослужащих с российской государственной военной политикой. Во многом это связано с современным осмыслением проблем мира и войны, т.е. определенным кризисом в социокультурном компоненте военно-патриотического воспитания. Отсутствие ясных и четких позиций в обществе по проблемам войны и мира, модернизация Вооруженных Сил и их численная оптимизация, замена ряда должностей военнослужащих должностями гражданского персонала, а также порой чрезмерное акцентирование внимания в средствах массовой информации на миролюбивой политике Российской Федерации серьезным образом дезориентируют сознание и мировоззрение большинства призывников и военнослужащих, способствуют размыванию основных ценностных ориентиров военно-профессиональной деятельности¹.

Связующим звеном между этими двумя компонентами военно-патриотического воспитания должна выступать *воинская культура*, которая сочетает и профессиональные принципы, и общекультурные установки. В этом проявляется регулятивная функция воинской культуры в духовно-нравственном развитии человека. Поэтому эффективное военно-патриотическое воспитание невозможно без уважительного и бережного отношения к воинской культуре в обществе. К сожалению, сегодня и в педагогической практике, и в повседневной жизни, и в исследовательской литературе взаимосвязь воинской культуры и военно-патриотического воспитания игнорируется. Более того, игнорируется и социокультурная значимость военно-патриотического воспитания и воинской культуры, они воспринимаются скорее как сегменты специфической профессиональной деятельности, а, именно, военной, которая при отсутствии явного противника теряет значимость для общества и культуры. Гуманистический пафос идеи служения Отечеству, лежащий в основе воинской культуры в целом и военно-патриотического воспитания, приглушается и теряется на фоне политической, экономической риторики.

Воинская культура и военно-патриотическое воспитание как вектор воинской культуры – это два взаимозависимых и взаимоопределяемых элемента социокультурной среды. Воздействуя на один из них, мы получаем соответствующие изменения в другом.

К числу определяющих принципов военно-патриотического воспитания как важного условия реализации его целей и задач можно отнести:

1. Приоритетность исторического, культурного наследия России, ее духовных ценностей и традиций.

¹ Смирнов А.И. Россия: на пути к профессиональной армии (опыт, проблемы, перспективы). М., 1998. С.61.

2. Системность, преемственность и непрерывность в развитии молодежи, с учетом особенностей ее различных субкультур¹.
3. Максимальное проникновение социокультурного компонента военно-патриотического воспитания во все направления подготовки граждан к военной службе.
4. Связь военно-патриотического воспитания с другими направлениями и составными частями патриотического воспитания.

Сегодня все более очевидны недостаточность традиционных представлений о задачах и функциях патриотической работы, а также формализм, проявляющийся в увлечении парадными оборонно-массовыми мероприятиями. За изъянами практики стоят несовершенство теории военно-патриотического воспитания, ее известное отставание от общего уровня современных гуманитарных исследований, отрыв от традиций российской воинской культуры.

О.А. Ефанова, к.филос.н.; Е.А. Лаврухина, к.филос.н. (РАГС, Москва)

Что знают, как оценивают и относятся россияне к Великой Отечественной войне? Историческая память россиян и её доминанты: знания, оценки и отношение²

Великая Отечественная война – одно из тех исторических событий, которые позволяют многочисленным последующим поколениям россиян причислять себя к народу, способному на всемирно значимые свершения. Поскольку в истории найдется не много актов подобного коллективного подвига, направленного на физическое и социокультурное сохранение значительного числа стран и народов, актуализация идеологием этого события в исторической памяти россиян является весомым фактором подъема национального самосознания. Обращение к позитивному социальному опыту прошлых лет особенно актуально в условиях идеологических метаморфоз последних десятилетий.

Результаты социологического исследования свидетельствуют о том, что доминантами народного «военного» сознания являются всеобщность гордости за Победу, массовый героизм и патриотизм, ярко проявившиеся не только в годы войны, но и в послевоенный период всенародного воодушевления, с которым советские люди восстанавливали разрушенное народное хозяйство. Для основной части наших соотечественников это событие ценно в той или иной степени, а значит, и не ушло из активного пласта памяти, и не было вытеснено другими историческими событиями. Данный факт подтверждает итоги предшествующего исследования исторической памяти российского населения, когда в качестве наиболее интересных периодов истории были в первую очередь названы эпоха Петра I и Великая Отечественная война. В то же время для некоторой части населения события Великой Отечественной войны отодвинуты на периферию сознания. Об этом свидетельствует тот факт, что пятая часть опрошенных мало интересуется этими событиями.

По статистике, у подавляющего большинства россиян (91%) кто-то из родственников принимал участие в войне, а каждый десятый потерял в ней кого-то из своих близких. Однако опрос показал, что уже появились семьи, чьи связи с военным прошлым утеряны. На вопрос: «Был ли кто-то из Ваших ближайших родственников на фронте в годы Великой Отечественной войны?» – утвердительно ответил 71%. При этом 5% опрошенных не смогли ответить на этот вопрос. В основном это молодежь, которая объективно «не знала живыми» своих родных – участников военных действий 1941-1945 гг. в связи с естественной сменой поколений. Таким образом, уже можно говорить о том, что *семья* постепенно уходит из числа основных носителей «правды о той войне». Основные знания о войне и ее событиях 18-39 летние вынесли из системы образования (поколение 60-ти лет и старше указывают учебные заведения только в 38% случаев).

¹ Концепция военно-патриотического воспитания [электронный ресурс] Режим доступа: http://www.nasled.ru/pressa/obozrev/N01_99/1_09.HTM

² (По итогам социологического исследования «Великая Отечественная война 1941 - 1945 гг. в исторической памяти народа (к 60-летию победы), проведенного СЦ РАГС при Президенте РФ в ноябре 2004 года»).

Итак, на первое место в трансляции информации о Великой Отечественной войне новым поколениям в начале XXI в. вышли образовательные учреждения, кино и театр, художественная литература. С одной стороны, эти средства межпоколенческих коммуникаций могут формировать и формируют общую картину Великой Отечественной войны, дают точные и устойчивые знания о ее ходе, причинах и итогах, что демонстрируют итоги опроса. Но с другой стороны, эти формы трансляции ценностей абстрактны по своей сути, что приводит к утрате эмоциональной привязанности к событиям Войны, более рациональным оценкам, *душевной отстраненности от предмета поклонения*. Пуповина, связывавшая плотью и кровью несколько поколений, находится на грани обрыва. Об этом могут свидетельствовать косвенные данные, полученные в ходе опроса. Пока еще предпочтения при выборе кинофильмов о Великой Отечественной войне отданы «старым фильмам о войне» – 41%. Но уже «любят и те, и другие» – 37% респондентов, «любят современные фильмы о войне» – 8% (та группа, где восприятие войны сформировано в отрыве от традиционного освещения военных событий). Это в основном люди 18-24 лет и 25-29 лет (15% и 19%, соответственно). Подобное замещение вызвано объективными факторами – изменением структуры восприятия и особенностями памяти, которая носит «стековый» характер, будучи не безграничной по своей природе.

Каждая новая эпоха привносит свои значимые события и закрепляет их в сознании, вытесняя предшествующие. Перестройка, развал СССР, межнациональные конфликты, война на Кавказе – реалии жизни последнего поколения. Реалии более зримые, близкие. Для того, чтобы какие-либо события прошлого детерминировали настоящее, требуется их специальная актуализация. Старое содержание требует новой формы, красок, логики представления. Однако при этом надо учитывать, что закономерно теряется собственно *дух эпохи*.

Можно предположить, что Великая Отечественная война в сознании значительной части россиян начинает переходить из ранга «события особой важности» в ранг «одного из значительных исторических событий, происшедших когда-либо в России». Результаты исследований еще раз подтверждают вывод о том, что воспроизводство «отношения» к Великой Отечественной войне как символическому капиталу нации требует сегодня «особых» декораций. Поддержание в сознании народа образа Победителя, так необходимого в условиях масштабных социальных трансформаций, нуждается в искусственной подпитке через разнообразные формы введения новых поколений в данный исторический опыт. В итоге на смену живым носителям (это произойдет уже через 20 лет) должна прийти грамотно построенная идеология. Сегодня еще можно сделать ставку на толерантное и благодарное отношение поколений, не задетых войной, к старшим поколениям. Так, например, на вопрос «Как Вы считаете, достаточно ли в нашей стране заботятся о ветеранах войны?» – «Нет» ответил 71%. Причем здесь на первое место вышли именно 18-24 летние (76%). В группах 25-39 лет считают заботу недостаточной 66% респондентов.

Конкретные вопросы, связанные с жизнеобеспечением ветеранов и тружеников тыла, ярко отражают противоречивые процессы в сфере реформируемой в России системы социальных льгот. Это говорит, в первую очередь, о недостаточной разъясняющей политике государства в данных вопросах. Значительное число затруднившихся (26% и 19%) и статистически незначительные расхождения при распределении ответов демонстрируют несогласованность и столкновение интересов различных групп.

Рисунок 1